Роберт ГЕЙТС

Роберт Гейтс

Долг. Мемуары министра войны

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8641648
Долг. Мемуары министра войны : / Роберт Гейтс; пер. с англ. В. Желникова.: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084568-2

Аннотация

Эта книга повествует о четырех с половиной годах войны: о боевых действиях американской армии в Ираке и Афганистане, о войне против «Аль-Каиды» и Усамы бен Ладена.

Кроме того, эта книга рассказывает о личной войне Роберта Гейтса с конгрессом – войне, которая продолжалась каждый день его пребывания на министерском посту. Рассказывает о драматическом контрасте между публичной респектабельностью двухпартийной системы и личными чувствами, которые вызывала эта мнимая респектабельность и среди которых преобладали разочарование, отвращение и ярость.

Содержание

От автора 5
Глава 1 6
Глава 2 23
Глава 3 64
Глава 4 91
Глава 5 116
Конец ознакомительного фрагмента. 117

Роберт Гейтс
Долг. Мемуары министра войны

Эта книга посвящается мужчинам и женщинам, несущим службу в вооруженных силах Соединенных Штатов Америки

Robert M. Gates
The Duty: Memoirs of a Secretary at War

Перевод с английского В. Желникова
Компьютерный дизайн Г.В. Смирновой

Печатается с разрешения издательства Alfred A. Knopf, an imprint of The Knopf Doubleday Group, a division of Random House, LLC.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

© Robert M. Gates, 2014

От автора

Эта книга повествует о моих четырех с половиной (и даже больше) годах войны. Преимущественно в ней рассказывается, конечно, о боевых действиях в Ираке и Афганистане (плоды первоначальных побед в обеих странах были омрачены тактическими ошибками, политической близорукостью и возобновлением активного противостояния); также в книге много места уделяется ситуации в Вашингтоне, развитие которой спровоцировало длительную и жестокую кампанию с целью избежать стратегического поражения. Да, в основном я рассказываю о войне против «Аль-Каиды» и Усамы бен Ладена, на которых лежит ответственность за нашу национальную трагедию, 11 сентября 2001 года. Кроме того, эта книга повествует о моей политической войне с конгрессом – войне, которая продолжалась каждый день моего пребывания на министерском посту, а еще – о драматическом контрасте между публичной респектабельностью двухпартийной системы и моими личными чувствами, которые вызывала эта мнимая респектабельность и среди которых преобладали разочарование, отвращение и ярость. Имели место и политические войны с Белым домом, прежде всего с сотрудниками администрации, а иногда и с президентами – причем с президентом Обамой мы воевали чаще, чем с президентом Бушем. Наконец, я намерен поведать о своей бюрократической войне с министерством обороны и армейскими структурами, войне по превращению министерства из органа, планирующего подготовку к военным операциям, в полноценный боевой командный центр, войне по превращению имевшихся у нас вооруженных сил в такие вооруженные силы, которые были необходимы для победы.

Джордж У. Буш и Барак Обама оказались соответственно седьмым и восьмым президентами США, с которыми мне довелось работать. Ни с одним из них я не был знаком лично, когда начиналось наше сотрудничество, и они тоже меня не знали. К моему удивлению (и ужасу), выяснилось, что я – единственный в истории США министр обороны, которого новоизбранный президент попросил остаться в должности, причем его не смутила даже моя принадлежность к другой партии. Свой пост я занял в середине декабря 2006 года, преследуя конкретную цель – сделать все возможное, дабы предотвратить катастрофу, которую сулило положение дел в Ираке. Я понятия не имел, как этого добиться, и совершенно не представлял, сколь радикальные изменения потребуется произвести в Пентагоне ради достижения этой цели. А еще я и думать не думал, насколько кардинально и насколько далеко со временем моя миссия распространится за пределы Ирака.

Оглядываясь назад, я обнаруживаю другую составляющую моих четырех с половиной лет в состоянии войны, параллельную войне, – это любовь. Под этим словом я подразумеваю любовь – именно так и никак иначе, – с которой привык относиться к американским вооруженным силам, и всеобъемлющее чувство личной ответственности за них. Скажу прямо: исключительно этой любовью и этой ответственностью определялись некоторые мои самые важные и значимые решения. К концу моего пребывания в должности дошло до того, что я едва справлялся с волнением, когда говорил с американскими солдатами или рассказывал о них. В начале пятого года на министерском посту я осознал, что мое стремление защитить их – в войнах, которые мы на тот момент вели, и в прочих, которых хотелось бы избежать, – затуманивает мои суждения и тем самым резко снижает мою полезность для президента; это обстоятельство сыграло определенную роль в моем решении уйти в отставку.

Я не претендую на то, чтобы считаться автором полной, тем более окончательной истории войн в период с 2006 по 2011 год. Это просто моя личная история – рассказ о том, как я служил министром обороны США в эти бурные и трудные годы.

Глава 1
Призванный на службу

В августе 2002 года я стал президентом Техасского университета[1] и к октябрю 2006-го успел отработать значительную часть своего пятого года в этой должности. Я был по-настоящему счастлив, и многие «агги»[2] (хотя и не все) считали, что мне удалось изменить к лучшему едва ли не все аспекты университетской жизни и деятельности (не считая разве что футбола). Первоначально я полагал, что пробуду президентом только пять лет, но потом согласился увеличить этот срок еще на два года – до лета 2009-го. После чего мы с женой Бекки рассчитывали наконец осесть в нашем доме на Тихоокеанском побережье.

Неделя, отсчет которой пошел с 15 октября 2006 года и которая коренным образом изменила мою жизнь, началась традиционно – с нескольких деловых встреч. Затем я отправился в рабочую поездку, и ее конечным пунктом был Де-Мойн, штат Айова, где мне предстояло выступить с речью в пятницу, 20 октября.

В тот же день, где-то после часа пополудни, я получил по электронной почте письмо от моего секретаря Сэнди Кроуфорд; в письме сообщалось, что советник по национальной безопасности президента Буша, Стив Хэдли, просит позвонить ему «в ближайшие пару часов». Сэнди приписала, что в стремлении связаться со мной помощник мистера Хэдли был «весьма настойчив». Я попросил Сэнди проинформировать Стива, что я непременно позвоню ему в субботу утром. Я понятия не имел, что от меня понадобилось Стиву, но я почти девять лет и при четырех президентах был членом Совета национальной безопасности (СНБ) и твердо усвоил нехитрую истину: западное крыло[3] частенько требует безотлагательных действий, когда в этом нет насущной необходимости.

Мы с Хэдли познакомились на заседании СНБ летом 1974 года и с тех пор поддерживали дружеские отношения, хотя лично встречались редко. В январе 2005 года Стив, который сменил Кондолизу Райс в качестве советника по национальной безопасности при втором сроке Джорджа Буша, поинтересовался, не хочу ли я стать первым директором Национальной разведки – ведомства, созданного годом ранее; причем я не скрывал, что это решение и сам этот пост видятся мне, мягко говоря, спорными и неработоспособными. Президент и его старшие советники желали, чтобы я от критики перешел к практике и заставил это ведомство работать. В понедельник инаугурационной недели я встретился с Хэдли и главой администрации Белого дома Энди Кардом в Вашингтоне. Мы подробно обсудили прерогативы разведки и расширение президентом возможностей директора Национальной разведки, и к выходным все – и я в том числе – уверились, что я соглашусь взяться за эту работу.

Мы расстались с условием, что в следующий понедельник я позвоню Карду в Кэмп-Дэвид и сообщу о своем окончательном решении. Все выходные я не находил себе места. В ночь с субботы на воскресенье, ворочаясь без сна в постели, я не выдержал и попросил Бекки принять решение за меня: я знал, как сильно ей нравится Техасский университет, так

---

[1] Техасский сельскохозяйственный и политехнический университет – исследовательский центр, флагманское научное учреждение техасской системы университетского образования, четвертый в списке крупнейших университетов США. Тесно сотрудничает с НАСА, Национальным институтом здравоохранения и Центром военно-морских исследований. Далее по тексту – Техасский университет. – *Здесь и далее примеч. ред.*

[2] «Агги» («аграрии») – прозвище студентов, выпускников и членов спортивных команд Техасского сельскохозяйственного и политехнического университета.

[3] Западное крыло – сленговое обозначение администрации президента США, по расположению в Белом доме; в западном крыле последнего находятся Овальный кабинет (рабочий кабинет президента), Кабинетная (офис секретарей и помощников президента), Ситуационный центр (кабинет для оперативного руководства в чрезвычайных ситуациях) и Кабинет Рузвельта (конференц-зал для рабочих совещаний).

что от нее всего-то и требовалось сказать: «Нет, в Вашингтон мы не вернемся». Но вместо этого я услышал: «Мы сделаем так, как выберешь ты». Оставалось только поблагодарить жену – и думать дальше.

Поздно вечером в воскресенье я бродил по кампусу, дымя сигарой. Обойдя такие привычные и хорошо знакомые корпуса, я решил, что не могу бросить университет: ведь еще столько планов, столько целей намечено. Вдобавок я очень, очень не хотел возвращаться на работу в правительство. Я позвонил Энди следующим утром и попросил передать президенту, что я вынужден отказаться. Похоже, мой отказ его ошеломил. Вероятно, он даже воспринял случившееся как предательство – о чем я искренне сожалею, – но это было взвешенное решение. Вернувшись домой, я сказал Бекки: «Теперь нам ничто не грозит, администрация Буша больше никогда не попросит меня о чем-либо». Я ошибался.

В девять утра в субботу – почти два года спустя, считая с того случая, – я, как и обещал, перезвонил Стиву. Он не стал тратить время на дежурные любезности и задал прямой вопрос: «Если президент попросит вас стать министром обороны, вы согласитесь?» Ошарашенный подобной прямотой, я ответил без обиняков и колебаний: «Наши дети гибнут на двух войнах. Если президент считает, что моя помощь пригодится, у меня нет выбора – я должен согласиться. Это мой долг». Американские солдаты выполняют свой долг – как же я могу пренебречь своим?

Повесив трубку, я замер в кресле за письменным столом. Боже мой, что я наделал? О чем я только думал? Да, конечно, после почти сорока лет брака Бекки поддержит любое мое решение и все его последствия для наших двоих детей, но почему-то мне было страшно рассказать жене.

Джош Болтен, бывший начальник Административно-бюджетного управления, ранее в этом году сменивший Карда на посту главы администрации Белого дома, позвонил мне несколько дней спустя, чтобы удостовериться в моих намерениях. Он спросил, нет ли у меня каких-либо этических возражений, способных обернуться проблемами – скажем, по поводу найма нелегальных иммигрантов в качестве нянь или домработниц. Я решил слегка отыграться на нем за свои душевные метания и сообщил, что за нашим домом присматривает экономка-нелегалка. Правда, прежде чем его хватил удар, я успел прибавить, что у нее есть грин-карта[4] и совсем скоро она должна получить гражданство. Сдается мне, бедняга Джош не оценил мое чувство юмора.

Болтен сказал, что нужно назначить дату для личной беседы с президентом. Я ответил, что скорее всего смогу вырваться в Вашингтон на ужин в воскресенье, 12 ноября. Но президент не захотел ждать так долго. Джош прислал мне 31 октября электронное письмо с приглашением приехать утром в воскресенье, 5 ноября, на ранчо Буша в окрестностях Кроуфорда, штат Техас.

Условия встречи, сформулированные заместителем главы администрации Белого дома Джо Хейгином в письме по электронной почте, были весьма конкретными. Мне полагалось пересечься с ним в восемь тридцать утра в Макгрегоре, штат Техас, – это примерно в двадцати минутах езды от ранчо. Местом рандеву назначалась парковка у продуктового магазина «Брукшир бразерс»; Джо написал, что будет сидеть в белом «додже-дуранго», припаркованном справа от входа. Форму одежды он обозначил как «ранчо-кэжуал» – футболка и свободные брюки или джинсы. Знаете, вспоминая свои собеседования как с президентом Бушем, так и с президентом Обамой, я не могу отделаться от мысли, что в них было больше романтики «плаща и кинжала», чем в моей многолетней карьере в ЦРУ.

[4] Грин-карта – в США удостоверение личности, подтверждающее вид нежражданина на жительство и предоставляющее право на трудоустройство.

Я никому не рассказывал, что происходит, кроме Бекки, естественно, и кроме отца президента, экс-президента Джорджа Буша-старшего (сорок первого президента США, он же Буш-41), с которым я хотел посоветоваться. Именно благодаря ему я вообще появился в Техасском университете, когда в 1999 году стал временным деканом Школы государственного управления и государственной службы Джорджа Буша-старшего. В итоге обязанности, сулившие необременительную нагрузку на несколько дней в течение девяти месяцев, растянулись на два года и в конце концов завершились моим президентством в университете. Бушу не хотелось отпускать меня, но он понимал, что долг перед страной важнее долга перед университетом. Думаю, кстати, ему было приятно, что его сын остановил свой выбор на мне.

В назначенный для встречи с президентом день я выехал из дома около пяти утра. Назовите меня старомодным, но я счел, что пиджак и брюки больше подходят для общения с президентом, чем спортивная рубашка и джинсы. Местный «Старбакс» еще не открылся, так что первую часть моего пути, занявшего примерно два с половиной часа, глаза у меня отчаянно слипались. Всю дорогу я размышлял над вопросами, которые необходимо задать, и над ответами, которые мне предстоит давать, над серьезностью вызова, над тем, как изменится наша с женой жизнь, над плюсами и минусами должности министра обороны. Не помню, чтобы испытывал какие-либо сомнения в своих силах, – возможно, просто потому, что категорически не представлял, насколько печально положение дел. Впрочем, я сознавал, что от меня потребуется в первую очередь: большинство американцев не верили в возможность переломить ситуацию в Ираке и изменить политический климат в Вашингтоне.

Еще во время поездки я думал о том, как странно ощущать себя членом этой администрации. Я никогда ранее не беседовал с нынешним президентом. Я не участвовал в избирательной кампании 2000 года, и никто меня не просил в ней участвовать. Я практически не поддерживал контактов ни с кем в администрации Буша в годы его первого срока и был немало растерян, когда мой близкий друг и наставник, Брент Скоукрофт, ввязался в публичный спор с администрацией относительно войны в Ираке. Да, с Райс, Хэдли, Диком Чейни[5] и другими я был знаком на протяжении многих лет, но ведь мне предстояло присоединиться к группе людей, которые вместе прошли через события 9/11, которым выпало воевать в двух войнах и которые шесть лет состояли в одной команде. Я для них был посторонним.

Тайное рандеву в Макгрегоре обошлось без накладок. Когда мы подъехали к ранчо, я воочию увидел, насколько строже стали меры безопасности после событий 9/11. Мне и прежде доводилось посещать президентские резиденции, и все они усиленно охранялись, но ничего подобного раньше не наблюдалось. Джо высадил меня у президентского дома, внушительного и строгого одноэтажного здания на некотором расстоянии от главного ранчо. В этом здании находился просторный кабинет и гостиная для встреч, а также кухня и несколько оборудованных компьютерами офисов для персонала. Я приехал раньше президента (всегда соблюдаю протокол), наконец-то выпил чашку кофе и осматривал ранчо, пока не прибыл президент – это произошло ровно в девять. (Буш исключительно пунктуален.) Увидев меня, он извинился перед большой группой друзей и членов семьи, которые приехали праздновать шестидесятилетие первой леди, Лоры Буш, и пригласил меня в кабинет.

Мы обменялись любезностями, и президент приступил к делу. Начал он с важности успеха в Ираке, заявил, что нынешняя стратегия неэффективна, следовательно, необходим новый подход. Он сказал, что всерьез обдумывает существенное увеличение численности американского контингента для обеспечения безопасности Багдада. Потом поинтересовался моим опытом работы в Группе по изучению Ирака (подробнее о ней чуть позже) и моим мнением относительно увеличения численности наших войск. По словам Буша, он размыш-

[5] Чейни Ричард (Дик) – политический деятель, министр обороны в администрации Дж. Буша-старшего, вице-президент при Дж. Буше-младшем; самый влиятельный вице-президент в истории США, по оценке газеты «Вашингтон пост».

лял о смене военного руководства в Ираке и присматривался к генерал-лейтенанту Дэвиду Петрэусу. Ирак, очевидно, занимал все мысли президента, но он также коснулся ситуации в Афганистане и ряда других проблем национальной безопасности, в том числе Ирана и политического климата в Вашингтоне; затем кратко описал свои принципы управления – в частности, упомянул, что ожидает полной искренности от старших советников. Когда президент со значением произнес, что его отец не знает о нашей встрече, я ощутил неловкость, но не стал его разочаровывать. Совершенно ясно, что он не советовался с отцом насчет моего потенциального назначения; что бы ни утверждали позднее злые языки, Буш-41 никакой протекции мне не оказывал.

Президент спросил, есть ли у меня вопросы или какие-либо соображения. Я ответил, что в моей повестке дня пять пунктов. Во-первых, Ирак: на основе информации, собранной Группой по изучению Ирака, я считаю увеличение численности войск необходимым, но продолжительность пребывания нашего контингента в этой стране должна быть тесно увязана с конкретными действиями иракского правительства, прежде всего – с принятием ключевых законодательных инициатив, способствующих примирению противоборствующих сторон и обеспечению национального единства. Во-вторых, я выразил глубокое беспокойство по поводу Афганистана: на мой взгляд, мы им пренебрегаем, уделяя слишком много внимания тому, чтобы создать эффективную центральную власть в стране, которая никогда ее, по сути, не имела, и игнорируем положение дел в провинциях, областях и племенах. В-третьих, я подчеркнул, что, с моей точки зрения, ни армия, ни корпус морской пехоты недостаточно многочисленны для решения задач, которые перед ними в настоящее время ставятся; следовательно, нужно больше людей. В-четвертых, я упомянул о «раскрытии кубышки» и привлечении Национальной гвардии и резервистов – в конце концов, большинство мужчин и женщин записываются в Национальную гвардию, предполагая, что их ожидают ежемесячные тренировки и занятия в летних учебных лагерях, а также призыв в случае стихийных бедствий или национального кризиса; вместо этого их превратили в армейские подразделения и отправляют служить по году и более в самых опасных местах, причем нередко это происходит на регулярной основе. Я сказал президенту, что, по-моему, такая практика чревата негативными последствиями для семей и для работодателей, и с этим нужно что-то делать. Он не возразил ни словом по поводу гвардии. Наконец я заявил, что не могу считаться экспертом и не являюсь в полной мере информированным, однако то, что я слышал и что читал, убеждает меня в следующем факте – Пентагон закупает слишком много оружия, больше подходящего для «холодной войны», чем для двадцать первого столетия.

Мы проговорили около часа, затем президент подался вперед и спросил, остались ли у меня какие-то вопросы. Я сказал, что нет. Тогда он криво улыбнулся и спросил: «Чейни?» Когда я скопировал его улыбку, он произнес: «Важная персона, очень важная, но всего одна». Я сказал, что поддерживал хорошие отношения с Чейни, когда тот занимал пост министра обороны, и надеюсь, что это пригодится. Президент же заметил, что знает, как я люблю Техасский университет, но страна нуждается во мне. И спросил, готов ли я принять обязанности министра. Я ответил – да.

Он весьма откровенно беседовал со мной о многом, в том числе о вице-президенте, и явно ожидал с моей стороны не меньшей искренности. Если коротко, я ушел от него в уверенности, что от меня как от министра потребуется говорить именно то, что думаю; отлично – уж с этим-то проблем наверняка не возникнет.

Обратная дорога в университет промелькнула незаметно. Добрых две недели статус министра обороны оставался не более чем шансом, возможностью, которая, как я отчасти надеялся, никогда не реализуется. После разговора с президентом, пусть никто не велел мне паковать вещи, я осознал – все изменилось.

Около половины шестого вечера в тот день я получил электронное письмо от Буша-41: «Как все прошло?» Я ответил: «Могу ошибаться, но как будто исключительно хорошо. Я полностью удовлетворен по всем вопросам, которые задавал (в том числе теми, которые мы с вами обсуждали)… Возможно, я тороплю события, но мне кажется, что игра стоит свеч. Мне тяжело думать об уходе из университета, мистер президент, но, если честно, чертовски приятно, что тебя зовут помочь стране в нелегкие времена. Знаете, мы с вашим сыном, когда он был губернатором Техаса, толком не общались, разве что руки друг другу пожимали. Сегодня мы проговорили больше часа наедине, и мне понравилось то, что я увидел. Может быть, я сумею помочь ему». Под конец я попросил Буша-41 держать в тайне наши контакты, и он тут же ответил: «Я нем как рыба! Можете положиться на своего верного друга, который безмерно рад за вас».

Буквально пару минут спустя позвонил Болтен и сказал, что президент готов двигаться дальше. На час дня среды, 8 ноября, запланирована пресс-конференция; затем, в три тридцать, состоится телевизионная трансляция встречи в Овальном кабинете – президент, министр Рамсфелд и я.

Чейни писал в своих мемуарах, что противился решению президента заменить Рамсфелда, старого друга, коллегу и наставника Дика. Я в общем-то это подозревал, а потому испытал немалое облегчение, когда Болтен передал мне, что госсекретарь Райс в восторге от моего назначения, а вице-президент назвал меня «хорошим парнем». Как уточнил Болтен, из уст Чейни это почти наивысшая похвала.

Я обо всем сообщал Бекки – просто не мог держать ее в неведении – и позволил себе всего одно сомнение. Вечером в то воскресенье мы с женой говорили о том, что администрация Буша изрядно подорвала уважение к себе в глазах всей Америки. Я сказал Бекки: «Я должен это сделать, но просто надеюсь, что работа в составе этой администрации не сильно подорвет мою репутацию».

Объявление

В понедельник громоздкие колеса государственной машины пришли в движение, причем все по-прежнему происходило в строжайшей тайне. Прежде всего мне надлежало встретиться с юристом Белого дома Гарриет Майерс, дабы разрешить все этические вопросы, связанные с моим членством в советах директоров различных компаний, а также с моими инвестициями и прочей бюрократией. Политические шаги начались во вторник, когда меня попросили представить список членов конгресса, позитивно настроенных, по моим оценкам, к моей кандидатуре, наряду со списками бывших высокопоставленных чиновников, журналистов и других лиц, от которых можно ожидать благожелательных комментариев. А 8 ноября мне велели к полудню прибыть в Белый дом.

Я прилетел в Вашингтон на военном «гольфстриме» без особых опознавательных знаков; самолет приземлился на авиабазе Эндрюс, неподалеку от города, и зарулил на стоянку в дальнем закутке аэродрома. Прямо на поле меня встретил на машине Джо Хейгин.

Спустя несколько минут меня привезли в Белый дом и провели в маленький кабинет в подвале Западного крыла; отсюда мне предстояло обзвонить со словами благодарности лидеров конгресса, ключевых парламентариев и прочих видных государственных деятелей и политиков в самом Вашингтоне и за его пределами. Я познакомился с Дэвидом Брумом, молодым помощником юридического советника Белого дома; ему поручили опекать меня и всюду сопровождать, пока не завершится процедура официального утверждения. Да, конечно, я и сам довольно сносно ориентировался в реалиях Капитолия, но Дэвид, умный, практичный и проницательный парень, офицер резерва корпуса морской пехоты США, оказался сущим кладезем полезной информации. Мне с ним было весьма комфортно.

Я сделал ряд звонков, и в целом реакция на мое предстоящее назначение была исключительно позитивной. Я узнал, что даже республиканцы сильно озабочены ситуацией в Ираке и готовы к кардинальным переменам в политическом курсе – особенно учитывая, что многие из них приписывали потерю партией большинства в конгрессе на недавних выборах тому обстоятельству, что в обществе нарастало недовольство войной. Не зная, чего от меня ожидать применительно к Ираку, они все же приветствовали мою кандидатуру. Демократы и подавно демонстрировали энтузиазм, полагая, что мое назначение неким образом ускорит завершение войны. Если до звонков у меня и оставались сомнения по поводу того, чего почти все в Вашингтоне ожидают от новоназначенного министра обороны, то телефонные разговоры эти сомнения полностью развеяли.

Примерно в двенадцать тридцать по техасскому времени, приблизительно через полчаса после начала президентской пресс-конференции, посвященной изменению военной стратегии, мы разослали по электронной почте заранее подготовленный текст, адресованный 65 000 студентов, преподавателей и персонала Техасского университета. Сложнее всего мне дались следующие строки этого сообщения: «Вынужден признать, что хотя два года назад я отказался от работы в правительстве ради нашего университета, но многое с тех пор произошло – и в нашей стране, и во всем мире. Я безмерно люблю и ценю Техасский университет, но нашу страну я люблю все-таки сильнее, и потому, как многие «агги» в погонах, я обязан выполнить свой долг. К сожалению, я должен уйти. Надеюсь, вы представляете, насколько мне тяжело расставаться и как я буду скучать по вас и по этому уникальному американскому учебному заведению».

Пару часов спустя подошло время телепередачи. Мы с президентом и Рамсфелдом быстро переговорили в личной президентской столовой, а затем Рамсфелд направился в Овальный кабинет. За ним – президент, и последним я. Прошло почти четырнадцать лет с тех пор, как я переступал порог Овального кабинета.

Президент начал свое выступление с заявления о необходимости и далее реализовывать наступательную политику в Ираке и Афганистане, чтобы защитить американский народ. Потом он охарактеризовал роль министра обороны и кратко перечислил основные пункты моей карьеры. А затем произнес две фразы, в которых сформулировал мои задачи на посту министра: «Он покажет министерству новые перспективы и предложит новые идеи, в том числе относительно того, как Америке достичь поставленных целей в Ираке» и «Боб понимает, как управлять крупными и сложными проектами и как надлежащим образом их трансформировать для решения новых задач». Далее президент подробно описал достижения Дональда Рамсфелда в качестве министра обороны и поблагодарил его за все, что тот сделал ради безопасности Америки. Затем на трибуну поднялся Рамсфелд. Он говорил в основном о вызовах безопасности нашей страны, но не забыл выразить благодарность – президенту за доверие и поддержку, коллегам по министерству обороны и, безусловно, американским мужчинам и женщинам в военной форме за их службу и самопожертвование. На мой вкус, выступление Дональда получилось очень искренним и трогательным.

Настала моя очередь. Поблагодарив президента за доверие и Дона за службу стране, я сказал: «В прошлом августе исполнилось сорок лет, как я поступил на государственную службу. Президент Буш – седьмой президент, которому я служу. Честно сказать, я не планировал возвращаться, поскольку был по-настоящему счастлив, возглавляя Техасский университет.

Однако сегодня Соединенные Штаты находятся в состоянии войны, в Ираке и в Афганистане. Мы сражаемся с мировым терроризмом. Кроме того, существует немало иных вызовов миру и нашей безопасности. Я убежден, что исход этих конфликтов сформирует грядущее политическое устройство на десятилетия вперед. А поскольку наши долгосрочные стратегические интересы и наша национальная и внутренняя безопасность подверга-

ются критическим угрозам, поскольку многие сыновья и дочери Америки в составе наших вооруженных сил рискуют своими жизнями, я не сомневался ни мгновения, когда президент попросил меня вернуться в строй.

Если сенат утвердит мою кандидатуру, я буду служить стране всей душой и буду безмерно признателен президенту за предоставленную мне возможность это сделать».

Отзывы прессы и публичные комментарии по поводу моего выступления в последующие дни были вполне положительными, но я достаточно давно в политике, а потому прекрасно понимал: это шоу, причем главный герой в нем не я; просто страна заждалась перемен. Пресса развлекалась статьями о возвращении к власти «команды-41»: мол, отец президента приходит на помощь, бывший госсекретарь Джим Бейкер за кулисами тянет за ниточки, и так далее; еще всех интересовало, как я собираюсь очищать Пентагон от назначенцев Рамсфелда – в газетах частенько встречалось выражение «зачистить кольцо Е» (так называют внешний, самый дальний от центра коридор Пентагона, где расположены кабинеты большинства старших гражданских служащих). В общем, резвились как дети.

Следующие три недели я продолжал выполнять обязанности президента университета и одновременно готовился к официальному утверждению в должности. Пусть когда-то я и был директором ЦРУ и, следовательно, имел полный доступ к «драгоценностям короны», то есть к самым главным американским секретам, мне пришлось заполнить печально знаменитую своими вопросами федеральную форму SF-86 – «Анкету для кандидатов на посты, связанные с обеспечением национальной безопасности» (этой участи не избежать никому из тех, кто претендует на место в правительстве США). Подобно всем прочим высокопоставленным чиновникам, я также был вынужден подписать заявление о раскрытии финансовой информации. Мне уже доводилось заполнять все эти бумаги ранее, но за последние годы политический климат в Вашингтоне изменился и неточные ответы – даже невинные описки – стоили министерских постов ряду других кандидатов. Так что мне, дабы избежать ненужных ошибок, посоветовали воспользоваться услугами вашингтонской юридической фирмы, которая специализируется на заполнении этих форм. Я категорически не желал препятствий к утверждению, а потому принял этот совет и заплатил 40 000 долларов за оформление документов. (Могу только воображать, во сколько обходятся услуги этой фирмы кандидатам, у которых более сложная и долгая финансовая история.) Вдобавок я ответил на анкету сенатского комитета по вооруженным силам – шестьдесят пять страниц вопросов! Хорошая новость заключалась в том, что в Пентагоне имеется многочисленный отдел, выполняющий основную работу по подготовке ответов на эти вопросы, хотя от кандидата требуется все просмотреть и подписать – и быть готовым к обсуждению этих вопросов на слушаниях по утверждению в должности.

Находясь в Вашингтоне и готовясь к утверждению, я работал в богато украшенном комплексе помещений Эйзенхауэровского офисного центра[6], гигантского гранитного здания в викторианском стиле рядом с Белым домом, где тридцатью двумя годами ранее у меня тоже был свой кабинет, пусть и не такой изысканный. Туда мне доставляли информационные материалы для ознакомления – по состоянию вооруженных сил (армии, флота, в том числе корпуса морской пехоты, и ВВС), по организации обороны страны; в частности, обнаружилась весьма замысловатая организационная диаграмма, сложность которой словно предвещала грядущие бюрократические проблемы. Общая стратегия подготовки к слушаниям состояла в том, чтобы не узнать слишком много, в особенности касательно бюджета или конкретных программ закупок – этого предмета столкновения интересов сенаторов-членов комитета. Я понимал, что на слушаниях всех будут интересовать не мои познания о струк-

[6] Эйзенхауэровский офисный центр – офисное здание в Вашингтоне, находящееся в ведении администрации президента США. См. также примечание о Старом здании ниже.

туре министерства обороны, а прежде всего моя позиция относительно Ирака и Афганистана, а также мое поведение и манера держаться. С этим мне не могли помочь никакие наставники.

В эти три недели я познакомился с Робертом Рангелом, «специальным помощником» Рамсфелда, фактически – его начальником штаба. Перед тем как прийти в Пентагон в 2005 году, Рангел работал в комитете по вооруженным силам палаты представителей и даже несколько лет возглавлял аппарат сотрудников комитета. Я быстро пришел к выводу, что Роберт отлично разбирается в принципах работы конгресса и министерства обороны, а его отменному чутью остается только позавидовать. Значит, он будет великолепным помощником, если я уговорю его остаться.

Наиболее драматическое событие этих дней перед слушаниями, событие, пробравшее меня, что называется, до самой селезенки и прочно отложившееся в памяти, произошло однажды, когда я ужинал в одиночестве в своем отеле. К моему столику подошла женщина средних лет и спросила, я ли мистер Гейтс, новый министр обороны. Я ответил утвердительно. Она поздравила меня с назначением, а затем сказала со слезами на глазах: «Оба моих сына служат в Ираке. Ради всего святого, пожалуйста, верните их домой живыми! Мы будем молиться за вас». Я замер в полной растерянности. Потом кивнул и, кажется, пробормотал что-то вроде: «Я постараюсь». О том, чтобы закончить ужин, не могло быть и речи, да и заснуть в ту ночь мне не удалось. Наша война внезапно стала для меня невероятно реальной, как и та ответственность, которую я взвалил на свои плечи, ответственность за всех, кто сражается на передовой. И впервые за все это время я испугался, что не оправдаю ожиданий этой женщины-матери и ожиданий моей страны.

В дни перед слушаниями, которые состоялись 5 декабря, мне пришлось совершить ритуальный обход ключевых сенаторов, в том числе и прежде всего – членов сенатского комитета по вооруженным силам. Меня ошеломило нескрываемое разочарование сенаторов-республиканцев относительно решения президента обнародовать смену министра обороны только после промежуточных выборов. Все они были уверены, что если бы президент объявил о предстоящем уходе Рамсфелда за несколько недель до выборов, республиканцам удалось бы сохранить большинство в конгрессе. Еще они ворчали, что администрация Буша озабочена исключительно контактами с «лидерами» – это их слова – и игнорирует всех прочих. Некоторые также критиковали наших старших военных чинов. Кое-кто, правда, и Джон Маккейн в первых рядах, решительно поддерживал войну в Ираке и считал, что мы должны наращивать наше военное присутствие в этой стране, но показательно, что по меньшей мере половина сенаторов-республиканцев были чрезвычайно обеспокоены нашей кампанией в Ираке, конца которой не предвиделось, и воспринимали эту войну как очевидное бремя политической ответственности на их партии.

Сенаторы-демократы, с которыми я встречался, четко обозначили свою точку зрения: война в Ираке Америке не нужна, необходимо ее завершить и сосредоточиться на Афганистане, отношения Пентагона с конгрессом поистине катастрофические, а отношения между гражданскими и военными в министерстве обороны и того хуже: они не скрывали своей неприязни и даже презрения к Джорджу У. Бушу (сорок третьему президенту США, отсюда прозвище Буш-43) и его администрации; демократы намеревались использовать недавно обретенное большинство в обеих палатах конгресса для кардинальных перемен в военной и во внутренней политике. Они публично выразили мне поддержку и всячески одобряли мое назначение на должность министра обороны – главным образом, думаю, потому, что полагали: как член Группы по изучению Ирака, я разделяю их желание немедленно начать вывод из этой страны американских войск.

Визиты вежливости во многом предвещали конфронтацию, которая ожидала меня в ближайшие годы. Сенаторы, яростно нападавшие на президента на публике по поводу

Ирака, в частном порядке делились опасениями насчет возможных последствий нашей неудачи. Большинство прилагало усилия, чтобы ознакомить меня с деятельностью оборонных предприятий в своих штатах и заручиться моей поддержкой местных верфей, складов, баз и смежных источников рабочих мест. Я, признаться, и не предполагал, что в разгар сразу двух войн подобные «местечковые» интересы могут стоять настолько высоко в списке приоритетов.

В целом эти визиты вежливости к сенаторам от обеих партий оказались, мягко говоря, обескураживающими. Партийное противостояние было ожидаемым, но вот столь личного отношения к президенту и членам администрации я никак не предвидел. И не ожидал, что представители обеих партий будут столь критичны к гражданским и военным руководителям Пентагона[7], причем не только относительно результатов их деятельности, но и относительно их взаимодействия с Белым домом и конгрессом. Визиты вежливости однозначно показали, что моя задача намного шире скорейшего разрешения иракской проблемы. Сам Вашингтон стал зоной боевых действий – и оставался для меня таковой на протяжении следующих четырех с половиной лет.

Утверждение

Пока меня везли в машине из отеля в Капитолий на официальную церемонию утверждения в должности, я размышлял о причудливом стечении обстоятельств. Кто бы мог предположить, что моя жизнь сложится таким образом?! Я вырос в семье коммивояжера со скромным достатком в Уичите, штат Канзас. Мы со старшим братом первыми из всего нашего семейства поступили в колледж. Мой отец торговал автомобильными запчастями. Республиканец до мозга костей, он боготворил Дуайта Д. Эйзенхауэра, именовал Франклина Д. Рузвельта исключительно «чертовым диктатором», а что касается Гарри Трумэна, то лично я только лет в десять осознал, что первое имя тогдашнего президента вовсе не «треклятый». По маминой линии наши родственники были в основном демократами, так что уже с ранних лет я приучился выживать в партийном противостоянии. С отцом мы часто говорили (спорили) о политике и о происходящем в мире.

В остальном семейные отношения ничто не нарушало, и мои детство и юность были полны любви, заботы и счастья. Отец отличался болезненной честностью, широтой души и обо всем, что не касалось политики, судил трезво и здраво. Он приучал меня с малых лет присматриваться к людям, оценивать каждого как личность, а не как представителя какой-либо группы. Иначе, по его словам, не избежать ненависти и предвзятости; именно так рассуждали нацисты. Еще отец не терпел лицемерие, на дух не переносил чванливость и безнравственность. На церковных службах он время от времени показывал мне важных персон, которые нарушали в том или ином отношении его неписаные жизненные принципы. Моя мать, как было принято в те годы, занималась домашним хозяйством. Нас с братом она искренне любила, и на ней держалась вся семья. В детстве родители неоднократно мне повторяли, что я смогу добиться чего угодно, если буду упорно трудиться, а еще регулярно напоминали, что не стоит задирать нос и считать себя выше кого бы то ни было на свете.

Мое детство пришлось на 1950-е годы; в ту пору Канзас был пасторальным местечком, все события в жизни так или иначе касались семьи, школы, церкви и отряда бойскаутов. Мы с братом гордились тем, что стали «орлами»[8]. Конечно, имелся некий свод правил, на соблю-

[7] По традиции гражданские лица занимают в министерстве обороны США более высокие посты, чем военные, причем нередко на ключевые должности назначаются не профессионалы, а политические соратники нового руководства.

[8] «Орел» – наивысший ранг, которого может достичь скаут: для этого нужно получить 21 значок за заслуги и «продемонстрировать верность скаутскому духу, нерушимо соблюдать скаутскую клятву и закон и проявить лидерские каче-

дении которых настаивали родители, но в остальном мне предоставляли поистине невероятную свободу: броди, исследуй, рискуй. Разумеется, случалось всякое – проказливые мальчишки, сами понимаете: нас с братом даже начали узнавать в местных отделениях «Скорой помощи». Я часто дерзил, особенно маме, и если отец в эти мгновения оказывался рядом, расплата – крепкий подзатыльник – следовала незамедлительно. Да и мама не пренебрегала наказаниями, она ловко управлялась с ивовым прутом и при необходимости щедро охаживала им мои голые ноги. Самое строгое наказание полагалось за ложь. В тех сравнительно редких случаях, когда меня карали по полной, я сознавал, что заслужил все это (хотя, безусловно, чувствовал себя глубоко несчастным). Но родительские ожидания и родительская дисциплина научили меня нести ответственность за свои действия.

Родители сформировали мой характер и во многом определили мою жизнь. В тот день по дороге в сенат я вдруг понял, что качества, любовно и заботливо взращенные ими во мне в те далекие годы, и привели меня к этому моменту; забегая вперед, скажу, что вскоре плодам родительской заботы предстояло пройти суровое испытание.

* * *

Мне трижды доводилось уже принимать участие в сенатских слушаниях. В первый раз, в 1986 году, когда меня хотели назначить заместителем директора ЦРУ, все свелось к прогулке в парке и единогласному решению. Во второй, в начале 1987 года, когда стал вакантным пост директора Центрального разведывательного управления, это произошло в разгар скандала «Иран – контрас»; едва стало очевидно, что сенат не утвердит мою кандидатуру (слишком много вопросов без ответов о моей роли в этих событиях), я предпочел отказаться от предлагаемой должности. В третий раз, в 1991 году, я снова претендовал на пост директора ЦРУ; обсуждение затянулось, я выслушал много нелицеприятных замечаний, однако меня все же утвердили, причем треть сенаторов голосовали против. Сейчас опыт подсказывал, что, если только я не облажаюсь в своих рассуждениях, министром обороны меня утвердят не то чтобы единодушно, но близко к тому. Политическая карикатура тех лет отлично передает тогдашние настроения сената (и прессы): я стою, подняв правую руку, и приношу присягу – «Клянусь, что никогда не был и не буду Дональдом Рамсфелдом». Что ж, полезное, пусть и унизительное напоминание о том, что мое утверждение состоялось не столько благодаря моим личным заслугам, сколько благодаря тому, что я был человеком со стороны. (Вдобавок эта карикатура показывает, какова была политическая атмосфера в Вашингтоне.)

Сенатор от Виргинии Джон Уорнер был председателем комитета по вооруженным силам, и потому ему поручили вести слушания; представителей сенатского меньшинства возглавлял Карл Левин из Мичигана. Этим двоим предстояло в ближайшие несколько недель поменяться местами вследствие результатов промежуточных выборов. С Уорнером мы давно дружили, именно он представлял меня, как сенатор от моего «домашнего» штата, на всех трех предыдущих церемониях утверждения. Левина я знал не слишком хорошо, а в 1991 году он был в числе тех, кто голосовал против моей кандидатуры. Согласно распорядку Уорнеру полагалось произнести вступительное слово, затем следовала речь Левина, а потом – мое «представление» сенаторам; на сей раз эту миссию взяли на себя двое моих старых друзей: бывший лидер сенатского большинства Боб Доул из Канзаса и бывший сенатор и председатель сенатского комитета по разведке Дэвид Борен, уже давно занимавший пост президента Университета Оклахомы. После этого ожидалось мое выступление.

Уорнер сразу, что называется, взял быка за рога – начал прямо с Ирака. Сенатор напомнил собравшимся, что после недавнего своего посещения Ирака, восьмого по счету, он

ства» (из устава Американского движения бойскаутов).

заявил во всеуслышание: «Если за два-три месяца не завершить войну победоносно, если не обуздать текущий уровень насилия, если правительство под руководством премьер-министра Малики окажется не в состоянии функционировать, то нашей администрации необходимо будет принять ответственное решение – не пора ли задуматься о смене политического курса». Он также процитировал генерала Питера Пэйса, председателя Объединенного комитета начальников штабов, сказавшего накануне, когда его спросили, побеждаем ли мы в Ираке: «Мы не побеждаем и не проигрываем». Далее Уорнер прокомментировал различные мнения о текущей иракской стратегии и, опираясь на эти комментарии, дал мне совет на будущее: «Я призываю вас ни в коем случае не скрывать свои взгляды, свое личное отношение к нынешним и будущим оценкам используемых подходов… От вас потребуется бесстрашно – повторяю, бесстрашно – исполнять возложенные законом обязанности в качестве, цитирую, «главного помощника президента по всем вопросам, связанным с деятельностью министерства обороны». Тем самым Уорнер публично дал понять, что более не поддерживает политику администрации Буша в отношении Ирака.

Сенатор Левин уже в самом начале своей речи обрушился с критикой на администрацию и четко изложил взгляды, которых явно собирался придерживаться на посту председателя комитета по делам вооруженных сил, – взгляды, с которыми мне предстояло бороться с января:

«Если мы утвердим Роберта Гейтса в должности министра обороны, ему придется проделать колоссальную работу по разгребанию завалов, оставленных невразумительной политикой ошибочных приоритетов в последние несколько лет. В первую очередь ему необходимо будет разрешить усугубляющийся кризис в Ираке. Всем очевидно, что ситуация в Ираке вопреки ожиданиям не становится лучше, а день ото дня ухудшается. Перед вторжением в Ирак мы не сумели разработать адекватный план по оккупации этой страны, а также не сумели составить план действий после завершения основной фазы военной операции. Свергнув Саддама Хусейна в 2003 году, мы бездумно распустили иракскую армию и не менее бездумно лишили десятки тысяч рядовых членов партии Баас возможности занять в ближайшем будущем государственные посты. Эти наши действия способствовали нарастанию хаоса и насилия и оттолкнули от нас существенную часть местного населения. В итоге мы до сих пор не в состоянии обеспечить безопасность Ирака и победить повстанцев. Мы также не в состоянии разоружить боевиков и создать жизнеспособную иракскую армию и полицию. Кроме того, мы не смогли восстановить экономическую инфраструктуру страны и трудоустроить большинство иракцев. Следующему министру обороны неизбежно придется иметь дело с последствиями этих неудач».

Продолжил Левин предупреждением, что Ирак отнюдь не единственный вызов, стоящий передо мной. Он отметил нарастание активности талибов в Афганистане, непредсказуемую ядерную программу Северной Кореи, очевидное стремление Ирана обзавестись собственной атомной бомбой; остановился на финансовых потребностях армии и корпуса морской пехоты, а это десятки миллиардов долларов на ремонт и замену оборудования; перечислил еще ряд проблем: неуклонное снижение боеготовности наших сухопутных войск, дислоцированных в США; финансирование военных программ, которые нам более не по карману; сложности с призывом и сверхсрочной службой; постоянные бытовые неурядицы в семьях военнослужащих из-за регулярных передислокаций; упомянул и пресловутый отдел министерства, «чья деятельность запятнана дурным обращением с узниками в «Абу-Грейб», Гуантанамо и других тюрьмах».

В завершение человек, с которым как с председателем профильного сенатского комитета мне предстояло сотрудничать, заявил, что эффективность министерства обороны рухнула из-за гражданского руководства – это руководство «слишком часто игнорировало точки зрения, отличные от его собственной, будь то позиция высших военачальников, разведы-

вательных структур, Государственного департамента, союзников Америки или членов конгресса от обеих политических партий. Новому министру обороны понадобится изрядно потрудиться, чтобы исцелить раны, нанесенные его предшественником, и справиться с проблемами, которые стоят перед министерством и перед страной в целом».

Помню, я сидел за столом для приглашенных, слушал эту литанию горестей и бед и думал: «Какого черта я тут делаю? И как меня угораздило попасть в око десятибалльного тайфуна?» В первый раз мне довелось сидеть за тем столом и думать одно, а говорить совсем другое, – в первый, но далеко не в последний.

После добрых и лестных слов в мой адрес от Доула и Борена настала моя очередь. Я сознательно начал с замечания, которое, с одной стороны, позволяло слегка скрасить общее уныние, а с другой – показывало, что я, конечно, со стороны, но внимательно слежу за происходящим в мире. Сенатор Уорнер был убежденным сторонником традиции, по которой членам семьи кандидата дозволяется присутствовать на слушаниях. Бекки сопровождала меня только на самые первые слушания, двадцать лет назад; да и сам я не считал посещение заседаний конгресса семейным развлечением. В общем, я сообщил Уорнеру как председателю, что у моей жены был выбор – поехать со мной или отправиться в Сиэтл, где женская баскетбольная команда Техаса играла с Вашингтонским университетом. Естественно, Бекки выбрала Сиэтл, и это правильный выбор.

Затем я перешел к серьезным темам:

«Я не питаю иллюзий относительно того, почему нахожусь сегодня здесь. Конечно, это война в Ираке. Решение проблем, с которыми мы сталкиваемся в Ираке, должно и станет моим наивысшим приоритетом, если меня утвердят в должности… Я безусловно готов рассматривать самые разные идеи и предложения. Если меня утвердят, я собираюсь как можно скорее проконсультироваться с нашими штабистами и действующими военачальниками, а также с представителями исполнительной власти и конгресса… Но подчеркиваю, что прежде всего буду принимать во внимание мнение тех, кто возглавляет наших мужчин и женщин в военной форме».

Далее я предупредил сенаторов:

«Повторюсь, я открыт для предложений, касающихся нашей будущей стратегии и тактики в Ираке, однако в одном я категорически убежден: события в Ираке в течение следующего года или двух будут определять ситуацию на Ближнем Востоке целиком и в значительной степени повлияют на всю глобальную геополитику на много лет вперед. Наши действия в ближайшей перспективе сформируют четкий контекст: либо американский и иракский народы и следующий президент Соединенных Штатов увидят медленное, но неуклонное улучшение ситуации в Ираке и в регионе, либо они окажутся в чрезвычайно рискованном и уязвимом положении, чреватом региональной конфронтацией. Мы должны совместными усилиями выработать стратегию, которая избавит Ирак от хаоса и защитит наши долгосрочные интересы и перспективы региона».

Эти три предложения выражали суть моих взглядов на ситуацию в Ираке: я высказал именно то, что думал, и собирался реализовывать свои замыслы в Вашингтоне и в Ираке на протяжении следующих двух лет. Как я часто повторяю, не важно, согласны вы с военной операцией в принципе или нет: «Мы ровно там, где находимся».

Свое выступление я завершил откровенным признанием:

«Я не рвался на эту должность, не искал возможности вернуться во власть. Я здесь потому, что люблю свою страну, и потому, что президент Соединенных Штатов Америки счел необходимым обратиться ко мне в нелегкие для страны времена. Надеюсь, вы разделяете данную точку зрения… Возможно, самое трагичное в той должности, на которую рассматривается моя кандидатура, – это необходимость принимать решения в буквальном смысле между жизнью и смертью. Наша страна находится в состоянии войны, и, если меня

утвердят, мне придется возглавить мужчин и женщин, которые сражаются… В присутствии всех собравшихся торжественно клянусь всегда и всюду заботиться в первую очередь о жизни и благополучии наших солдат».

Давая это обязательство, я и не подозревал, какого адского труда потребует его исполнение.

В комментариях средств массовой информации по поводу обсуждения моей кандидатуры на этих слушаниях особо выделялись два момента. В начале слушаний сенатор Левин спросил, верю ли я, что мы в настоящее время побеждаем в Ираке. Я ответил коротко: «Нет, сэр». Мой ответ на страницах газет и на телевидении превозносили как реалистичный и откровенный, радикально противоречащий заявлениям других членов администрации. Пожалуй, можно сказать, что этим ответом я обеспечил себе утверждение в должности. Зато в Белом доме и в министерстве обороны мой ответ вызвал изрядный переполох, поэтому после перерыва на обед я решил слегка уточнить свою позицию и тоже процитировал слова Пита Пэйса: «Мы не побеждаем, но и не проигрываем». Мне вовсе не хотелось, чтобы солдаты в Ираке подумали, будто новый военный министр считает их потерпевшими поражение.

Второй момент – дебаты с сенатором Эдвардом Кеннеди, который рассуждал о потерях среди наших солдат и спросил, можно ли назвать меня человеком, готовым к решительным действиям во имя национальной безопасности. Я ответил:

«Сенатор Кеннеди, двенадцать выпускников Техасского университета погибли в Ираке. С некоторыми из них я совершал пробежки по утрам, я обедал вместе с ними, они делились со мной своими чаяниями и надеждами, я вручал им дипломы – и при мне они уходили служить. А потом я узнавал об их гибели. Знаете, сегодня война уже не где-то там, она стала личным делом каждого. По статистике на вчерашнее утро, в Ираке погибли 2889 американцев. Это немало, конечно, и каждая из этих смертей, кроме того, – персональная трагедия не только самих убитых солдат, но и их семей, близких и друзей».

Еще я прибавил:

«Сенатор, я не для того оставил пост президента Техасского университета, бросил работу, которая, если честно, доставляла истинное удовольствие, не для того согласился на существенные финансовые потери и вернулся в Вашингтон, в том числе ради участия в этих слушаниях, чтобы изображать из себя бессловесного истукана и помалкивать в тряпочку. Я собираюсь говорить то, что думаю, не стесняясь и не щадя чьих-то чувств, всем обитателям Пенсильвания-авеню[9], отстаивая собственные убеждения… Заверяю вас, что не связан никакими личными обязательствами ни перед кем. Я вернулся, чтобы сделать все от меня зависящее для наших мужчин и женщин в военной форме и для нашей страны».

Остальная часть слушаний касалась глобальных стратегических вопросов, а также конкретных интересов отдельных сенаторов. Некоторые вопросы вызывали недоумение – скажем, вопрос сенатора от Западной Виргинии Роберта Берда, который осведомился, готов ли я воевать с Сирией. (Я сказал, что нет.) Другие вопросы провоцировали на шутки. Так, сенатор от Небраски Бен Нельсон спросил, что я думаю о постоянном увеличении награды за голову Усамы бен Ладена на миллион долларов в неделю. Я отшутился: «Будем считать это антитеррористической лотереей».

Открытые слушания завершились около трех сорока пяти пополудни, а пятнадцать минут спустя начались закрытые – ничего особенного, в основном поздравления и напутствия. В тот же вечер сенатский комитет по делам вооруженных сил единогласно постановил рекомендовать мою кандидатуру сенату для утверждения в должности министра обороны. На следующий день, 6 декабря, сенат проголосовал: девяносто пять голосов – за, два

[9] Пенсильвания-авеню – улица в Вашингтоне, соединяющая Белый дом и Капитолий (здание конгресса США).

голоса – против, трое сенаторов воздержались. Против голосовали республиканцы Джим Баннинг, сенатор от Кентукки, и Рик Санторум, сенатор от Пенсильвании. Они считали, что я «недостаточно агрессивен» в отношении Ирана, раз не одобряю потенциальную военную операцию в этой стране. Лично мне казалось, что нам и без того хватает войн, чтобы затевать новые, пусть даже пока только на бумаге. Вообще стремление не допустить новых войн стало для меня важнейшей обязанностью министра обороны – как при президенте Буше, так и при президенте Обаме. Я всегда был готов использовать военную силу, необходимую для защиты американских жизненных интересов, но также всегда настаивал на неоспоримых доказательствах подобной необходимости.

От утверждения кандидатуры в сенате до приведения к присяге и формального принятия обязанностей министра обороны прошло двенадцать дней – пожалуй, беспрецедентно долгая задержка. Объяснялась она несколькими причинами. Во-первых, мне отчаянно хотелось провести декабрьский предрождественский актовый день в Техасском университете. Во-вторых, понадобилось некоторое время, чтобы собрать пожитки и перевезти их в Вашингтон. По зрелом размышлении вряд ли стоило так затягивать, особенно в разгар войны. Однако никто меня не критиковал, во всяком случае, публично, да и время это я потратил отнюдь не впустую.

Мне выделили просторный кабинет в Пентагоне – во временное пользование, пока я не принесу присягу. Я занимался оформлением разных бумаг, чтобы мне могли платить зарплату, сделал положенное «официальное» фото, получил свои бейджи и удостоверение личности, вытерпел все обязательные процедуры, которым подвергается всякий новый сотрудник министерства обороны – в том числе одну, каковой вовсе не ожидал. Однажды утром я уединился в уборной, примыкавшей к моему кабинету. Только задвинул защелку и расстегнул «молнию» на брюках, как в дверь истошно забарабанили и раздался крик: «Стойте! Стойте!» Я встревожился, застегнул «молнию» и выглянул наружу. В коридоре стоял какой-то сержант; он протянул мне пластиковый стаканчик и сообщил, что требуется образец мочи для наркологического теста. Даже министру обороны поблажек не делалось.

И до утверждения, а уж тем более после него я много размышлял о том, как мне управлять Пентагоном, этой крупнейшей на планете и невероятно сложной организацией, общая численность сотрудников которой, гражданских и военных, составляет около 3 000 000 человек. В отличие от многих кандидатов на руководящие должности в Вашингтоне я имел практический опыт управления сразу двумя огромными бюрократическими структурами – ЦРУ и американской разведкой в целом, а это примерно 100 000 сотрудников, и седьмым по величине университетом страны, где насчитывалось приблизительно 65 000 преподавателей, работников и студентов. Но, конечно, Пентагон был явлением совершенно иного порядка. Даже если пренебречь чудовищными размерами и не менее чудовищной бюрократией, мне предстояло каким-то образом сгладить напряженные отношения между гражданским руководством министерства и старшими военными чинами, а между тем страна увязла сразу в двух крупных войнах, ни одна из которых не сулила легкой победы.

У меня обнаружилось множество добровольных помощников – пару дней мне даже казалось, что их слишком много. Возникло ощущение, что всем в Пентагоне необходимо встретиться со мной или хотя бы передать мне для ознакомления какие-либо документы. Вскоре я понял, что рискую утонуть с головой, а потому до сих пор безмерно благодарен заместителю прежнего министра Гордону Ингленду, председателю Объединенного комитета начальников штабов Питу Пэйсу и Роберту Рангелу, которые сумели меня спасти, распределили людские и информационные потоки и более или менее упорядочили процесс погружения в дела. Количество же людей за пределами Пентагона, желавших донести до меня свой бескорыстный совет, отражало тот факт, что многие вашингтонские инсайдеры осознавали серьезность проблем министерства – и хотели, чтобы я добился успеха, не ради меня, а ради

страны. Я договорился пообедать с Джоном Хэмром, заместителем министра обороны при втором президентстве Клинтона, а впоследствии главой Центра стратегических и международных исследований. Советы Джона оказались по-настоящему полезными. Среди прочего, он заметил, что процесс принятия решений в Пентагоне сильно напоминает давнюю римскую традицию – гладиаторы выходят сражаться перед императором, и только тот решает, кого объявить победителем. Следует убедиться, чтобы этот процесс был честным, прозрачным и объективным.

Два других комментария Джона существенно повлияли на подход к работе, которого я в дальнейшем придерживался. Он упирал на значимость советов не только тех, кто озабочен текущими проблемами, но и тех, кого беспокоят проблемы завтрашнего дня. Мне предстояло в очень скором времени обнаружить, что вторых, интересующихся потенциалом будущих войн, намного больше и они имеют гораздо больше влияния, нежели первых, озабоченных требованиями текущей ситуации. И я постепенно превратился в главного надзирателя за тем, чтобы войска, участвующие в боевых действиях, получали все необходимое сегодня, а не когда-нибудь потом. Еще Джон подчеркнул, что крайне важно иметь независимых поборников предложения (призыв, обучение и оснащение войск) и спроса (потребностей командиров боевых частей). По его мнению, такие командиры могут занижать цифры в просьбах о пополнении, исходя из убеждения, что нужной численности в распоряжении министерства попросту нет. В результате я постепенно приучил командиров боевых частей сообщать мне желаемую численность личного состава и желаемый объем поставок, а решать, возможно это выполнить или нет, доверить министерству.

Я также обратился к своему старому другу Колину Пауэллу. Я был знаком с Колином почти двадцать пять лет, работал с ним в тесном контакте в администрациях Рейгана и Джорджа Буша-старшего. Будучи кадровым офицером, имея опыт руководства Объединенным комитетом начальников штабов, Колин не только хорошо изучил пентагоновские порядки, но и сохранил немало надежных контактов (и источников информации) среди военных. Я написал ему электронное письмо с конкретной просьбой: «Вы можете помочь прямо здесь и сейчас – пожалуйста, уведомите всех старших офицеров, с которыми общаетесь, что я вовсе не считаю, будто у меня есть хотя бы частичные ответы на наши трудные вопросы. Я научился внимательно слушать и ценить откровенность. При этом я, безусловно, уважаю профессиональный опыт и чужое мнение».

Разумеется, меня буквально завалили мнениями и советами, среди которых, скажу честно, здравых было мало, а также нелицеприятными характеристиками и противоречивыми оценками многих высокопоставленных гражданских и военных сотрудников Пентагона. Мягко говоря, нередко ко мне обращались люди, претендовавшие на должности, которые, как они полагали, неизбежно освободятся после «чистки» гражданской команды Рамсфелда, каковую я якобы затевал; также советовали поскорее собрать собственную «переходную команду», дабы она надзирала за министерством, его сотрудниками и внедрением изменений, которых от меня ожидали.

Вместо этого я использовал период «междуцарствия», чтобы принять важное решение касательно министерства; впоследствии выяснилось, что это было одно из лучших моих управленческих решений: я сказал себе, что приду в Пентагон один, без единого помощника или даже секретаря. Мне часто доводилось наблюдать, сколь негативное влияние на деятельность организации и на моральный климат в ней оказывает появление нового босса в сопровождении свиты. Всякий раз это производило впечатление враждебного поглощения и порождало ненужные обиды. Вдобавок новички обычно не имеют ни малейшего представления, как организация существовала и управлялась до их прихода. Значит, никаких «чисток». В разгар войны у меня нет времени на то, чтобы долго и вдумчиво подбирать новых людей, и роскошь обучения в процессе работы мы себе позволить тоже не можем.

Аналогично нет времени на проведение процедур утверждения в должностях всевозможных политических назначенцев. Таким образом, я полностью сохранил персонал министерства, включая прежде всего Роберта Рангела на посту фактического директора по персоналу и Делонни Генри, личного доверенного помощника, начальника протокола и в целом весьма опытного и знающего сотрудника. Если с кем-то мы не сработаемся или не сойдемся характерами, все это можно уладить и позднее. В военное время, как мне казалось, преемственность является обязательным условием ведения дел, и я хотел тактично показать работникам Пентагона, что вижу в них команду способных и преданных своему делу профессионалов. И мне не пришлось разочароваться.

Одну вакансию, впрочем, требовалось заполнить незамедлительно – пост заместителя министра по разведке. Действующий заместитель, Стив Камбон, сам подал в отставку. Еще до своего утверждения я предложил эту должность другому старому другу и коллеге, генерал-лейтенанту ВВС в отставке Джиму Клапперу, чтобы взять на работу. Когда я был директором ЦРУ, Джим возглавлял Разведывательное управление министерства обороны (РУМО). Потом он вышел в отставку и стал директором Национального агентства геопространственной разведки (НАГР)[10], организации с громоздким и непонятным названием, отвечающей за все американские спутники с фотографическим оборудованием и за дешифрование полученных с орбиты снимков. Поскольку Клаппер был сторонником объединения всех разведслужб под началом авторитетного директора, обладающего реальными полномочиями по контролю разведывательного сообщества, в том числе военных агентств, он разругался с Рамсфелдом и потому, из чисто практических соображений, был вынужден покинуть НАГР. Прошло всего несколько месяцев с этого события, когда я предложил ему вернуться в правительство. В СМИ и на заседаниях в конгрессе разведывательные операции Пентагона часто подвергались разгромной критике, и я не сомневался, что привлечение человека с опытом и добросовестностью Джима достаточно быстро исправит эту ситуацию. Кроме того, я полностью ему доверял. Он неохотно согласился взяться за эту работу, но поставил твердое условие: чтобы я позвонил его жене Сью и сам объяснил ей, насколько важна именно его кандидатура. Ничего подобного мне раньше делать не доводилось, но я справился, и Сью великодушно простила меня за то, что национальные интересы в очередной раз мешают их семейной жизни.

Как я уже сказал, покидать Техасский университет было очень тяжело – и для меня, и для Бекки. Под вечер моего последнего дня в президентском кресле более десяти тысяч студентов, преподавателей и работников университета пришли пожелать мне удачи. Выступил президент студенческого братства, я произнес ответную речь, все вместе мы спели «Боевой гимн» «агги». Прошло три актовых церемонии, и на этом мое пребывание в должности президента Техасского университета официально завершилось.

Мы прилетели в Вашингтон, округ Колумбия, в воскресенье, 17 декабря, чтобы я с понедельника мог приступить к исполнению новых обязанностей.

Церемония вступления в должность состоялась на следующий день, в час пятнадцать пополудни. Присутствовали президент и вице-президент, равно как и вся моя семья. Я попросил, чтобы мою клятву приняла судья Верховного суда Сандра Дэй О'Коннор – отчасти потому, что она уже делала это полутора десятком лет ранее, когда меня назначили директором ЦРУ. Увы, она не смогла откликнуться, потому что собиралась в путешествие, и тогда я попросил провести церемонию вице-президента Чейни. С моей стороны это был знак дружбы и уважения. Бекки держала в руках Библию, которую родители подарили мне на мой шестнадцатый день рождения.

[10] НАГР – также в литературе встречается название «Национальное агентство картографической разведки» (НАКР).

Спустя пятьдесят восемь дней после первого разговора со Стивом Хэдли я стал новым министром обороны Соединенных Штатов Америки, которому предстояло выиграть две войны, и руководителем лучшей армии в истории человечества. В своем кратком слове я пообещал вскоре отправиться в Ирак, встретиться с командирами боевых подразделений, выслушать их советы – «без уверток и когда рубят сплеча» – по поводу того, как нам действовать в ближайшие недели и месяцы. Я также сказал, что ситуация в Афганистане чревата осложнениями и необходимо приложить конкретные усилия, дабы этого не допустить. А затем вернулся к вопросу, который затронул на слушаниях по моему утверждению:

«Как мы отреагируем на эти и другие вызовы в регионе в ближайшие два года – наш выбор определит, продолжат ли Ирак, Афганистан и другие страны, ныне находящиеся на перепутье, поступательное движение к стабильному государственному устройству и станут ли они нашими надежными союзниками в глобальной войне с терроризмом, либо в них возобладают экстремизм и хаос. Все мы хотим, чтобы сыновья и дочери Америки как можно скорее вернулись домой. Но президент ясно дал понять, что мы просто не вправе потерпеть поражение на Ближнем Востоке. Провал в Ираке на данном этапе обернется катастрофой, которая станет преследовать нацию, подорвет доверие мира к Америке и поставит страну под угрозу на десятилетия вперед».

Веселую ноту к происходящему получилось добавить много часов спустя. В своем благодарственном слове я упомянул, что на церемонии присутствует моя девяностотрехлетняя мать. Комик и телеведущий Конан О'Брайен использовал мои слова в своем вечернем шоу. Он пошутил так – мол, мама подошла ко мне после церемонии, поздравила, поцеловала и сказала: «А теперь ступай и надери задницу кайзеру»[11].

[11] Намек на Первую мировую войну, в которую США вступили 6 апреля 1917 г.

Глава 2
Ирак, Ирак и снова Ирак

В списке моих первоочередных задач на посту министра обороны наивысший приоритет имела ситуация в Ираке. Политики и журналисты до моего утверждения в должности и после нее были практически единодушны: о моей эффективности на этом посту будут судить в первую очередь по тому, насколько удачно я разберусь с иракской проблемой. А разбираться было с чем, учитывая рост насилия, очевидные бреши в безопасности, которыми активно пользовались местные экстремисты, слабость нового иракского правительства, а также безусловный провал американской военной стратегии (к середине декабря 2006 года этого не видел только слепой).

Что ж, Соединенные Штаты воевали на два фронта каждый день на протяжении четырех с половиной лет, когда я возглавлял министерство обороны. Я принимал непосредственное участие в разработке новых стратегий и доктрин – в Пентагоне и в Белом доме, а затем принимал на себя ответственность за реализацию этих планов. Я подбирал, повышал в звании – и при необходимости увольнял – боевых командиров и штабных офицеров; я обеспечивал командиров и войска требуемым снаряжением; я возложил на себя заботу о наших солдатах и их семьях; наконец, я добивался для армии политической поддержки в конгрессе, достаточной для осуществления поставленных целей. Все эти годы мне приходилось ступать по минному полю политики, дипломатии и оперативной тактики, как на фронтах, так и в Вашингтоне. Военные действия велись в Ираке и Афганистане; политические баталии разворачивались в Вашингтоне, Багдаде и Кабуле. И, вместе с президентом, я непременно оказывался в них на передовой.

При этом иракский театр военных действий не был для меня абсолютно новым.

Война в Персидском заливе

Я входил в состав немногочисленной группы старших чиновников администрации Буша-41, глубоко вовлеченной в планирование войны в Персидском заливе в 1991 году. Ближе к завершению войны я пришел к убеждению, что мы допустили стратегическую ошибку, не вынудив Саддама сдаться нашим генералам (лично, а не через эмиссаров), не заставив его взять на себя персональную ответственность, не унизив его лично (как человека, не как правителя) и даже не арестовав его прямо при объявлении о капитуляции. 15 февраля 1991 года Буш, как он вспоминал в своих мемуарах, заявил на пресс-конференции, что основным условием прекращения кровопролития в Ираке будет «решимость иракского народа и армии свергнуть Саддама». Президентская команда нисколько не сомневалась, что масштабы поражения побудят иракских военных лидеров расправиться с Саддамом.

К нашему изумлению и ужасу, почти сразу после завершения наступательных действий Америки шииты на юге и курды на севере спонтанно восстали против власти Саддама. Они восприняли заявление президента США – слова, адресованные иракской армии, – как призыв к народному восстанию. Пожалуй, нам следовало быть более конкретными в высказываниях – хотя, полагаю, восстание вспыхнуло бы в любом случае. Нас публично критиковали за то, что мы оставили режиму Хусейна вертолеты (иракцы уверяли, что авиатехника необходима для восстановления страны, ведь мы разрушили большую часть автодорог и мостов); в итоге повстанцев расстреливали с вертолетов, но все же главный удар нанесли сухопутные войска и танковые части, потопившие оба восстания в крови. Между тем Саддам воспользовался суматохой, порожденной восстаниями и их подавлением, чтобы вырезать и расстре-

лять сотни своих генералов из опасения, что они замышляют подобное против него самого. Ни курды, ни шииты – последние в особенности – так и не простили нас за то, что мы не пришли к ним на помощь, фактически убедив, как они верили, взять в руки оружие.

Еще администрацию усиленно критиковали за то, что Буш-41 не отправил армию на Багдад, дабы гарантировать смену правительства. Мы же считали, что такие действия не санкционированы резолюциями Совета Безопасности ООН, на основании которых мы выстроили союзную коалицию, куда вошли в том числе и арабские страны. Двинься мы на Багдад, как требовала общественность, коалиция неминуемо бы распалась. Да, возможно, в краткосрочной перспективе нарушение обязательств и последующий распад коалиции не имели бы принципиального значения, но подобный шаг автоматически сводил на нет любые наши усилия по созданию другой коалиции для решения общемировых проблем. Кроме того, я неоднократно говорил коллегам и журналистам, что Саддам не будет попивать чай на веранде в ожидании американцев, которые отправятся его арестовывать. Он наверняка заляжет на дно, и нам придется оккупировать значительную часть территории Ирака, чтобы отыскать его и разгромить ожесточенно сопротивляющихся приспешников, на чьей стороне вдобавок – преимущество, так сказать, домашнего поля.

В итоге война закончилась в феврале 1991 года, и Саддам остался у власти; Ирак подвергся суровым международным санкциям, которые резко ограничили импорт и установили квоты на экспорт иракской нефти; шииты и курды расплачивались за свои выступления. В последующие годы Саддам использовал все доступные ему способы, чтобы облегчить бремя санкций, направляя доходы от реализации программы «Нефть в обмен на продовольствие» (иракскому режиму позволили продавать ровно столько нефти, сколько требовалось для приобретения продуктов и лекарств) в свой карман и тайно контролируя хитроумную операцию по контрабанде нефти в Иран для продажи. Существенная доля этих денег пошла на строительство еще нескольких десятков гигантских и безвкусных дворцов, которые мы впоследствии захватили.

Никто из нас в начале 1990-х годов не сомневался, что Саддам при первой же возможности возобновит исследовательские программы, которые велись в Ираке до войны, – по разработке биологического, химического и ядерного оружия. Обширная инспекция, предпринятая по завершении боевых действий, обнаружила неопровержимые доказательства того, что иракцы продвинулись в разработке ядерного оружия намного дальше, чем полагала разведка США. Мы настолько были уверены, что Ирак использует химическое оружие, что наши первые подразделения, которые пересекли иракскую границу, двигались в костюмах химической защиты (а в них, смею заметить, невыносимо жарко и неудобно даже в феврале). Пока инспекторы продолжали работать в Ираке и пока строго соблюдались санкции, шансы на то, что Саддам сумеет возобновить программы производства оружия массового поражения, были минимальными.

Но с годами Саддам опять становился все более агрессивным, постоянно ограничивал сферу контроля инспекторов, благодаря чему инспекции в практическом смысле благополучно закончились в 1998 году. Соблюдение санкций также постепенно ослабевало, по мере того как правительства ряда стран – Франции, России, Германии и Китая в частности – находили лазейки для нефтяных контрактов и других деловых взаимоотношений с иракцами. К 2003 году большинство правительств и разведывательных служб пришли к выводу, что Саддам преуспел-таки в возобновлении программ разработки вооружений. Эта точка зрения подкреплялась неумеренным хвастовством Саддама и его громкими заявлениями, цель которых состояла в том, чтобы ввести в заблуждение собственный народ и запугать соседей Ирака. В результате осенью 2002 года Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию номер 1441, которая требовала полной и тщательной проверки действий Ирака по реализации программ разработки вооружений и повторного введения строгого международ-

ного контроля. Нарушителям резолюции грозили суровые кары. Саддам тем не менее продолжал свои игры с инспекторами и международным сообществом. Как напишет несколько лет спустя Кондолиза Райс: «Да, мы вторглись в Ирак, потому что полагали, что у нас не осталось выбора. Санкции не действовали, инспекции проводились сугубо формально, и мы не могли заставить Саддама уйти цивилизованными способами». Чем дольше затягивалась война, тем все меньше и меньше людей разделяли эту логику.

Группа по изучению Ирака

Уйдя в отставку с поста директора ЦРУ в январе 1993 года, я лишился доступа к секретной информации – и был тому только рад. Я с радостью и облегчением покинул Вашингтон, и одна из многих причин переселения на Тихоокеанское побережье заключалась в том, что там меня не будут одолевать предложениями поработать в составе бесчисленных специальных комитетов, комиссий «с голубой лентой»[12] или исследовательских групп, плоды чьих усилий почти всегда остаются собирать пыль на книжных полках каких-нибудь политиков. Но я продолжал активно читать газеты и на основе прочитанного – а также на основе своих знаний о поведении Саддама в 1980-х и начале 1990-х годов – заключил, что с великой долей вероятности он возобновил разработки оружия массового уничтожения, что санкции в основном неэффективны и что этот человек одержим чрезвычайно опасной манией величия. Поэтому я поддержал решение Буша-43 снова вторгнуться в Ирак и наконец-то свергнуть Саддама.

Тем не менее меня потрясло, простите за прямоту, удивительное головотяпство, которым ознаменовался военный успех, – в частности, неспособность командиров остановить разграбление Багдада, роспуск иракской армии и драконовская, по сути, политика дебаасификации (Саддам возглавлял партию Баас). Казалось, Америка твердо вознамерилась проигнорировать все уроки денацификации Германии после 1945 года. В равной степени меня изумило, что после Вьетнама армия США, похоже, напрочь забыла, как вести контрпартизанскую войну.

Я выступил с речью 1 мая 2003 года, менее чем через шесть недель после начала войны, и так сформулировал свою точку зрения:

«Ситуация, с которой мы столкнулись сегодня [в Ираке], слегка напоминает погоню собаки за автомобилем. Да, мы вцепились в колесо, машина у нас в зубах – но что делать дальше?

Я убежден, что послевоенные перемены намного важнее самой войны. Лишь в последние дни американское правительство начало осознавать тот огромный потенциал, то влияние, каким обладает в Ираке шиитское большинство, а также возможность того, что демократический Ирак вполне может оказаться фундаменталистским шиитским Ираком… Курды на севере наверняка потребуют как минимум автономии. И какая же судьба ожидает суннитское мусульманское меньшинство в центре страны, угнетаемое одновременно курдами и шиитами? Наконец, не стоит забывать, что восстановление Ирака, обеспечение населения продовольствием и медицинскими услугами, возрождение экономики после международных санкций и десятилетий баасистского социализма – задача не из легких; впрочем, я уверен, что это сделать проще, чем реализовать в Ираке наши политические устремления.

По всем перечисленным причинам я считаю, что Соединенным Штатам следует в ближайшее время согласиться на замену нашего контингента в Ираке подразделениями многонациональных миротворческих сил – возможно, под общим руководством НАТО. И приступить к этому нужно, как только позволит обстановка… Мы совершим серьезную ошибку,

[12] Комиссия «с голубой лентой» – комиссия, составленная из уважаемых и авторитетных граждан.

если продержим сотню тысяч или около того американских солдат в Ираке дольше нескольких месяцев».

Даже при том, что ситуация с безопасностью в стране продолжала ухудшаться, иракцы – с щедрой помощью США и других держав – провели в 2005 году две избирательные кампании, получившие высокую оценку наблюдателей: первые выборы состоялись 30 января, вторые – 16 декабря, и явка была довольно высока, учитывая обстоятельства. Правда, формирование после декабрьских выборов коалиционного правительства, куда вошли бы представители ряда шиитских партий, курдов и политически приемлемых суннитов, обернулось немалыми сложностями. Переговоры затягивались, и тут, 22 февраля 2006 года, произошел террористический акт в шиитской святыне, мечети Аль-Аскари в Самарре. Взрыв спровоцировал чудовищную резню на религиозной почве, волна насилия покатилась по стране. К октябрю каждый месяц погибало около трех тысяч мирных иракцев. Среднее число нападений на военнослужащих США в день возросло с 70 в январе 2006 года до 180 в октябре.

Наряду с ухудшением ситуации в Ираке в течение всего 2006 года усугублялся и политический кризис в Вашингтоне. Президентский рейтинг неуклонно снижался, опросы общественного мнения демонстрировали негативное отношение американцев к войне, а конгресс, так гордившийся своей партийной беспристрастностью в вопросах национальной безопасности на протяжении десятилетий, все чаще выказывал именно партийные пристрастия, когда речь заходила о войне: большинство демократов – против, большинство республиканцев – за (при этом приводя все больше оговорок).

Очевидный раскол в настроениях населения США и нарастание хаоса в Ираке побудили конгрессмена-республиканца Фрэнка Вульфа, фактически постоянного представителя Северной Виргинии, выступить в начале 2006 года с предложением создать межпартийную группу в составе известных республиканцев и демократов, не участвующих в работе администрации, с целью разработки новой иракской стратегии на благо Соединенных Штатов; эту новую стратегию планировалось представить президенту, заручившись поддержкой обеих палат конгресса. Вульф подсчитал, что на финансирование деятельности группы понадобится чуть более миллиона долларов, которые вполне может выделить Институт мира[13]. Также предполагалось, что работу группы поддержат Центр стратегических и международных исследований, Центр по изучению деятельности президентов и конгресса и Институт общественной политики имени Джеймса А. Бейкера-третьего при Университете Райса. Бывший государственный секретарь Джим Бейкер и бывший конгрессмен от Индианы Ли Гамильтон согласились стать сопредседателями новой организации, позднее получившей известность как Группа по изучению Ирака.

Бейкер позвонил мне в феврале и предложил войти в число пяти республиканцев в группе. У нас с ним хватало мелких разногласий в годы президентства Буша-41 (я тогда исполнял обязанности заместителя советника по национальной безопасности), но я искренне уважал Бейкера и считал его одним из лучших госсекретарей в истории США. Помнится, я даже как-то сказал, что всегда радовался, что на дипломатических переговорах он представляет именно нашу страну. Перво-наперво я поинтересовался у него, одобряет ли президент эту инициативу – ведь иначе вся затея оказалась бы пустой тратой времени. Джим ответил, что, когда ему предложили сопредседательство, он сразу позвонил Бушу-43 и задал тот же самый вопрос. Как и мне, ему совершенно не хотелось заниматься делом, которое президент и его соратники могли расценить как политическое предательство. Джим заверил меня, что Буш-43 обеими руками за. Позднее я пришел к выводу, что президент не столько

[13] Институт мира – государственное учреждение, созданное в 1984 г. при конгрессе США для реализации исследовательских и иных программ по предотвращению конфликтов. В 2011 г. Институт был лишен государственного финансирования и сегодня работает как независимый центр; при этом в его структуре существует отдел взаимодействия с конгрессом, задача которого – «координировать усилия по информированию и помощи конгрессу».

нас поддерживал, сколько предпочел уступить – возможно, в надежде, что мы и вправду выдвинем некие полезные идеи или хоть как-то поможем урегулировать политический кризис в Штатах.

Поскольку рекомендации Группы по изучению Ирака, обнародованные в день слушаний по моей кандидатуре в сенате, сыграли важную роль в дебатах по Ираку в 2007–2008 годах, следует, как мне представляется, уделить внимание практической работе группы, тем более что итоговые рекомендации группы удивили меня самого.

Другими республиканцами в составе группы были судья Верховного суда (в отставке) Сандра Дэй О'Коннор, бывший генеральный прокурор Эд Миз и бывший сенатор от штата Вайоминг Алан Симпсон. Демократов возглавлял Ли Гамильтон, компанию которому составляли бывший директор Административно-бюджетного управления (АБУ) и глава администрации Белого дома Леон Панетта, бывший сенатор от Виргинии Чак Робб, вашингтонский юрист Вернон Джордан и экс-министр обороны Уильям Перри. Гамильтон в свою бытность в конгрессе председательствовал в комитетах по разведке и по международным делам, и с ним мы были знакомы без малого двадцать лет. Я знал Ли как человека чрезвычайно целеустремленного, приверженца интеллектуальной честности и был рад продолжению нашего сотрудничества.

В опубликованном докладе Группы по изучению Ирака, к сожалению, не отражено, как приятно нам было работать вместе. Симпсон постоянно отпускал уморительные шутки, Панетта и Джордан старались от него не отставать, Бейкер мрачновато язвил, Гамильтон демонстрировал чувство юмора, типичное для уроженцев Индианы, и все отлично ладили. Да, мы вполне сознавали важность задачи, но не видели причин трудиться с постными физиономиями.

Практическая работа группы началась с первой встречи, состоявшейся 15 марта. Всего мы собирались восемь раз, всегда в Вашингтоне. Наши усилия были сосредоточены на оценке стратегической обстановки в самом Ираке и вокруг него; мы изучали вопросы безопасности Ирака и принципиальные условия ее повышения; исследовали политический климат Ирака после выборов и формирования нового правительства, а также анализировали процессы восстановления экономики. Мы составили список экспертов по каждому из этих четырех основных направлений, покорно приняли толстенные папки с документами для чтения, провели бесчисленное множество дискуссий и брифингов. Мы выслушали великое разнообразие мнений, побеседовали со всеми ключевыми фигурами в администрации, включая президента, бывших высокопоставленных правительственных чиновников и ряд старших военачальников; кроме того, нас консультировали полевые офицеры уровня командиров бригад, лидеры разведывательного сообщества, эксперты, конгрессмены, зарубежные официальные лица, журналисты и комментаторы.

Мы задавали много вопросов. Судья О'Коннор не имела опыта в международных делах и вопросах национальной безопасности, однако именно ей лучше всего удавалось добиваться ответов. Наблюдать за ней было весьма поучительно. Годы в Верховном суде научили ее мгновенно определять на слух хромающую логику, выделять сомнительные доказательства, непоследовательность и аналитические изъяны. Неизменно доброжелательная, но суровая, она «проколола» добрый десяток «воздушных шаров» в рассуждениях экспертов.

Лично для меня самой ценной и полезной с практической точки зрения оказалась поездка в Багдад с 30 августа по 4 сентября. Нас в этой поездке было семеро. По пути в Кувейт самолет совершил посадку в аэропорту Шеннон в Ирландии для дозаправки. Мы с Панеттой устремились к винным рядам в магазине дьюти-фри, предполагая, что в Багдаде такого алкоголя не найти. (Двум будущим министрам обороны и в голову не пришло, что мы нарушаем приказ номер 1 по воинскому контингенту США, запрещающий употребление

спиртного на территории Ирака.) Гамильтон занял единственную на борту кровать на пути туда, а Бейкер – на пути обратно; тот, кто остался без кровати, спал прямо на полу. Остальные пятеро тоже спали на полу или в креслах.

В Кувейте, где было ужасно жарко и ветрено, мы пересели на военный транспортник на Багдад, где температура ожидалась еще выше. Пассажиры этого рейса являли собой крайние противоположности. С одной стороны – несколько десятков чрезвычайно подтянутых молодых солдат, которые направлялись в зону боевых действий. Шлемы, бронежилеты, штурмовые винтовки… Могу только догадываться, о чем они думали, особенно учитывая постоянно возраставший уровень насилия в стране. С другой стороны – мы семеро, всем лет по шестьдесят-семьдесят, смотревшиеся невероятно глупо в пиджаках и брюках, с которыми никак не сочетались выданные нам бронежилеты и шлемы. Наш облик напомнил мне предвыборное фото Майкла Дукакиса 1988 года – в танке и в танкистском шлеме. Солдаты наверняка спрашивали себя, с какой стати этих штатских идиотов понесло в Ирак и что, во имя всего святого, они там забыли. По прибытии в аэропорт Багдада мы пересели в вертолеты и отправились в комплекс посольских зданий. Каждый вертолет имел на борту по два стрелка, вооруженных авиационными пулеметами калибра 12,7 мм. Когда мы находились в воздухе, вертолеты, к нашему перепугу, вдруг принялись отстреливать ловушки; новичков просветили – это способ борьбы с ракетами, наводящимися по тепловому следу, однако порой бортовой компьютер выбрасывает ловушки автоматически, из-за помех от линий электропередачи. Ни одно объяснение не внушало спокойствия.

Мы заночевали в посольском комплексе, сердцем которого был один из многочисленных огромных дворцов Саддама, с бассейном и отдельно стоявшим гостевым домом. Нас разместили в этом гостевом доме. Когда около двух часов утра электропитание (и кондиционеры) вдруг отключилось, сразу стало чудовищно жарко. Я решил узнать, можно ли что-либо сделать, чтобы восстановить электроснабжение. Я вышел из дома в футболке и шортах. Мимо как раз проходил молодой солдат, тоже в футболке и шортах – и со штурмовой винтовкой, – и я попытался объяснить ему наши затруднения. Он никак не прореагировал (наверное, это вполне объяснимо), ничуть не проникся нашими невзгодами – и отправился дальше по своим делам, не проронив ни слова.

В Багдаде мы работали с 31 августа по 3 сентября. Мы общались напрямую с боевыми командирами, беседовали с послом и сотрудниками посольства, с дипломатами из других стран и, конечно, использовали любую возможность, чтобы переговорить с иракскими лидерами. Каждый день заседания и переговоры занимали по двенадцать часов. От американцев и иностранных дипломатов мы не услышали почти ничего такого о тяжелой ситуации в Ираке, чего не знали раньше, хотя, безусловно, эти рассказы добавили много подробностей к нашим предварительным впечатлениям. Генерал Джордж Кейси, командующий американскими войсками в Ираке, заявил, что иракцам необходимо решить четыре важнейших задачи: создать федеральную структуру управления, провести дебаасификацию, обуздать местные ополчения и научиться распределять доходы от продажи нефти. Еще он подчеркнул, что скорый вывод американского контингента будет иметь «ужасающие» стратегические последствия. По мнению Кейси, очень важно попытаться поставить иракцам цели и сроки, и «к концу года мы должны понимать, в состоянии иракское руководство управлять или нет». В отсутствие посла человеком номер два в нашем посольстве был Дэн Спекхард, и он сказал нам, что нужны такие улучшения в области безопасности, которые окажутся заметными для иракцев, особенно в Багдаде.

Мы также довольно долго беседовали с генерал-лейтенантом Питом Кьярелли, командующим Международными коалиционными силами в Ираке, прямым командиром наших войск в боевых операциях. Кьярелли произвел на всех нас великолепное впечатление своим вдумчивым анализом ситуации – почему мы должны защищать местное население, разви-

вать экономику и обеспечивать рабочие места, в противном случае молодые иракцы по-прежнему будут вместо лопаты хвататься за автомат. Он упомянул о том, что хотел бы видеть в стране больше американских гражданских специалистов и экспертов по развитию, а не только военнослужащих, и сказал, что шаги, подобные восстановлению канализации в Багдаде, окажут на ситуацию куда более благоприятное влияние, нежели военные победы. Еще Кьярелли, словно вторя Спекхарду, много говорил о повышении уровня безопасности в столице как залоге общего успеха.

Среди подчиненных генерала Кейси никто не предложил нам увеличить численность американского контингента (а мы постоянно задавали этот вопрос) – возможно потому, что против этого выступали сам Кейси и его босс, глава Центрального командования[14] генерал Джон Абизаид, полагавшие, что присутствие большого числа военных США расслабляет иракцев и мешает последним принимать на себя больше ответственности за собственную безопасность. Кьярелли, напротив, был уверен, что безопасность Багдада не обеспечить без развертывания дополнительных американских частей; как мне довелось узнать позднее, другие генералы, в том числе Рэй Одиерно[15], поддерживали эту точку зрения и искали союзников в Вашингтоне.

Сочтя, что от нас утаивают некоторые факты, Билл Перри в частном порядке встретился с Кейси и Кьярелли по отдельности, но не узнал ничего нового. Я, тоже в частном порядке, пообщался с главой отделения ЦРУ в Багдаде; его оценка ситуации в целом совпадала с позицией Кьярелли. Я спросил, каковы отношения между ЦРУ и военными, и он ответил: «Знаете, сэр, гораздо лучше, чем когда вы были директором ЦРУ». Я не обиделся – во-первых, он говорил правду, а во-вторых, это было еще мягко сказано. Тесное сотрудничество, которое продолжало углубляться, привело в итоге едва ли не к революции в сотрудничестве в режиме реального времени между разведкой и армией.

Несмотря на требования секретности, мы узнали довольно много из откровенных бесед с американскими военными и сотрудниками посольства. Если коротко, суть их взглядов сводилась к следующему: битву за Багдад необходимо выиграть, нужно увеличить наше военное присутствие в тех районах города, где угроза нападения повстанцев и экстремистов устранена и требуется восстановить инфраструктуру, а вот новые подразделения американских войск в Ираке ни к чему; к концу года желательно сформулировать методики оценки успехов Ирака в обеспечении безопасности, развития экономики и межнационального и межконфессионального примирения; если таковое примирение действительно удастся реализовывать, придется принять соответствующие меры в отношении шиитов, причастных к насилию; еще потребуется эффективный контакт с суннитами, нейтрализация Сирии, недопущение дальнейшего сотрудничества экстремистов-шиитов с Ираном; необходимо добиться общего прогресса в мирном процессе на Ближнем Востоке, а также организовать систему региональной взаимопомощи. И все были согласны, что Соединенным Штатам попросту нельзя потерпеть неудачу в Ираке. Эти соображения в значительной мере составили основу рекомендаций Группы по изучению Ирака.

Мы также встретились с главами багдадских бюро крупнейших новостных каналов США. Их оценка ситуации балансировала на грани откровенного пессимизма. Мы услышали, что положение ухудшается день ото дня не только из-за конфликта между шиитами и суннитами, но и из-за внутренних шиитских склок; что американские военные и Государственный департамент «играют в молчанку»; что журналисты не чувствуют себя в без-

[14] Центральное командование – формирование вооруженных сил США, зону ответственности которого составляют Средний Восток, Восточная Африка и Центральная Азия. В российской военной доктрине понятию «командование» соответствует понятие «военный округ».

[15] Одиерно Рэймонд – в 2006 г. командир 4-й пехотной дивизии, затем командующий Международными коалиционными силами в Ираке (2008–2011), ныне начальник штаба сухопутных войск США.

опасности, поскольку их плохо охраняют – не хватает солдат; что прошлым летом наблюдался фактический исход из страны иракского среднего класса и интеллектуалов; наконец, что налицо распад страны на враждебные друг другу регионы.

Встречи с иракцами заставили нас полностью осознать масштабы политического вызова. Сначала мы встретились с премьер-министром Нури аль-Малики, генеральным секретарем немногочисленной партии «Дава», компромиссной кандидатурой, которую одобрили именно потому, что у его партии не было серьезных политических амбиций. Аль-Малики призвал не преувеличивать текущие проблемы Ирака и заявил, что во многом нынешние неурядицы – следствие подрывной деятельности баасистов и сторонников Саддама, проникших в правительство либо разбежавшихся по стране. Похоже, этот человек пребывал в каком-то вымышленном мире, никак не связанном с реальностью.

Сунниты жаловались (у них были к тому все основания), что министерство внутренних дел Ирака кишит экстремистами-шиитами и бойцами «эскадронов смерти», причем даже называли имена тех, кто причастен к нападениям на коалиционные силы и на общины суннитов. Они утверждали, что во многом за хаосом в Ираке стоит Иран и что с тех пор, как напряженность в отношениях между Вашингтоном и Тегераном возросла из-за трений в вопросе о ядерном оружии, Тегеран начал все более активно поддерживать местных экстремистов. Лидеры шиитов, с которыми мы встречались, в том числе религиозные, говорили, что Саудовская Аравия, Сирия и Иран неприкрыто вмешиваются во внутренние дела Ирака. Ни шииты, ни сунниты, впрочем, не могли привести конкретных фактов, да и о катастрофических последствиях бесчинств доморощенных радикалов тоже как-то не упоминали. (После встречи с лидером шиитской общины Ирака Абдом аль-Азизом аль-Хакимом я сказал Бейкеру – у меня было полное ощущение, что этот человек предпочел бы поставить нас к стенке, а не вести переговоры.)

Доктор Салех аль-Мутлак, курд, представлявший Иракский фронт национального диалога, предоставил нам самую продуманную и реалистичную оценку ситуации. По его словам, Ирак относится к глубоко травмированным социумам, а посему любые ожидания по поводу скорого перехода к демократии «совершенно фантастичны». Ирану нужен слабый Ирак, в котором Соединенные Штаты увязнут как в болоте, а 140 000 американских солдат окажутся «заложниками». Шиитам следует осознать, что они не в состоянии контролировать все рычаги власти, а суннитам хорошо бы наконец понять, что они больше никогда не получат власть в прежнем объеме. Доктора аль-Мутлака беспокоило то обстоятельство, что шииты пытаются потеснить суннитов: «Все наши проблемы – из-за политики: если ее устранить, все постепенно наладится».

Наш визит в Ирак был критически важен по простой причине: кое-что нужно увидеть своими глазами и кое о чем услышать собственными ушами, чтобы воспринять картину целиком. Никакой брифинг в Вашингтоне не способен подменить общение с иракцами в полевых условиях, на расстоянии вытянутой руки (и не только с иракцами, но и с нашими соотечественниками на фронте, если уж на то пошло). Мы старались относиться беспристрастно и непредвзято ко всему, что наблюдали, – в том числе к роскошному ужину, который устроил в нашу честь президент Джаляль Талабани и на котором столы были уставлены очень дорогим виски.

В целом впечатление от поездки осталось самое тоскливое. Я вернулся в твердом убеждении, что к длинному списку просчетов, который составляли противники боевых действий на Среднем Востоке, следует добавить еще один: мы не имели ни малейшего представления о том, в каком угнетенном состоянии пребывал Ирак до войны – состоянии экономическом, социальном, культурном, политическом, с позиций инфраструктуры или системы образования… В общем, с любой точки зрения. Десятилетия правления Саддама, который нисколько не заботился о благе иракского народа, восемь лет войны с Ираном, разрушения,

причиненные войной в Персидском заливе, двенадцать лет суровых санкций – все это означало, что фундамент для перезапуска иракской экономики по большому счету отсутствовал, не говоря уже о фундаменте для создания демократического правительства, учитывающего потребности народа. Неужели мы намерены настаивать, что наш партнер, первое демократически избранное правительство за всю четырехтысячелетнюю историю Ирака, в состоянии решить в течение года или около того фундаментальные политические проблемы, стоящие перед страной? Это даже не научная фантастика.

Исследовательская группа провела еще одно совещание в середине сентября, а затем встретилась 13 ноября, чтобы приступить к выработке рекомендаций. Я покинул группу 8 ноября, когда было объявлено о моем назначении на должность министра обороны. Освободившуюся вакансию заполнил бывший госсекретарь Ларри Иглбергер.

Еще в Багдаде Билл Перри набросал черновик проекта: три с половиной страницы с перечислением мер, которые следует предпринять для улучшения ситуации в Ираке. Набросок Перри начинался резким заявлением: «Последствия неудачи в Ираке будут катастрофическими – куда более катастрофическими, нежели последствия неудачи во Вьетнаме». Билл охарактеризовал политические и экономические шаги, которые, по его мнению, нужно совершить, но основное внимание уделил безопасности и перспективам операции «Вместе вперед», совместного плана иракской армии, американского контингента и иракской полиции по наведению порядка в Багдаде.

Билл писал: «Чрезвычайно важно, чтобы иракское правительство предоставило достаточно армейских подразделений для поддержки усилий полиции по недопущению повторного проникновения террористов в очищенные [безопасные] районы. Подчеркну, что многочисленный американский корпус, действующий в сотрудничестве с местными силами, способен гарантировать более высокую вероятность успеха… Трудности, сопровождающие подобную операцию, очевидны, но нельзя отрицать критической важности этой операции для нашей кампании в Ираке».

Билл четко дал понять, что призывает к «кратковременному усилению», и предложил в качестве подкрепления резервные части, дислоцированные в Кувейте и Германии.

Вскоре после нашего возвращения из Багдада Чак Робб (он пропустил совещание в середине сентября) представил собственный меморандум. Охарактеризовав набросок Перри как «отличную отправную точку», он продолжил: «Я считаю битву за Багдад ключевым элементом, который определит степень нашего влияния не только в Ираке, но и в регионе в целом на ближайшие по крайней мере десять лет (по всей вероятности, гораздо дольше). На мой взгляд, мы не можем допустить поражения – и в равной степени не можем сохранять статус-кво… Мне видится необходимым в ближайшее время существенно увеличить численность сухопутных сил США, на короткий период, и придать им, где это возможно, подкрепление из состава сил коалиции. За редкими исключениями, пополнения следует привлекать извне, а не с рассматриваемого театра военных действий».

Пятнадцатого октября, всего за шесть дней до звонка Хэдли с предложением занять министерский пост, я направил Бейкеру и Гамильтону электронное письмо со своими соображениями. В письме я указал, что фраза Робба «Мы не можем допустить поражения – и в равной степени не можем сохранять статус-кво» должна открывать наш доклад. Далее я написал:

«1. Необходимо краткосрочное и значительное увеличение численности контингента США из-за пределов Ирака, чтобы зачистить и удержать [обеспечить устойчиво безопасную обстановку] Багдад и дать иракской армии время на закрепление в городе. Предварительная оценка – потребуется от 25 000 до 40 000 человек на срок до шести месяцев.

2. До развертывания войск следует установить для иракского правительства четкие ориентиры по соблюдению достигнутых договоренностей, от национального примирения до

справедливого распределения нефтяных доходов. Также следует однозначно и недвусмысленно объяснить иракскому правительству, что усиление нашего контингента – мера исключительно временная, и что успех в достижении контрольных показателей определит график вывода основных американских сил после завершения указанного периода».

Мои другие рекомендации – составленные на основании того, что я слышал в Вашингтоне и Багдаде, – заключались в следующем: созвать региональную конференцию, на которую пригласить и Сирию, и Иран, для обсуждения стабилизации и вариантов помощи Ираку, а также «наглядно и решительно» продемонстрировать возвращение США в качестве посредника в мирном урегулировании конфликта между Израилем и Палестиной. Оба этих шага ставят целью создание более благоприятного для нас политического климата на Ближнем Востоке, и они, возможно, помогут улучшить политическую обстановку в Багдаде. Я также рекомендовал назначить «самого высокопоставленного» чиновника Белого дома, кого-то из ближнего окружения президента, для координации всех усилий по улаживанию ситуации в Ираке; эта рекомендация проистекала из моего глубокого убеждения, что нам категорически не хватало именно координации и интеграции гражданских усилий. В завершение я предложил отказаться от ротации офицеров на уровне командира батальона и выше на весь срок усиления контингента и обязать Государственный департамент заполнить открытые вакансии в Ираке, если понадобится – в приказном порядке. Эти меры, по моему мнению, должны были помочь – ведь в условиях войны равно чреваты неприятностями и слишком частая смена боевых офицеров с опытом пребывания в Ираке, и недостаточное число гражданских специалистов.

К середине октября всего три члена Группы по изучению Ирака представили свои рекомендации на бумаге – два демократа и один республиканец; они единодушно утверждали, что усиление армейского контингента в Ираке за счет подразделений из других регионов необходимо для стабилизации ситуации в Багдаде, каковая, в свою очередь, имеет решающее значение для успеха в Ираке в целом. Тем не менее, когда группа в середине ноября опубликовала проект доклада, в нем об увеличении численности вооруженных сил США в Ираке не упоминалось. Только на семьдесят третьей странице проекта из девяноста шести мимоходом говорилось, что Группа поддерживает краткосрочную передислокацию американских армейских частей для стабилизации положения в Багдаде – либо необходимо ускорить подготовку и снаряжение иракских позразделений.

Я никогда не обсуждал этот проект со своими бывшими коллегами по группе, так что могу только предполагать: победа демократов на промежуточных выборах, обеспечившая им большинство в обеих палатах конгресса, и стремление продемонстрировать «экспертное единомыслие» ради усиления политической значимости доклада обернулись фактическим отказом от очевидного и весьма перспективного шага. Скажу честно, я был сильно разочарован.

Натиск: первая фаза «Большой волны»

Несмотря на то что широкой публике президент всегда демонстрировал уверенность, к весне 2006 года, полагаю, он уже отчетливо понимал, что текущая иракская стратегия себя не оправдала. Генералы Кейси и Абизаид большую часть года занимались передачей ответственности за поддержание безопасности в стране местным вооруженным силам; более того, еще в начале года Кейси заявил, что рассчитывает сократить военное присутствие США в Ираке с пятнадцати до десяти бригадных тактических групп к декабрю. (Личный состав каждой группы – в среднем около 3500 человек, плюс персонал поддержки, включая логистику, связь, разведку и вертолетчиков.) Да, после терактов в Самарре всякие разговоры о том, что ситуация в стране стабилизируется, воспринимались как откровенная насмешка, но все планы по увеличению численности нашего контингента встречались в штыки на том основании, что американские солдаты служат мишенями для террористов: чем больше аме-

риканцев, следовательно, тем чаще будут нападения; вдобавок, ощущая наше дыхание за спиной, иракцы никогда не научатся самостоятельности. Словом, оперативное командование сосредоточило усилия на передаче полномочий.

Между тем в Вашингтоне к концу лета, вопреки громким публичным заявлениям о близкой победе, было составлено по меньшей мере три доклада с анализом реального положения дел. Основной доклад подготовили Стив Хэдли и СНБ; также отметились Госдепартамент (отчет советника госсекретаря Райс Филипа Зеликова) и Пентагон (отчет под общим руководством председателя Объединенного комитета начальников штабов Пита Пэйса).

После утверждения в должности (но еще до приведения к присяге) я высказал президенту и Хэдли свои соображения по Ираку на приватном завтраке 12 декабря в небольшой столовой, примыкающей к Овальному кабинету. Я предложил президенту направить Малики послание, подчеркивающее значимость достигнутого момента для лидеров обеих стран. Что-нибудь в таком духе: «Пора решаться. Какая страна вам нужна? И нужна ли вам страна вообще? Альтернативой будет хаос». Я настаивал на форсировании событий, чтобы добиться определенности. Способен ли Малики действовать? Если нет, на кого можно положиться? Наши люди в Багдаде, по-моему, упорно не желают вникать в суть происходящего, твердят о «некотором снижении террористической активности», совершенно не учитывая, что эта активность – как море: то отлив, то снова прилив. И хорошо бы четко осознать, к чему мы стремимся в Ираке экономически и политически. А ведь есть также Иран и Сирия, которым следует растолковать, что всякая помощь нашим врагам в Ираке неизбежно повлечет за собой суровое наказание. Я предложил привлечь к процессу урегулирования Саудовскую Аравию: шейхи уверяют, что обеспокоены, но до сих пор ограничиваются только словами. И наконец я спросил, что будет, если наша стратегия все же провалится? «Каков план Б?»

Мы стали обсуждать, когда именно президенту выступить с речью, если будет решено изменить стратегию и усилить наш контингент. Буш сказал, что подождет, пока я не вступлю в должность, не съезжу в Ирак в качестве министра обороны и не вернусь со свежими рекомендациями. Я возразил: нельзя допускать, чтобы ход событий определял дату выступления. Если президент не готов, то лучше повременить. «Тактическая пауза выгоднее стратегической ошибки», – подытожил я.

Тринадцатого декабря президент прибыл в Пентагон на встречу с Объединенным комитетом начальников штабов. Встреча состоялась в конференц-зале министерства – так называемом «Танке». На ней также присутствовали вице-президент, Дон Рамсфелд и я. Поскольку формально Рамсфелд еще оставался на своем посту, именно он говорил от лица министерства, а я в основном молчал. Однако эта встреча дала мне отличную возможность выяснить настроения основных игроков и оценить, как президент проводит рабочие совещания. Кроме того, мне представился шанс понаблюдать за штабистами и их взаимодействием с Бушем и Чейни. Президент озвучил идею усиления нашего контингента в Ираке. Все начальники штабов принялись его переубеждать, не только ставя под сомнение эффективность этого шага, но и ссылаясь на «негативное впечатление», которое данный шаг произведет на армию в целом. Дескать, в этом случае не избежать «подрыва боевого духа» вследствие многократных передислокаций и длительной разлуки военнослужащих с семьями – ведь усиление контингента неминуемо повлечет за собой увеличение продолжительности сроков службы в Ираке.

Я был поражен до глубины души очевидной оторванностью штабистов от реалий войны, их сосредоточенностью на теории и упованием на стечение обстоятельств. Никто – никто! – не упомянул о жизненной необходимости для нас одержать победу в Ираке. Так впервые я лицом к лицу столкнулся с важнейшей проблемой, которую мне предстояло решать все годы на посту министра обороны, – наши военные руководители уделяли катастрофически мало внимания зарубежным кампаниям. Буш выслушал штабистов, ни разу не

прервав, но потом негромко заметил: «Самый надежный способ потерять все – это проиграть в Ираке». В дальнейшем мне пришлось разбираться со всеми вопросами, которые поднимали начальники штабов, но с президентом я был согласен полностью.

Не могу не вспомнить электронное письмо, которое я получил приблизительно год назад, – от бывшего студента Техасского университета, ушедшего служить в Ирак. Он писал, что, конечно, он и его приятели хотят вернуться домой, но не прежде, чем задача будет выполнена и они убедятся, что их друзья погибли не напрасно. На мой взгляд, этот молодой офицер тоже согласился бы с президентом.

У нас с Хэдли 16 декабря состоялся долгий телефонный разговор в рамках подготовки к моей поездке в Ирак. Стив сообщил, что перед президентом я отчитаюсь о поездке 23 декабря, а затем все, кто отвечает за национальную безопасность, соберутся 28 декабря на ранчо в Кроуфорде, чтобы принять итоговое решение. Он подробно изложил мне предполагаемую повестку дня совещания в Кроуфорде – усиление контингента и стратегия для Багдада. Достаточно ли у Кейси ресурсов, чтобы обеспечить безопасность иракцев в Багдаде? Понимает ли генерал, что увеличение численности войск есть «способ выиграть время и пространство для маневра в ожидании, пока укрепится иракское правительство?» Возможно ли усилить одновременно контингенты в провинции Анбар – где суннитские шейхи понемногу рвут отношения с «Аль-Каидой» и повстанцами из-за их бессмысленной жестокости – и в Багдаде? Или же нам придется оставить Анбар подразделениям спецназа и суннитским племенам, готовым с нами сотрудничать? Как точнее описать саму новую стратегию – это повышение безопасности, обучение или то и другое? Если мы намерены координировать свои действия с иракцами, означает ли это сокращение численности американских войск, принимающих фактическое участие в боестолкновениях?

Девятнадцатого декабря, на следующий день после приведения к присяге, я встретился с Дэвидом Петрэусом[16]. Мне требовалось мнение старшего военного аналитика – специалиста по антипартизанской войне. Также я хотел поближе познакомиться с главным кандидатом на место Джорджа Кейси. Я спросил Петрэуса, на что обращать внимание в Ираке и какие вопросы задавать. По сути, ответил он, вопрос всего один – что для нас приоритетнее: обеспечение безопасности иракского мирного населения или передача этой ответственности иракским вооруженным силам. Вероятно, второго мы не сумеем осуществить, пока не справимся с первым.

Несколько часов спустя я отправился в свою первую командировку в Ирак в должности министра обороны. Меня сопровождали Пит Пэйс и Эрик Эдельман, заместитель министра по политическим вопросам. Эта командировка кардинально отличалась от моей поездки в Ирак в качестве члена исследовательской группы. Из соображений безопасности мне выделили транспортный борт, но внутри оказался своего рода просторный трейлер, весьма комфортабельный и получивший в Пентагоне прозвище «Серебряная пуля». Меня ожидала персональная каюта с письменным столом и раскладным диваном. Ванная была настолько крохотной, что ею невозможно было пользоваться при закрытой двери. Еще в трейлере имелось что-то вроде приемной, со столом и креслом для секретаря, а также с маленьким холодильником, в третьей секции можно было усадить еще двух-трех человек. Тесноватое помещение для двенадцатичасового перелета, но с ним не шли ни в какое сравнение сиденья в грузовом отсеке, да и со звукоизоляцией в трейлере обстояло значительно

[16] Петрэус, Дэвид – американский генерал, воевал в Кувейте и в Боснии, в 2003 г. командовал 101-й воздушно-десантной дивизией, солдаты которой нашли и расстреляли сыновей С. Хусейна; в 2004 г. был назначен главой Многонационального командования по передаче безопасности в Ираке. С 2005 по 2007 г. командовал военной базой Форт-Ливенуорт, в январе 2007 г. сменил Д. Кейси в качестве командующего Международными силами в Ираке.

лучше. Хотя… Иллюминаторов или окон в трейлере не было, поэтому сам себе я напоминал посылку, доставляемую «Федэксом»[17] через полмира.

По прибытии в Багдад, где меня встречали генералы Абизаид и Кейси, нас вертолетами перебросили в Кэмп-Виктори, огромный военный лагерь, включавший в том числе дворец аль-Фав, где размещалась штаб-квартира оперативного командования, и Объединенное бюро посетителей (ОБП). Гостиница ОБП занимала очередной саддамовский дворец, богато украшенный в стиле, который я называю «раннедиктаторским»: громоздкая тяжеловесная мебель и обилие сусального золота. Моя спальня размером была приблизительно с баскетбольную площадку и могла похвастаться грандиозной люстрой. Ванная изобиловала орнаментом, зато сантехники в ней было в обрез. С тех пор я останавливался в ОБП неоднократно и могу сказать, что после передачи управления комплексом Национальной гвардии условия проживания существенно улучшились. Тем не менее относительная «плюшевость» обстановки всякий раз меня коробила – ведь я знал, в каких условиях размещаются наши солдаты и офицеры. Больше не буду на этом останавливаться, скажу лишь, что у меня и моих сотрудников причин жаловаться не возникало – никогда.

Почти все два с половиной дня этой командировки в Ирак я уделил беседам с боевыми командирами. Именно тогда я познакомился с несколькими армейскими офицерами, чье мнение я научился ценить и уважать и чьему продвижению по службе содействовал в последующие годы, среди прочих – с генерал-лейтенантами Рэем Одиерно, Стэном Маккристалом и Мартином Демпси.

Еще я провел продолжительные «переговоры за едой» со всеми министрами иракского правительства. На сей раз эти переговоры оказались гораздо более продуктивными, нежели когда я приезжал в качестве члена исследовательской группы (ничего удивительного, если принять во внимание, насколько теперь мое мнение стало важным для будущего Ирака и этих людей).

С данной поездки я завел практику, которой впоследствии неизменно придерживался во время визитов в Ирак и Афганистан, а также при посещении любых военных объектов и подразделений. По моему поручению ко мне на обед приглашали с десяток военнослужащих – молодых лейтенантов и капитанов, солдат и сержантов-срочников и уорент-офицеров[18] среднего звена. Все они бывали со мной на удивление откровенны – наверное, отчасти потому, что я не приглашал на эти обеды никого из старших командиров; таким образом я узнавал много полезного.

Собираясь лететь из Багдада в Мосул, я провел свою первую пресс-конференцию в Ираке, на открытом воздухе перед зданием ОБП. Мои слова, смею предположить, интересовали репортеров намного меньше, чем звуки перестрелки неподалеку.

На пути обратно в Вашингтон я готовился к встрече с президентом на следующее утро в Кэмп-Дэвиде. Я сказал Бушу, что обещал сенату прислушиваться к мнению боевых командиров, – и выполнил свое обещание. Сильнее всего их по-прежнему беспокоила передача ответственности за обеспечение безопасности населения иракским вооруженным силам. Я сказал, что, с моей точки зрения, в Ираке мы достигли «поворотного пункта», что текущая стратегия, реализуемая Кейси, сводится в принципе именно к стремлению иракцев взять на себя урегулирование ситуации, но при активной поддержке США. Из подробных бесед с военнослужащими, добавил я, совершенно очевидно, что среди офицеров, от генерала Абизаида до командиров рот, получила широкую поддержку идея «таргетированного», целевого

---

[17] «Фэдэкс» («Федерал экспресс») – американская частная компания, предоставляющая почтовые, курьерские и другие логистические услуги.

[18] Уорент-офицер – в армии США группа званий, «промежуточная» по статусу между сержантами и младшими офицерами. Эти звания делятся на 5 классов; в Российской армии званию уорент-офицера приблизительно соответствует звание прапорщика.

увеличения численности контингента (до двух бригад максимум) для наведения порядка в Багдаде – при условии соразмерного увеличения численности гражданских специалистов из Америки. Постепенное усиление контингента требуется для «удержания» ситуации под контролем, пока иракцы не сформируют еще девять бригад в Багдаде и не проведут стабилизацию обстановки в стране.

Что касается провинции Анбар, где вдруг появились дружественные нам шейхи, я сказал, что наши командиры полагают, будто добились существенного прогресса. Генерал Абизаид сообщил, что командующий морской пехотой генерал-майор Рик Зилмер «выколачивает дурь» из местных ячеек «Аль-Каиды». Одиерно и Зилмер не сомневались, что два дополнительных батальона морской пехоты позволят развить и закрепить успех в провинции Анбар. Тем не менее, подчеркнул я, Кейси не уверен в необходимости усиления войск в Анбаре, да и премьер Малики, похоже, абсолютно не интересуется этой провинцией. Кейси считает, что для прочного успеха нужны иракские силы безопасности и эффективное правительство. Правда, он пообещал мне обсудить дела в провинции с Одиерно.

А вот Малики виделся мне серьезной проблемой, о чем я честно предупредил президента. В личных беседах он ловко уклонялся от обсуждения конкретных условий усиления нашего контингента. Более того, он уведомил меня, что наращивание численности американских войск «идет вразрез с чаяниями иракского народа» и способно спровоцировать террористов на новые кровопролитные атаки. Кейси и Одиерно полагали, что Малики можно переубедить: например, уговорить на введение одной дополнительной бригады до 15 января, для поддержки операции по обеспечению безопасности Багдада, а вторую бригаду перебросить в Кувейт до 15 февраля, для пополнения оперативного резерва. Я сказал президенту, что, как представляется мне, Малики пойдет нам навстречу, если мы согласимся с передачей дел иракцам, но при этом необходимо, чтобы он осознал недопустимость провала. Наши боевые командиры обеспокоены тем, что иракцы, стремясь к руководству, не располагают ресурсами, достаточными для успешного завершения операции. Одиерно в целом смотрел на ситуацию пессимистичнее, нежели Кейси, не верил в эффективность предлагаемых мер и постоянно повторял: «Успеха никто не гарантирует»; он считал, что после окончания зачисток следует обеспечить длительный период «удержания», причем в сочетании с немедленным предоставлением экономической помощи, создающей новые рабочие места.

Итак, Кейси и Абизаид убеждены, что им требуется не более 10 000 человек подкрепления. Говоря их словами, внедрить более агрессивный подход к урегулированию ситуации будет сложно в связи с высокой организационной нагрузкой, которой подвержены войска, а также вследствие сопротивления иракского правительства, однозначно дающего понять, что оно не желает значительного увеличения численности вооруженных сил США в Ираке; поступать вопреки воле иракцев значит подорвать наши достижения в Ираке за последние два года.

Я считал и считаю, что старшие советники обязаны предложить президенту все возможные варианты действий и потенциальные альтернативы на случай неудачи основных планов. Поэтому я сказал Бушу: «Здравый смысл побуждает нас изложить вам соображения относительно плана Б, если багдадская стратегия не приведет к желаемому результату». По моей просьбе Пит Пэйс вместе с Кейси разработал запасной вариант, подразумевающий использование нынешнего американского контингента в Ираке для различных целей, включая переброску ряда специальных подразделений Маккристала в Багдад для поиска и уничтожения лидеров боевиков. Передислокация войск, уже находящихся в Ираке, если она докажет свою практическую значимость, не будет носить столь выраженного «милитаристского» характера, а значит, окажется приемлемой для правительства Малики.

Закончил я свой доклад так: «В конечном счете мы – Пит Пэйс, Джон Абизаид, Джордж Кейси и я – считаем, что на данный момент американских войск и сил Ирака достаточно,

чтобы избежать катастрофы. В худшем случае мы по-прежнему будем топтаться на месте. Если же нас интересует окончательный результат, нужно рассмотреть иные, более жесткие варианты, дабы операция в Ираке не обернулась итоговым провалом».

Вспоминая эту встречу, я понимаю, что президент наверняка был глубоко разочарован моим докладом, пусть и никак этого не показал. Фактически я повторил все то, что на протяжении многих месяцев озвучивали Абизаид и Кейси, неохотно согласившиеся слегка увеличить численность американского контингента в Ираке. Президент же явно размышлял о радикальном увеличении его численности. А я, сам выдвинув эту идею после поездки в Багдад в сентябре и отстаивая ее на встрече с президентом перед своим назначением, при отчете Бушу в ту субботу ни словом не упомянул о рекомендации комиссии Бейкера и Гамильтона – передислоцировать в Ирак от 25 000 до 40 000 человек дополнительно. Меня извиняет разве что тот факт, что я проработал министром менее недели и не был готов возражать боевым командирам и другим высоким чинам. Но вскоре все изменилось.

Прежде всего мне пришлось усвоить, и усвоить быстро, что старшие офицеры в армии имеют собственную историю взаимоотношений – нередко довольно длительную, уходящую, бывает, к соперничеству в академиях Вест-Пойнта и Аннаполиса, – и эта история определяет их отношение друг к другу и восприятие высказанных другими предложений и идей. Также я был вынужден «на бегу» учиться читать между строк, анализировать доклады генералов и их подчиненных, в частности, обнаруживать кодовые слова, «сигналы», которые подсказывали, в самом ли деле эти люди согласны со мной или только притворяются, а в действительности они категорически против. Будучи в Багдаде, я уловил намек на разногласия между Кейси и Одиерно, но лишь впоследствии выяснилось, что Рэй принципиально расходится со своим боссом в оценке ситуации, особенно в вопросе наращивания численности войск. Что ж, постепенно я научился полагаться на эти «сигналы», имея дело с председателем Объединенного комитета начальников штабов (сначала это был Пит Пэйс, затем адмирал Майк Маллен) и со своими старшими военными помощниками.

Мои взгляды на стабилизацию положения в Ираке стремительно эволюционировали. Я знал со стопроцентной уверенностью: как ни относись к решению вторгнуться в Ирак, на данный момент мы очутились в положении, когда потерпеть поражение невозможно. Провал военной кампании и последующее скатывание Ирака в беспощадную гражданскую войну скорее всего вовлечет в конфликт другие страны региона и обернется катастрофой, которая дестабилизирует регион и резко укрепит могущество и престиж Ирана. Те несколько месяцев, когда администрации Буша пришлось справляться с оголтелой критикой нашего решения об увеличении численности контингента, я ни разу не слышал, чтобы кто-либо из критиков попытался оценить риски скорого вывода войск: никому и в голову не приходило, что этот шаг сулил именно перечисленные мной последствия.

Я рекомендовал президенту назначить вместо Джорджа Кейси, который провел в Ираке тридцать месяцев и стратегию которого Буш перестал поддерживать, генерал-лейтенанта Дэвида Петрэуса. Все, с кем я советовался, включая самого Кейси, одобрили мой выбор. За две недели до разговора с президентом о кандидатуре Петрэуса мне горячо его рекомендовал очень неожиданный источник – мой предшественник на посту президента Техасского университета Рэй Боуэн. С Петрэусом Рэй познакомился в Мосуле в августе 2003 года; он отметил, что Петрэус научился завоевывать доверие иракского народа и «обнаружил глубокое понимание» Ирака, населения страны и вопросов, которые вызывает американское военное присутствие. Президент Буш тоже слышал о Петрэусе много хорошего – как он дал понять во время собеседования со мной в начале ноября, – и потому сразу же согласился.

Еще мы обсудили, кто должен стать следующим начальником штаба сухопутных войск США. Генерал Пит Шумейкер, ушедший было в отставку, занимал этот пост вынужденно и был явно не против повторной отставки. Президент заявил, что не хотел бы, чтобы Кейси,

с учетом всех заслуг перед страной, ушел на покой с пятном на репутации из-за ситуации в Ираке. Мы согласились, что следует предложить Джорджу возглавить штаб сухопутных войск.

На слушаниях по утверждению его кандидатуры некоторые сенаторы, прежде всего Джон Маккейн, оценили деятельность Кейси куда менее благосклонно, нежели президент. Уже в ходе моей первой командировки в Ирак в качестве министра обороны я получил сообщение, что Маккейн хочет срочно поговорить со мной. Телефонную связь удалось наконец организовать во время обеда, который Кейси устроил в мою честь в Багдаде. Я уединился в своей спальне – и словно попал в сюрреалистический фильм: Маккейн забросал меня доводами в пользу того, почему Кейси нельзя назначать начальником штаба сухопутных войск.

Встреча тех, кто отвечал за национальную безопасность, с президентом Бушем, состоявшаяся на ранчо близ Кроуфорда 28 декабря, позволила окончательно сформулировать задачи новой стратегии и выстроить общую схему действий. США сформируют до пяти дополнительных бригадных тактических групп общей численностью примерно в 21 500 военнослужащих; половину от этого числа передислоцируют в Ирак к середине февраля, остальные будут прибывать постепенно, по 3500 человек каждый последующий месяц. Абизаид и Кейси продолжали гнуть свою линию: две бригады прямо сейчас, остальные – позже, по мере необходимости; Петрэус и Одиерно настаивали, чтобы все пять бригад прибыли в Ирак одновременно. Я согласился с рекомендацией новых командующих (тем самым неявным образом дезавуировав свое предыдущее выступление в поддержку точки зрения Кейси), убежденный следующим доводом: если выдвинуть сначала две бригады, а потом еще три, это будет выглядеть так, словно бы мы бросились спешно латать дыры; поэтому подкрепления должны передислоцироваться единовременно. Все и сразу – таков наш девиз. Я никогда не обманывался насчет своих познаний в искусстве оперативного военного управления. И в данном случае, как и позднее, когда выслушивал рекомендации участвующих в боевых действиях командиров и изучал основания этих рекомендаций, я был готов полагаться на чужой полевой опыт и делать все от меня зависящее, чтобы обеспечить выполнение поставленных перед ними задач.

Недооценка фактической численности войск, необходимых для полноценного дислоцирования пяти бригад, заставила меня в беседе с президентом привести Бушу недостоверные цифры. 21 500 человек – это только численность боевого личного состава; я совсем забыл о так называемых вспомогательных подразделениях – пилотах и механиках вертолетов, врачах и санитарах, о материально-техническом снабжении, разведке и прочем. Это еще почти 8500 человек; следовательно, общая численность резервного контингента – около 30 000 человек. (Урок я усвоил и с тех пор больше никогда не забывал о службах тыла и обеспечения.) Когда мне впервые указали на мою ошибку, я воскликнул: «Ну и лужу мы нашли, чтобы в нее плюхнуться! Военные профессионалы, а посчитать не удосужились!» И тут же направил служебную записку своему заместителю Ингленду и Питу Пэйсу с просьбой перепроверить текущие цифры и уточнить, правильны ли наши подсчеты на сей раз: «Нам и без того придется нелегко, когда мы будем объяснять, откуда взялись дополнительные люди и почему настолько увеличился бюджет операции «Свобода Ирака». Ни в коем случае мы не можем позволить себе новых сюрпризов в предстоящие недели… Не хочу, чтобы три недели спустя мне на стол легло новое обоснование». Да, во взаимоотношениях со старшими офицерами я выбрал жесткий курс.

В Кроуфорде мы договорились предоставить иракцам ведущую роль в подавлении религиозного насилия, но единодушно решили, что будем требовать от правительства Ирака, чтобы на отношении иракской армии к задержанным повстанцам никоим образом не сказывалась их принадлежность к определенным религиозным течениям – чтобы, например, политики (имелся в виду прежде всего Малики) не вмешивались и не пытались обеспечить

освобождение «политически дружественных» повстанцев. Мы согласились поддерживать иракские силы, даже продолжая контртеррористические операции против «Аль-Каиды» в Ираке, шиитских «отрядов смерти» из «Джаиш аль-Махди»[19] и суннитских экстремистов. На совещании было отмечено, что большинство наших потерь не связано с религиозными конфликтами, в основном это жертвы применяемых террористами самодельных взрывных устройств (СВУ). Мы также обсудили увеличение численного состава армии и корпуса морской пехоты, но конкретного решения до отъезда из Кроуфорда не приняли.

Второго января 2007 года я позвонил Петрэусу. Он в этот момент ехал на своем автомобиле по шоссе в Лос-Анджелесе. Припарковавшись, он перезвонил, и я спросил, как он смотрит на перспективу командовать американским контингентом в Ираке. Он не мешкал ни секунды – сразу ответил: «Да». Полагаю, он, подобно мне, понятия не имел, насколько тяжела окажется выбранная нами дорога – и в Ираке, и в Вашингтоне.

На следующий день я встретился с президентом, чтобы обсудить два ключевых кадровых вопроса. Во-первых, я предупредил, что назначение Кейси скорее всего вызовет шквал критики со стороны сенаторов, хотя, если мы обеспечим генералу поддержку, его кандидатуру все-таки одобрят. Во-вторых, нужно было решить, кто сменит уходящего в отставку Абизаида. Я сказал, что, на мой взгляд, Центральное командование нуждается в свежем взгляде, и назвал три имени – генерал Джек Кин, заместитель начальника штаба сухопутных войск (и деятельный сторонник усиления контингента в Ираке), генерал морской пехоты Джим Джонс, только что покинувший пост главы Европейского командования и верховного главнокомандующего сил НАТО в Европе, и адмирал Уильям (Лис) Фэллон, глава Тихоокеанского командования. Я сказал Бушу, что, по словам Пэйса и других офицеров, Фэллон, пожалуй, лучший стратег в нынешних вооруженных силах. Кроме того, в зоне ответственности Центрального командования много регионов – Иран, Африканский Рог[20] и так далее, – где требуется активное участие флота. Вдобавок глава Центрального командования окажется боссом Петрэуса, а значит, чтобы задавить того авторитетом, если понадобится, нужен опытный четырехзвездный офицер со «стальным стержнем». Этот пост станет третьим для Фэллона в его ранге «четырех звезд». Еще Фэллон будет первым адмиралом, возглавившим Центральное командование, и эта идея меня вдохновляла – я считал, что нельзя «приватизировать» руководящие посты по родам войск. Президент согласился с моей рекомендацией, которая состояла в том, чтобы придать Фэллону в качестве заместителя армейского генерал-лейтенанта Мартина Демпси, только что вернувшегося из Ирака. Буш также распорядился произвести назначения в Багдаде и в Центральном командовании до 5 января, чтобы он мог заявить в своем выступлении, что «иракская» команда в администрации сменилась полностью (это касалось и нашего посла в Ираке).

Под занавес встречи я сообщил президенту, что готовлю предложение по увеличению списочного состава корпуса морской пехоты на 27 000 человек и армии – на 65 000 человек, доведя их численность до 202 000 и 547 000 человек соответственно. Процесс займет несколько лет, в финансовом выражении обойдется в первый год от 17 до 20 миллиардов долларов, а в пятилетней перспективе будет стоить от 90 до 100 миллиардов долларов. Также я доложил, что изучаю вопросы, касающиеся системы мобилизации Национальной гвардии и резерва, в частности чтобы гарантировать, что использование их подразделений ограничат определенным сроком – возможно, годом, – тем самым им будет обеспечено достаточно продолжительное пребывание дома между командировками в зону боевых действий. Буш одобрил мои действия и попросил продолжать.

---

[19] «Джаиш аль-Махди» («Армия Махди») – ополчение, составленное из сторонников шиитского религиозного лидера Муктады аль-Садра. Боевики этого движения, действовавшие преимущественно на юге Ирака, терроризировали местное население и устраивали нападения американцев, начиная с 2003–2004 гг.

[20] Африканский Рог – полуостров на востоке Африки, территориально принадлежит Сомали.

Последнее заседание Совета национальной безопасности по новой стратегии в Ираке президент провел 8 января. Представленные мной материалы показали, сколь печальна и тяжела нынешняя ситуация: «Положение в Багдаде, несмотря на тактические корректировки, к лучшему не меняется. Полиция неэффективна или сотрудничает с террористами. Уровень насилия в городе не позволяет даже рассуждать о стабилизации обстановки. Поддержка Ираком сил коалиции существенно снизилась, отчасти из-за прошлогодних неудач. Мы фактически перешли к стратегической обороне, враг [суннитские повстанцы и ополченцы-шииты] перехватил инициативу. Перед нами четыре ключевых вызова: 1) основную проблему представляют собой экстремисты, авторитет центральной власти подорван, религиозный сепаратизм процветает (следовательно, уже не мятежники сунниты являются главной угрозой); 2) политический и экономический прогресс в Ираке вряд ли возможен при отсутствии безопасности хотя бы на базовом уровне; 3) иракские лидеры отстаивают собственные религиозные и партийные интересы под видом интересов нации, прикрываясь славной историей страны; 4) готовность американского народа терпеть лишения ради победы в Ираке близка к нулевой (и это грубое преуменьшение, если допустить, что таковая готовность когда-либо вообще имелась). Думаю, что данная встреча в некотором смысле финальная предстартовая проверка для всех, кто сегодня собрался за этим столом; мы должны признать необходимость решительных действий и изменить нашу главную военную цель – не передача полномочий, а защита иракского народа. Президент должен знать, что эта команда будет держаться заодно, пусть даже нас ожидает очень непростой период».

Президент выступил с телевизионным обращением к нации 10 января. Он объявил, что США направляют пять дополнительных тактических бригад в Багдад и два батальона морской пехоты в провинцию Анбар. Кондолизе Райс поручается организовать переброску гражданских специалистов в соответствии с запросами военного командования. Премьер Малики гарантировал нашим силам свободу перемещений и подтвердил это публично. Наконец мое предложение об увеличение численности армии и морской пехоты принято к реализации.

И начался настоящий ад.

За сорок пять лет своей карьеры – а я состоял на государственной службе при восьми президентах, – могу вспомнить только три случая, когда президент, на мой взгляд, рисковал репутацией, карьерой, доверием избирателей, своими политическими амбициями и мнением потомков ради единственного решения, которое, по его мнению, было правильным для страны. Это – помилование Никсона Джеральдом Фордом, согласие Джорджа Г. Буша на «бюджетную сделку» в 1992 году[21] и решение Джорджа У. Буша об изменении американской стратегии в Ираке. В первых двух случаях, думаю, никто не станет оспаривать полезность этих президентских решений для страны, однако обоим президентам они стоили переизбрания; в последнем случае решение Буша-43 предотвратило потенциально катастрофическое военное поражение Соединенных Штатов.

Принимая свое решение, Буш внимательно выслушал командующего американскими войсками в Ираке, его начальника – главу Центрального командования, узнал мнение всего Объединенного комитета начальников штабов, предоставил им широкие возможности высказаться. И отверг их советы. Он сменил министра обороны и боевых командиров и поставил свою судьбу на новую команду и новую стратегию. Как некоторые из его наиболее уважаемых предшественников, он – по крайней мере в данном случае – доверился собственному внутреннему голосу, а не рекомендациям высокопоставленных и профессиональных военных советников.

---

[21] «Бюджетная сделка» 1992 г. – соглашение между президентской администрацией и конгрессом, позволившее избежать первого в истории секвестра государственного бюджета США.

Буша много критиковали, в том числе представители его собственной партии, за то, что он затянул со сменой стратегии в Ираке до конца года. По-моему, учитывая сильное сопротивление большинства старших военачальников и командиров, а также членов правительства вплоть до последнего момента в декабре, изменить стратегию в начале 2006 года было бы еще труднее; президент не мешкал, но выжидал. Я не в том положении, чтобы судить, насколько повлияли на его решимость предстоящие промежуточные выборы. Но я знаю наверняка, что когда Буш-43 принял решение, ничто не могло заставить его усомниться или передумать.

Вашингтонские баталии

Еще в самом начале сотрудничества с Дэйвом Петрэусом, сотрудничестве протяженностью в почти четыре с половиной года и две войны, я частенько говорил ему, что его поле боя – Ирак, а мое – Вашингтон. Каждый из нас четко знал, кто наш враг. Моим врагом было время. Вашингтонские «часы» и багдадские «часы» отсчитывали время совершенно по-разному. Нашему контингенту в Ираке время требовалось, чтобы дождаться подкреплений и чтобы вступил в действие новый план урегулирования; иракцам время требовалось для политического примирения, а вот значительная часть конгрессменов, львиная доля СМИ и большинство американцев (причем их число все возрастало) давно потеряли всякое терпение. Ближайшие недели и месяцы ознаменовались в Вашингтоне попытками противников войны навязать иракцам строгие временные рамки и добиться от нас конкретных сроков вывода наших войск. Моя роль состояла в том, чтобы выиграть время, замедлить вашингтонские «часы» и ускорить багдадские. Я неоднократно говорил Петрэусу, что, по-моему, он делает все правильно, а значит: «Вы получите столько людей, сколько нужно, и будете получать подкрепления так долго, как это будет возможно».

Весь декабрь Вашингтон бурлил по поводу возможного увеличения численности нашего контингента в Ираке – в основном старались СМИ, поскольку конгресс находился на каникулах. Естественно, в прессу просочилась информация о том, что Объединенный комитет начальников штабов и лично Кейси против увеличения численности; кроме того, журналисты пронюхали о спорах в администрации и, что их сильно воодушевило, в министерстве обороны. Освещая мой первый визит в Ирак в качестве министра обороны, СМИ сосредоточились на озабоченности командования и даже младших офицеров планируемой передислокацией подкреплений – мол, сами военные считают военное присутствие США в Ираке чрезмерным, а давление на иракцев, и без того жаждущих самостоятельности, излишним (напомню, я во всеуслышание признал эти проблемы). Становилось все более очевидным, что в администрации Буша штатские ратовали за усиление американских войск в Ираке, тогда как многие военные не поддерживали данную идею. Мне начали задавать вопрос: смогу ли я каким-то образом преодолеть этот разрыв? Но декабрьская критика оказалась не более чем разминкой по сравнению с тем, что последовало далее.

Мы знали, что сильно рискуем на слушаниях в конгрессе. Все зависело от республиканского меньшинства в сенате, которое твердо вознамерилось не допустить принятия необходимых законов и тем самым щелкнуть по носу контролируемый теперь демократами конгресс и связать руки президенту. Было очевидно, что «страусиная» политика республиканцев может оказаться фатальной для новой стратегии.

Чтобы выиграть время, я в январе разработал особую тактику взаимодействия с конгрессом (и эта тактика порой доводила до белого каления Белый дом и Дэйва Петрэуса). Тактика основывалась на трехстороннем подходе. Во-первых, мы публично выразили надежду, что если новая стратегия сработает – а это станет понятно в ближайшие нескольких месяцев, – то к концу 2007 года можно приступить к постепенному выводу американских войск

из Ирака. Это заявление вынудило ряд наиболее ревностных сторонников новой стратегии как внутри администрации, так и вне ее задаться вопросом: на самом ли деле я поддерживаю увеличение численности контингента и понимаю ли, что в одночасье ничего не изменить? Эти люди видели исключительно иракское поле боя и не обращали внимания на вашингтонское. А я был убежден, что по иронии судьбы единственный способ победить – это публично признать скорое окончание войны.

Во-вторых, я поручил Петрэусу подготовить к сентябрю справочные материалы и полный отчет о ситуации в Ираке и о последствиях увеличения численности войск. Я прикинул, что смогу противостоять нападкам конгрессменов по поводу радикального изменения политического курса, приведя простой, но вполне рациональный довод: пусть нам позволят перебросить в Ирак все части, переброска которых запланирована, а спустя несколько недель мы уже узнаем, насколько оправдала себя эта мера. Таким образом, нам не станут мешать по крайней мере до сентября. Если новая стратегия не принесет ожидаемых результатов, администрации все равно придется ее пересмотреть. Следовательно, сентябрьский доклад будет ценен сам по себе и послужит своего рода водоразделом. (Признаюсь, к тактике подготовки подобных докладов для затягивания времени я, будучи министром, прибегал не то чтобы редко.)

В-третьих, следовало обработать средства массовой информации и конгресс. Я продолжал демонстрировать уважение критикам новой стратегии в Ираке и признавать многие из допущенных ошибок, особенно те, что касались контактов с иракцами. Поэтому, когда конгрессмены в очередной раз принимались требовать, чтобы иракцы проявляли больше решительности в подавлении экстремизма либо в принятии и исполнении ключевых законодательных актов, я с легким сердцем, выступая в конгрессе или давая интервью прессе, соглашался с этими требованиями. В конце концов, именно к такому я сам призывал в электронном письме Бейкеру и Гамильтону в середине октября 2006 года. Кроме того, я отчасти поощрял критиков, заверяя, что их нападки полезны для нас, ибо помогают донести до иракского правительства волю американского народа, утомленного войной, – но при этом я категорически не одобрял как «несвоевременные» любые попытки законодательно установить сроки передачи полномочий в Ираке. И всегда старался по возможности снизить накал страстей в прениях.

Вообще для меня дебаты по поводу Ирака в последние два года президентства Буша-43 делятся на два этапа. В ходе первого, с января по сентябрь 2007 года, обсуждалась прежде всего сама война, а также увеличение численности американского контингента и ожидаемые последствия этого шага. Много споров, конфликтов и прочих неприятных моментов. На втором этапе, с сентября 2007-го по конец 2008 года, я изменил свой modus operandi: теперь обсуждались сроки вывода войск – с тем чтобы максимально продлить пребывание нашего контингента в Ираке и заодно попытаться устранить «иракскую тему» из повестки дня предстоящих президентских выборов. Большинство кандидатов от Демократической партии признавали – во всяком случае, в частном порядке – необходимость долгосрочного военного присутствия США в Ираке, пусть и при резком сокращении задействованного личного состава. Я надеялся, что новая администрация не откажется от выбранного курса, последует ему сознательно, не поддастся популистским настроениям немедленно вывести войска вплоть до последнего солдата – и тем самым позаботится о жизненных интересах США в Ираке и в регионе в целом.

Тактика оказалась эффективной, во многом благодаря переменам в Ираке, стойкости заинтересованных лиц и «колебаниям» политического климата. Суннитское движение «Пробуждение» во главе с шейхом Саттаром в провинции Анбар начало наводить порядок в стране, чему немало способствовали успехи Петрэуса в качестве командующего американским контингентом; всего за несколько месяцев обстановка в Ираке настолько изменилась

к лучшему, что это невозможно было отрицать. Уже в июле стало очевидным, что усиление численности наших войск не было пустой тратой времени и сил. Президент Буш стойко выдерживал критику и в крайних случаях использовал свое право вето, чтобы заблокировать инициативы конгресса. Республиканское меньшинство в сенате по большей части поддерживало новую стратегию и не допускало принятия законодательных актов, устанавливающих конкретные сроки вывода наших сил. И не будем забывать о вопросах национальной безопасности. Конгресс вовсе не стремился загонять президента в угол – ведь иначе вся полнота ответственности за возможные последствия ложилась на самих конгрессменов. Наконец, переговоры с иракцами об условиях стратегического рамочного соглашения и продолжительности нашего военного присутствия, которые шли на протяжении 2008 года, сыграли решающую роль в определении повестки грядущих президентских выборов – и позволили выиграть дополнительное время.

Но до всего этого было еще очень далеко, когда 11 и 12 января 2007 года Кондолиза Райс выступала на заседании сенатского комитета по международным отношениям, а мы с Питом Пэйсом держали ответ перед членами обоих комитетов по делам вооруженных сил, сенатского и палаты представителей. Всем троим пришлось несладко, но, полагаю, Конди досталось сильнее прочих – в основном потому, что она работала в администрации на момент принятия решения о вторжении в Ирак и, таким образом, оказалась мишенью: именно на ней сенаторы вознамерились отыграться за свое разочарование ходом войны. Подозреваю, лишней причиной «оторваться» на ней послужило то обстоятельство, что по меньшей мере четверо членов комитета по международным делам собирались баллотироваться на пост президента и использовали эти слушания как площадку для демонстрации своих амбиций. Сенатор Крис Додд из Коннектикута обвинил администрацию в том, что та относится к нашим солдатам как к «пушечному мясу»; сенатор Джо Байден из Делавэра назвал новую стратегию «трагической ошибкой, если не хуже»; сенатор Барак Обама из Иллинойса заявил: «Весь американский народ – и, думаю, каждый сенатор из состава этого комитета, не важно, республиканец он или демократ, – задает простой и чрезвычайно важный вопрос: “Сколько можно?”». Надо сказать, республиканцы тоже не отставали. Так, сенатор Чак Хейгел из Небраски заметил, что новая стратегия – «самый серьезный внешнеполитический промах этой страны со времен Вьетнама».

Нам с Пэйсом повезло значительно больше во многом потому, что республиканцы из комитета по делам вооруженных сил, как правило, поддерживали военную политику президента Буша – в первую очередь этим отличался Джон Маккейн. Но все равно мы вынуждены были выслушать много критических замечаний со стороны демократов и отвечать на неудобные вопросы республиканцев. Возможно, я отделался сравнительно легко, поскольку это были мои первые слушания после утверждения в должности, и я носил фамилию Гейтс, а не Рамсфелд. Я также заручился широкой поддержкой, объявив о своих планах нарастить общую численность армии и корпуса морской пехоты. А еще, мне кажется, я застал конгрессменов врасплох (наряду с Белым домом, Петрэусом и прочими), когда сказал, что надеюсь приступить к сокращению контингента в Ираке к концу наступившего года.

Как часто бывает, конгрессмены практически не задавали вопросов, на которые мы сами не искали ответов. Почти все члены комитетов сомневались, что Малики и прочие иракские лидеры сумеют на сей раз выполнить свои обещания (и мы понимали и разделяли этот скептицизм). И сомнения только усилились, когда стало известно, что в публичных выступлениях Малики и другие иракские чиновники весьма прохладно отзываются о новой стратегии. Отвечая на вопрос, какова планируемая продолжительность усиления контингента в Ираке, я обошелся уклончивым: «Месяцы, а не годы». (Мы с Пэйсом понимали, что скрывается за этим вопросом, поскольку уже столкнулись с негативным отношением наших военачальников к новому плану.)

Все, кто выступал на слушаниях, были готовы к нападкам и обвинениям, но, думаю, ни Райс, ни мы с Пэйсом – ни Белый дом в целом – не ожидали столь ожесточенной критики. К лучшему ситуация изменилась не скоро. Понадобилось бесчисленное множество заседаний, обязательных дипломатических па и ни к чему не обязывающих резолюций против новой стратегии, чтобы увязать численность американских войск в Ираке с реальными возможностями иракцев по принятию на себя ответственности за страну, а исполнение бюджета на военную операцию оставить в рамках президентских полномочий – без необходимости обращаться к конгрессу за дополнительными ассигнованиями. Наши противники в итоге уступили, но не прежде, чем успели изрядно потрепать нервы представителям администрации, а бюджет Пентагона потребовалось существенно скорректировать, ибо конгресс регулярно затягивал обсуждение финансовых вопросов на несколько месяцев.

По-настоящему испытывала мое терпение «зацикленность» сенаторов на конкретных сроках, в особенности требования, чтобы иракский Совет представителей[22] установил точные сроки исполнения своих обязательств по дебаасификации, выработке системы распределения нефтяных доходов и проведения местных выборов. Да, я сам рекомендовал подобный подход Бейкеру и Гамильтону, однако в ту пору я до конца не осознавал, насколько принципиальны эти вопросы для иракцев – ведь они определяли политический и экономический векторы развития страны. Не стоит забывать, что за всю тысячелетнюю историю страны у них не было опыта достижения компромисса. С незапамятных времен политика в Ираке вершилась просто – убивай или убьют тебя. Меня переполняло раздражение, когда я слушал лицемерные и откровенно глупые рассуждения американских сенаторов, которые чего-то там требовали от иракских законодателей, а сами не могли даже согласовать мелкие ассигнования, не говоря уже о столь критичных для существования государства вопросах, как дефицит бюджета, социальное обеспечение и реформа здравоохранения. Сколько раз мне хотелось вскочить с кресла за столом для свидетелей и крикнуть: «Парни, вы тут две сотни лет заседаете и до сих пор не в состоянии быстро принять рутинные законы! Что же вы накидываетесь на бедных иракцев, которые только освободились от четырехтысячелетней диктатуры?» Процедурная дисциплина вынуждала меня помалкивать, но к концу очередного заседания я был готов рвать и метать.

Почти сразу после президентского обращения к нации 10 января конгрессмены, равно республиканцы и демократы, начали искать возможности не допустить реализации новой стратегии или хотя бы публично выказать свое несогласие. Республиканец Джон Уорнер вынес на обсуждение сената резолюцию против новой стратегии, но в поддержку операций против «Аль-Каиды» в провинции Анбар. Лидеры демократов одобрили эту резолюцию Уорнера, из тех соображений, что, если она пройдет, им представится шанс вмешаться в процесс более активно – например, ограничить военные расходы. Но Уорнер не смог собрать шестидесяти необходимых голосов, и его проект, что называется, спустили на тормозах. Слишком многие сенаторы побоялись высказаться в пользу законопроекта, направленного, как это можно было преподнести, против американской армии.

В палате представителей свою интригу затеял хитроумный демократ Джек Мерта, старожил конгресса и председатель подкомитета по ассигнованиям на оборону. Он предложил ввести строгие критерии боеготовности и перед отправкой в Ирак проверять все новые подразделения на соответствие этим критериям; на слушаниях 6 февраля 2007 года мы с Пэйсом долго и подробно объясняли, что это предложение связывает руки военному командованию и сократит количество американских войск в Ираке минимум на треть. Мерта намеревался внести поправку к нашему запросу о дополнительных ассигнованиях в размере 93 милли-

[22] Совет представителей – главный законодательный орган Ирака. Согласно Конституции страны, это нижняя палата парламента, но верхняя палата до сих пор не сформирована.

ардов долларов, который как раз обсуждался в сенате и который требовалось одобрить до апреля, чтобы избежать бюджетного перекоса. С предложением Мерты, во всех его многочисленных вариациях, мы сражались на протяжении весны, поскольку демократы использовали запрос о дополнительных ассигнованиях как инструмент борьбы против усиления нашего контингента в Ираке.

Ближе к концу января в сенат были внесены кандидатуры Кейси – на должность начальника штаба сухопутных войск, и Петрэуса – на пост командующего американскими вооруженными силами в Ираке. Как и ожидалось, против Кейси посыпались возражения, преимущественно от республиканцев. Громче всех протестовал сенатор Маккейн (как мы того и ожидали), утверждавший, что, по его мнению, Кейси категорически не годится для этой работы. Уорнер занимал двойственную позицию. Сенатор от штата Мэн Сьюзен Коллинз заявила, что Кейси слишком далек от армии и что его послужной список в Ираке отнюдь не свидетельствует в пользу этой кандидатуры. Сенатор Саксби Чамблисс из Джорджии поддержал было назначение, но затем переметнулся в противоположный лагерь. Даже некоторые из тех, кто был готов голосовать за Кейси, не считали его наилучшим кандидатом. У меня не было ни малейшего шанса переубедить Маккейна, однако он сказал мне, что не будет «выстраивать организованное сопротивление» Кейси. Я также переговорил с Уорнером и другими сенаторами. Сам Кейси, безусловно, был обескуражен таким отношением, после всех лет службы стране, и 20 января я попросил президента высказаться в поддержку Кейси, что и было сделано. Душевное состояние Кейси заботило меня тем сильнее, чем увереннее двигался к утверждению на посту Дэйв Петрэус. Я рассказал Кейси о причинах недовольства сенаторов и пояснил: «Вы были в Ираке, а им ненавистно все, что там происходит». Я заверил его, что президент «тверд как кремень» и что мы с Пэйсом тоже не намерены уступать. По моим прикидкам, добавил я, его утвердят к 9–10 февраля. Лидер сенатского большинства Гарри Рид пообещал добиться утверждения Кейси, и 8 февраля назначение состоялось – при том что четырнадцать сенаторов проголосовали против. А против Петрэуса не было ни одного голоса.

Президент, как мне кажется, допустил затем ошибку. Сначала в частном порядке он укорил республиканцев, а затем публично обрушился на демократов – как они могут единогласно поддерживать Петрэуса, но одновременно отвергать планы генерала и лишать его ресурсов, необходимых для реализации этих планов? Несмотря на всю свою логичность, этот вопрос обидел демократов до глубины души. В результате они стали в последующие месяцы гораздо более осторожно подходить к утверждению кандидатур старших офицеров, справедливо опасаясь, что президент снова начнет с них спрашивать.

Маневры в конгрессе, имевшие целью использовать вопрос по дополнительным ассигнованиям на войну для изменения объявленной стратегии, активизировались в конце февраля и в марте. 15 марта подкомитет Мерты сформировал график вывода американских войск из Ирака, указав итоговой датой конец августа 2008 года; как и обещал Мерта, резолюция содержала требования к критериям боеготовности и продолжительности дислокации. В тот же день сенат 50 голосами против 48 отверг резолюцию законодательного характера, которую предложил Гарри Рид и которая требовала вывода подразделений из Ирака в течение 120 дней после вступления закона в силу и тем самым вынуждала завершить вывод большинства частей к концу марта 2008 года; подразделениям, которые оставались в Ираке, вменялась в обязанность профессиональная подготовка иракских военных, проведение контртеррористических операций и защита американских активов на территории страны. Я отчаянно сопротивлялся этому законопроекту, сначала на приватных встречах с членами конгресса, затем в интервью для прессы 22 марта, во всех подробностях описывая возможные последствия, регулярно упоминая о неизбежном президентском вето и о неминуемой в этом случае отсрочке принятия решения по выделению финансирования на несколько

недель. Несмотря на мои предупреждения, на следующий день, 23 марта, палата представителей 218 голосами против 208 одобрила финансирование операции, но установила предельный срок для вывода американских войск из Ирака – 31 августа 2008 года. 26 марта сенат принял законопроект по финансированию кампании при условии вывода войск до 31 марта 2008 года. 25 и 26 апреля палата представителей и сенат соответственно утвердили доклад о текущей ситуации, призывавший приступить к выводу войск 1 октября 2007 года и завершить его через 180 дней. 1 мая президент наложил вето на этот законопроект. Наконец, 25 мая нам удалось заручиться финансированием кампании без ограничительных условий, однако попытки конгрессменов изменить новую стратегию продолжались, как и бюджетные игры, сопровождавшиеся задержками финансирования. Я как-то сказал конгрессменам, что веду самый большой в мире супертанкер по неизведанным водам, а они ждут от него маневренности байдарки.

Я старался не допустить, чтобы сенатские интриги помешали осуществлению моих планов в отношении Ирака, главным образом – связанных с увеличением численности контингента и поддержанием этой новой численности вплоть до конца 2008 года. 9 марта я сообщил своим сотрудникам, что если мы не добьемся значительного успеха в Ираке к октябрю, то стратегию снова придется менять. 20 марта, в ходе видеоконференции с Петрэусом, я сказал, что собираюсь в Багдад в середине апреля и хочу обсудить с ним, что он вкладывает в понятие «успех». Он ответил, что, с его точки зрения, увеличенный контингент должен оставаться в Ираке по крайней мере до января 2008 года, то есть минимум год.

Двадцать шестого марта я сказал Пэйсу, что намерен, прежде чем лететь в Ирак, побеседовать с глазу на глаз с президентом, чтобы убедиться, «что мыслями он по-прежнему в октябре». Нам требуется, добавил я, долговременное военное присутствие в Ираке, и для достижения этой цели Ирак нужно политически «удалить к середине осени из фокуса общественного внимания» в Соединенных Штатах. Отсюда следовало, что, в свою очередь, ситуацию с безопасностью необходимо нормализовать до той степени, когда Петрэус сможет не кривя душой сказать: «Мы добились прогресса», и приступить с октября к побригадному выводу войск (а значит, усиленный контингент фактически пробудет в Ираке до февраля). Пэйс справедливо заметил, что определять успех не прерогатива Дэйва; да, Петрэус может высказать свое мнение, но последнее слово остается за президентом и за мной.

Когда входишь в Овальный кабинет, справа от президентского стола – подарка королевы Виктории президенту Резерфорду Б. Хейсу, изготовленного в 1880 году из тимберса британского военного корабля «Резолют», – прячется дверь, ведущая в личные покои президента, самую недоступную «святая святых» в Вашингтоне. Там, справа по коридору, имеется ванная комната (Буш-41 называл ее именем члена администрации, которого терпеть не мог), совсем крохотный кабинет слева, а прямо – скромных размеров столовая с кухонькой, где стюарды Белого дома готовят кофе, чай и другие напитки. Дверь в дальнем торце столовой выводит в коридор между Овальным кабинетом и офисом вице-президента, а французские окна в другом торце открываются во внутренний дворик, где президент может уединиться на свежем воздухе. Мне часто доводилось бывать в этой столовой при работе с Бушем-41; помню, мы сидели там и смотрели по телевизору начало воздушной войны в Ираке в январе 1991 года. Я никогда не видел ни одного из Бушей в Овальном кабинете и даже в этих примыкающих покоях без пиджака и галстука. Несколько раз мне случалось завтракать с Бушем-43 в личной столовой, и всегда хотелось заказать настоящий завтрак: бекон, яйца, тосты… – но Буш предпочитал здоровое питание – хлопья и фрукты, – поэтому приходилось усмирять потребность в жирной пище английской сдобой.

Именно в этой столовой я встретился с президентом один на один 30 марта и сообщил, что, по моим расчетам, мы должны навести порядок в Ираке к осени, так или иначе. Я сказал, что нужно сдвинуть иракский вопрос с первого места в политических дебатах перед

президентскими выборами, чтобы кандидаты от Демократической партии не загоняли себя публично в такие ситуации, когда им придется выступать против значительного военного присутствия в Ираке «на годы вперед» (я был уверен, что быстро там ничего не уладится). В ходе обсуждений с Петрэусом и Объединенным комитетом начальников штабов мы пришли к выводу, что, вероятно, получится приступить к сокращению численности контингента в октябре, но темп сокращений должен быть таким, чтобы Петрэус сохранил большую часть подразделений до лета 2008 года. Я снова подчеркнул, что, независимо от результатов реализации новой стратегии к октябрю, осенью понадобится провести ревизию нашей политики и определиться с перспективами американского военного присутствия в Ираке.

Президент согласился со мной. Он также сказал, что не знает, как долго сможет сдерживать республиканцев, твердо намеренных преодолеть его вето. Инициатива по сокращению контингента должна исходить от Петрэуса, так что президент спросил: «Как он собирается определять успех?»

Затем Буш обмолвился – по-моему, словно защищаясь, – что вовсе не ведет переговоров за спиной Чейни или Хэдли, однако нам с ним действительно нужно поговорить наедине. И прибавил, что больше не станет говорить о сокращениях, но я всегда могу к нему обратиться, хотя бы позвонить.

Я вышел из столовой в уверенности, что мы договорились начать вывод войск в октябре и что инициатива по этому поводу должна исходить от Петрэуса. Теперь моя задача в том, чтобы убедить Дэйва согласиться на эти условия.

Натиск: «Большая волна» продолжается

Прежде чем приступить к рассказу о том, что происходило после октября, я вынужден для полноты картины остановиться, скажем так, на скучной реальности процедурных вопросов. В январе я представил общественности ряд инициатив, призванных облегчить тяготы передислокации для бойцов Национальной гвардии и резервистов: отныне надлежало обеспечивать развертывание их частей как целых подразделений (раньше многие добирались до мест дислокации самостоятельно), а срок их откомандирования не мог превышать одного года. Эти инициативы были весьма положительно встречены командованием Национальной гвардии и руководством кадрового резерва, самими солдатами и офицерами и получили одобрение конгресса. Одновременно я пытался найти аналогичное решение, которое позволило бы устанавливать четкие, реалистичные и долгосрочные политические цели развертывания боевых частей, например сухопутных. Еще 27 декабря 2006 года я попросил Роберта Рангела и своего тогдашнего старшего военного помощника, генерал-лейтенанта ВВС Джина Ренуара, оценить плюсы и минусы сокращения сроков развертывания боевых подразделений. Имея в виду прежде всего боевой дух (и предстоящее объявление о переброске подкреплений в Ирак), я хотел узнать, достаточно ли распространить такую практику только на инженерные батальоны (с учетом их участия в контртеррористических операциях) или следует внедрить ее во всех частях, находящихся в Ираке, пока там воюет столь многочисленный контингент. Кроме того, я постарался проанализировать возможные политические и экономические последствия использования такой практики. Мне доложили, что при сохранении текущего подхода перерывы между командировками в зону боевых действий у регулярных частей, дислоцированных в Ираке и Афганистане, настолько коротки, что наши парни вынуждены вновь отправляться на передовую – и лишь потом получают возможность провести полных двенадцать месяцев дома. Это обстоятельство лишний раз укрепило меня в стремлении добиваться увеличения численности нашей армии и корпуса морской пехоты. Однако затем возникла насущная необходимость усилить контингент в Ираке, и стало ясно, что чем-то придется пожертвовать.

Армия предложила всего два варианта: удлинить срок командировки в зону боевых действий с двенадцати до пятнадцати месяцев либо сократить пребывание солдат дома. Это было самое трудное решение среди всех, какие мне довелось принять в должности министра обороны, – ведь я прекрасно понимал, насколько тяжело переносятся даже годичные командировки, и не только из-за разлуки с семьями, но и потому, что солдаты и офицеры боевых частей в Ираке (и Афганистане) постоянно находятся в состоянии нервного напряжения. На фронте не отдохнешь от полевых условий жизни, от иссушающей жары, от стресса наконец, ибо ты знать не знаешь, что сулит тебе следующий миг – опасность, ранение, смерть… Пропустить всего одну памятную дату, один день рождения ребенка, один праздник – уже много. Мой младший военный помощник, в ту пору майор, Стив Смит передал мне слова своего коллеги офицера: командировка продолжительностью пятнадцать месяцев дольше, чем просто двенадцать месяцев плюс еще три. Стив также напомнил, что при командировке в пятнадцать месяцев непременно сработает «закон двойки»: солдаты рискуют пропустить два Рождества, два юбилея, два дня рождения и так далее. Тем не менее Пит Кьярелли, который в марте стал моим новым старшим военным советником, сказал мне, что войска ожидают решения о пятнадцати месяцах. С прямотой, которую я научился ценить, он также прибавил: «И говорят, что ты осел, раз не додумался раньше».

Как-то я получил письмо от девочки-подростка, дочери солдата, убывшего во фронтовую командировку на пятнадцать месяцев. В письме говорилось: «Знаете, пятнадцать месяцев – это очень долго. Настолько долго, что, когда твой отец возвращается домой, он словно чужой. На самом деле чужой. Наши отцы и братья столько пропускают и столько еще пропустят! Потом, нельзя сказать, что они дома целый год. Да, они тут, в Штатах, но не дома. Мой отец все лето провел в лагере на переподготовке. Так что я его практически не видела. Но и это не хуже [так в письме! – *Р. Г.*], хуже всего, когда он вроде как должен быть дома, а его вдруг куда-то вызывают… Спасибо, что прочитали. Надеюсь, вы вспомните, что я написала, когда станете снова призывать мужчин на службу.

Меган, или Безотцовщина».

Не знаю, довелось ли отцу Меган узнать, что она написала мне, но если ему стало об этом известно – надеюсь, он гордится своей дочерью. Я бы гордился, честно. В конце концов, не многие подростки способны заставить министра обороны почувствовать себя никчемным чинушей. Письмо этой девочки, как и многие другие, было чрезвычайно важно для меня, поскольку не позволяло забыть о том, что мои решения сказываются на судьбах множества людей.

После консультаций с Объединенным комитетом начальников штабов и разговора с президентом я объявил 11 апреля об увеличении продолжительности фронтовых командировок. Теперь стандартный срок службы в боевых частях в Ираке, Афганистане и на Африканском Роге будет составлять пятнадцать месяцев. Я понятия не имел, когда мы сможем – и сможем ли – вернуться к привычным двенадцати месяцам. Республиканцы и демократы дружно раскритиковали мое решение, потому что для них оно означало признание провала президентской политики в Ираке и дополнительные расходы бюджета.

Опыт показал, что пятнадцатимесячные командировки в Ирак и Афганистан оказались для наших солдат и их семей даже более суровым испытанием, чем виделось мне изначально. Не могу доказать этого статистически, но убежден, что эти длительные командировки в значительной степени усугубили посттравматический стресс и способствовали росту числа самоубийств среди военнослужащих; мою убежденность подкрепляют признания самих солдат и их родственников. Да, я гарантировал, что в перерыве между командировками они целый год проведут дома, но этого было недостаточно.

Войска, возможно, ожидали такого решения, но все равно отдельные военнослужащие и члены их семей поделились своим разочарованием и недовольством с журналистами. Я их не виню. Они – и никто другой – пострадали от «закона двойки».

На пути к сентябрю

Продлить новую фазу кампании в Ираке до сентября 2007 года (когда Петрэусу полагалось представить свой доклад), а уж тем более до весны 2008 года оказалось довольно затруднительным, и характер затруднений достаточно ясно отражала риторика выступлений в конгрессе – причем эту риторику использовали и республиканцы, и демократы. Часто звучали слова: «Мы поддерживаем наши войска в Ираке», – однако к ним обычно добавляли фразу: «Мы категорически не согласны с их миссией», – и это сбивало с толку и раздражало людей в погонах. Наши парни на фронте следили за происходящим дома и нередко спрашивали меня, почему политики никак не поймут, что в глазах солдат поддержка войск и одобрение миссии – фактически одно и то же? А более всего меня возмущали комментарии пораженческого свойства – ведь они исподволь внушали солдатам, что победа невозможна, следовательно, все подвиги, ранения и смерти в Ираке напрасны. Особенно «отличился» в этом отношении лидер сенатского большинства Гарри Рид, который заявил на пресс-конференции в середине апреля: «Мы проиграли эту войну… Никакими подкреплениями уже ничего не исправить». Я был в ярости и в частном порядке поделился с некоторыми своими сотрудниками цитатой из Авраама Линкольна, которую когда-то выписал для себя: «Конгрессменов, которые в военное время совершают действия, подрывающие боевой дух, следует считать саботажниками и надлежит арестовать, изгнать или повесить». Разумеется, на публике я своих истинных чувств не показывал, но это вовсе не означает, что у меня их не было.

Шестнадцатого апреля президент встретился с командой, которая отвечала за реализацию новой стратегии в Ираке; Фэллон, Петрэус и наш новый посол в Ираке, Райан Крокер, участвовали в этой встрече по видеосвязи. Крокер, признанная звезда дипломатии, всегда был готов к самым сложным заданиям – он работал в Ливане, Пакистане, Ираке и Афганистане. Он быстро завоевал доверие президента, хотя «несгибаемый реализм» на грани пессимизма, присущий Райану, Бушу не слишком нравился: президент именовал Крокера «Мистер Стакан-Наполовину-Пуст», или, саркастически, «Мистер Оптимист». Крокеру удалось установить удивительно прочные партнерские отношения с Петрэусом. Посол подробно охарактеризовал негативное воздействие недавнего взрыва в здании парламента на иракский Совет представителей и изложил свое видение перспектив закона о дебаасификации, который предусматривал амнистию для ряда бывших членов партии Баас; еще он кратко коснулся перераспределения нефтяных доходов (как я упоминал, это были два основных условия национального примирения в Ираке, по мнению как администрации, так и конгресса). Президент попросил Крокера недвусмысленно разъяснить иракцам, что они «должны сделать хоть что-то». Конгрессмены вернутся из ознакомительной поездки, продолжал Буш, и сообщат, что никакого политического прогресса нет и в помине; отсюда они заключат, что военные не справляются со своей работой, и снова начнут требовать скорейшего вывода войск. «Политическую элиту нужно вразумлять, чтобы она пошевеливалась, – подытожил президент. – Обойдемся без идеальных законов – хватит и тех, которые исполняются. Требуется что-то, чтобы заткнуть критиков».

Петрэус доложил, что, несмотря на продолжающиеся террористические атаки, вызвавшие значительную шумиху в прессе, наши войска медленно, но верно добиваются поставленных целей; в частности, за предыдущую неделю зафиксировано наименьшее количество убийств на религиозной почве с июня 2006 года. Генерал предупредил, что нас ожидает

новый всплеск насилия, с учетом того, что американские войска вводятся в районы, прежде нами не контролируемые. Он также изложил свои планы по развертыванию тех армейских частей и подразделений морской пехоты, которые только прибыли в Ирак. И в завершение подчеркнул, что искренне благодарен за решение продлить фронтовые командировки до пятнадцати месяцев. «Теперь у нас куда больше тактической гибкости. Это правильное решение, и оно не стало сюрпризом для большинства солдат».

Перед самым вылетом в Ирак мы с Питом Пэйсом обсудили, как строить отношения с Петрэусом. Я сказал, что не хочу, чтобы Петрэус после моей с ним встречи подумал: «Мне велели закруглить эту ситуацию к октябрю, так что буду-ка я рекомендовать полный вывод к этому сроку». Нет, нам необходимо долгосрочное присутствие в Ираке, а потому нужно создать все условия для именно такого развития событий.

Я прилетел в Багдад в середине дня 19 апреля. Пэйс, Фэллон и Петрэус встретили меня у самолета. Мы сразу же пересели на вертолеты и отправились в Фаллуджу. Положение с безопасностью оставалось чересчур напряженным, чтобы везти министра в сам город, поэтому в курс происходящего в провинции Анбар меня ввели в нашем военном штабе. Новости оказались весьма обнадеживающими. Покидая штаб, я пожал множество рук и сфотографировался с американскими военнослужащими, в том числе с группой офицеров, которые размахивали флажком Техасского университета. Надо сказать, я непременно сталкивался с бывшими «агги» в зонах боевых действий, и всякий раз встреча дарила особые эмоции, хотя сознавать, что вижу на фронте людей, которым совсем недавно вручал дипломы о высшем образовании, было не слишком приятно.

Мы вернулись в штаб-квартиру Петрэуса и занялись стратегией – конкретнее, тем, как снизить уровень насилия и выиграть время для политического примирения. Все согласились, что достижение этих целей невозможно без продления полномочий усиленного американского контингента и после сентября. Завершился день двухчасовыми переговорами за ужином с Пэйсом, Фэллоном, Петрэусом и Кьярелли, а следующее утро началось с двухчасового совещания в том же составе. Мы обсуждали три вопроса: какие аргументы побудят американских политиков продлить пребывание в Ираке усиленного контингента дольше, чем на год; как добиться продления нашего значимого военного присутствия в Ираке на годы вперед; как обеспечить стабильно безопасную обстановку в стране и долгосрочное стратегическое сотрудничество США и Ирака. При этом нам постоянно приходилось помнить о стремлении конгресса поскорее «покончить с этой черной дырой» и об очевидном желании доминировавших в Ираке шиитов, прежде всего членов правительства, считая самого Малики, побыстрее избавиться от «оккупантов». Ключевым для оценки ситуации, как мы снова сошлись во мнении, будет сентябрьский доклад Крокера и Петрэуса.

Я напомнил Дэйву, что рекомендации в докладе должны быть его собственными, составленными исходя из реального положения дел, а не в угоду мне или кому-то еще, – и по возможности предлагать продление операции с увеличенным контингентом и устойчивое военное присутствие США в Ираке. Петрэус ответил, что, вероятнее всего, порекомендует вывести одну бригаду в конце октября или начале ноября, а вторую – в начале или середине января, после чего можно будет выводить по дополнительной бригаде каждые шесть недель или около того. Это позволит сохранить до 80 процентов усиленного контингента вплоть до конца 2007 года и примерно 60 процентов – до конца февраля. Тем самым мы дадим понять равно американцам и иракцам, что точка невозврата пройдена (так или иначе), и, можно надеяться, рационализируем процедуру согласования нашего долгосрочного присутствия в стране. Пэйс и Фэллон одобрили такой подход.

Как обычно, посещая Ирак – а это был мой четвертый визит за четыре месяца, – я встретился и со всеми высокопоставленными официальными лицами иракского правительства. Чаще всего я просто набрасывал программу ближайших действий для каждого из них,

от лучащегося чрезмерным оптимизмом президента Талабани, любителя давать пустые обещания, до постоянно недовольного вице-президента, суннита Тарика аль-Хашими, уверенного, что его игнорируют, оскорбляют и вообще считают человеком второго сорта (вдобавок он регулярно выражал озабоченность «диктаторскими замашками» Малики). В ходе этой поездки, однако, меня удостоил личной аудиенции премьер-министр Малики, огласивший длинный список жалоб «своему брату и партнеру», то есть мне. Поблагодарив президента Буша за неизменную поддержку, он заявил, что мои публичные высказывания о разочаровании эффективностью усилий нынешнего иракского кабинета (в первую очередь по перераспределению нефтяных доходов и дебаасификации) фактически провоцируют возвращение баасистов к власти. Он понимает, прибавил Малики, что Соединенные Штаты заинтересованы в помощи правительству Ирака, но нельзя не учитывать реалии. Например, крайне сложно подобрать подходящие кандидатуры на министерские посты. А закончил он таким пассажем: «Четкие сроки заставляют активизироваться террористов и вызывают нездоровый интерес Сирии и Ирана». В нынешней чрезвычайно нестабильной политической ситуации нужно избегать публичных заявлений, которые «только играют на руку нашим врагам».

Честно сказать, я едва сдерживался, пока он вещал. Я сказал Малики, что «часы тикают», что иракское правительство до сих пор ничего толком не добилось и терпение Америки на исходе. Мы каждый день проливаем американскую кровь ради примирения враждующих сторон на чужой земле и в ближайшее время ожидаем поэтому от правительства Ирака конкретных шагов – иначе они рискуют нашим благорасположением. Мы расстались в раздражении, и я еще долго не мог успокоиться: подумать только, и этого типа я несколько месяцев защищал перед конгрессом, пытаясь не допустить резолюций с точными сроками, стараясь выиграть хотя бы толику дополнительного времени для него и его коллег, чтобы они смогли уладить важнейшие политические разногласия!

Как всегда, поездка в боевые части улучшила мое настроение. На сей раз я отправился в военно-полицейский комплекс в Багдаде, которым совместно управляли американцы и иракцы; этот комплекс обеспечивал безопасность ближайших окрестностей. Стратегия Петрэуса предполагала, что американские войска должны покинуть крупные базы и дислоцироваться в полевых условиях, бок о бок с иракскими партнерами. Я готовился увидеть типовой полицейский участок, вроде тех, какие имеются в большинстве американских городов, посреди плотно застроенной городской территории. Вместо этого меня привезли в военный лагерь посреди огромного открытого пространства; в сущности, это был классический форт с бетонными стенами, перекрывавшими подступы к большому бетонному же зданию в центре. При входе в здание висели фотографии иракцев, погибших в ходе операций, которые координировались из этого комплекса. Меня провели в довольно просторный конференц-зал, битком набитый иракскими офицерами и полицейскими, а также американскими солдатами и офицерами; почти все были в бронежилетах и с оружием. И там, в сердце зоны военных действий, в этом багдадском аналоге Форт-Апачи[23], иракские офицеры продемонстрировали мне свою презентацию в PowerPoint. «Господи боже, что мы делаем с этими людьми?» – подумал я. Потребовалось все мое самообладание, чтобы не зайтись истерическим хохотом. Впрочем, задача, которую выполняли эти люди, иракцы и американцы, и мужество, необходимое для ее выполнения, смеха отнюдь не вызывали. Я уехал под большим впечатлением, не в последнюю очередь потрясенный жуткими условиями, в которых наши молодые солдаты вынуждены работать днем и ночью.

О результатах своих встреч с Петрэусом я доложил президенту 27 апреля в Кэмп-Дэвиде. Выступая перед сенатским комитетом по ассигнованиям пару недель спустя и отве-

[23] Форт-Апачи – деревянный форт в Аризоне, где 1 сентября 1881 г. произошло сражение между кавалеристами армии США и индейцами племени апачи.

чая на вопросы, я допустил возможность того, что предстоящий сентябрьский доклад позволит приступить к сокращению американских сил в Ираке. Поскольку запланированное увеличение численности контингента в Ираке еще не завершилось, эти мои слова привели к всплеску нездорового энтузиазма в прессе. Журналисты уверяли, что я разошелся во мнениях с президентом и другими членами администрации, что я готов «пойти на попятную», если к сентябрю не будет положительных сдвигов. На самом деле это была продуманная акция – мы с президентом, Конди Райс, Стивом Хэдли, Пэйсом и военачальниками готовили ее несколько недель. Мы в очередной раз помахали, так сказать, морковкой перед носом оппозиции, упомянули о *возможном* сокращении, рассчитывая при этом, что усиленный контингент пробудет в Ираке по крайней мере до сентября, а лучше до весны 2008 года. Большинство сторонних наблюдателей и «военных экспертов», даже вице-президент, казалось, не имели ни малейшего представления о том, насколько тонок был канат, по которому мы ходили в конгрессе весной и летом. А вот Джордж У. Буш это понимал.

Президент вновь приехал в Пентагон 10 мая, чтобы встретиться с руководством министерства в «Танке». Когда все собрались, председатель и вице-председатель Объединенного комитета начальников штабов уселись во главе большого стола светлого дерева; армейские генералы и флотские адмиралы расположились по левую руку, а командующий корпуса морской пехоты и начальник штаба ВВС – по правую. За спиной председателя колыхались флаги родов войск, в другом конце зала мерцали видеоэкраны, со стены слева от председателя смотрели на нас президент Линкольн и его военачальники. Справа от председателя, на небольшом возвышении, стоял длинный и узкий стол для персонала. Когда в Пентагон приезжает президент, он и другие гражданские лица, включая министра обороны, сидят спиной к Линкольну, а военные как бы обхватывают их дугой.

В тот день в «Танке» президент был неожиданно откровенен и задумчив. Он сказал собравшимся: «Многим людям достаточно видеть всего на дюйм вперед, а моя должность обязывает смотреть минимум на милю. – И прибавил: – Мы имеем дело с группой республиканцев, которые не хотят напрасной, как они считают, траты времени. Они уверены, что демократия на Ближнем Востоке – это несбыточная мечта. Еще мы имеем дело с демократами, которые не желают использовать военную силу». Буш подчеркнул, что настроения населения на Ближнем Востоке «совсем не радужные», и потому мы должны приложить все усилия, чтобы навести там порядок. Также президент спросил, не слишком ли радикальны наши планы по сокращению контингента в Ираке до 10 бригадных тактических групп – это примерно 50 000 военнослужащих; возможно, стоит оценить все последствия такого шага, не дожидаясь сентября. И в завершение Буш признал, что «многие в конгрессе не понимают военных».

В тот же день я встретился с сенатором Карлом Левином, председателем комитета по делам вооруженных сил, чтобы узнать, готов ли он поддержать назначение Пэйса на второй двухлетний срок в качестве главы Объединенного комитета начальников штабов. Исторически это рутинная процедура. Но первый срок Пита заканчивался как раз в сентябре, поэтому, с учетом сложностей в утверждении военных кандидатур в Белом доме и в конгрессе, мы хотели удостовериться заранее, чтобы у нас оставалось время, как говорится, в случае чего. Лично я был за Пэйса обеими руками. Мы отлично сработались, я доверял его суждениям, и он всегда был откровенен со мной. Словом, у нас сложилось хорошее партнерство. Но разговор с Левином показал, что в данном случае никакой рутины не будет. Сенатор сообщил, что не гарантирует поддержки и что повторно предлагать кандидатуру Пэйса вообще не очень удачная идея. Мол, вполне вероятно, что многие будут против, но он, так и быть, побеседует с демократами в комитете. Я, признаться, был ошеломлен.

На следующий день я встретился с Джоном Уорнером, лидером республиканцев в комитете. Он тоже воспринял мое предложение без восторга и сказал, что с повторным

утверждением Пэйса могут возникнуть проблемы; надо потолковать с остальными республиканцами. От Уорнера я пошел к Джону Маккейну. Тот с порога заявил, что на этом посту нужен новый человек, но сам он не станет возражать против Пэйса. Уорнер перезвонил мне 15 мая и сказал, что говорил с Саксби Чамблиссом и Линдси Грэмом: они все трое думают, что «данная кандидатура не годится». На следующий день позвонил Левин: он-де высоко ценит Пита, который пользуется заслуженной репутацией, но «мистер Пэйс слишком тесно связан с прошлыми неудачными решениями». Левин также сказал, что демократы взъярились, когда президент использовал против них ту историю с утверждением Петрэуса. По правде говоря, Левин не миндальничал: «Голосование по поводу Пэйса – это способ показать свое отношение к войне».

Я связался с Митчем Макконнеллом, лидером республиканцев в сенате. Он сказал, что кандидатура Пэйса – верный способ лишиться республиканской поддержки новой стратегии в Ираке. Все больше и больше республиканцев испытывают «молчаливую ярость», убежденные, что Буш «своим Ираком топит правительство». Итог нашей беседы свелся к следующему: если республиканское руководство комитета по делам вооруженных сил против повторного назначения Пэйса, к этому мнению нужно прислушаться.

Через неделю Линдси Грэм сказал мне, что слушания по кандидатуре Пэйса будут фактически заочным судилищем: сенаторы хотят устроить суд над Рамсфелдом, Кейси, Абизаидом (и Пэйсом заодно), припомнив им каждое военное и политическое решение последних шести лет. Основное внимание уделят допущенным ошибкам, и в итоге эти слушания, вполне вероятно, окажут нам медвежью услугу. Зато кандидатура «человека со стороны» устроит всех.

Я держал Пита в курсе всего, что делал и слышал. Он предсказуемо злился, хоть и старался этого не показывать, и был весьма разочарован предательством людей, которых привык считать своими друзьями и соратниками. (Я напомнил ему слова Гарри Трумэна: если тебе в Вашингтоне понадобился друг, купи собаку.) Естественно, Пит рвался в бой, желая достойно ответить обидчикам, я же его отговаривал, а сам лихорадочно старался найти наилучший выход. Первой проблемой был Пит как таковой. По собственному опыту я прекрасно представлял, насколько «грязными» могут оказаться подобные сенатские слушания. А из услышанного равно от республиканцев и демократов в комитете следовало, что кандидатуру Пита отвергнут с вероятностью минимум пятьдесят процентов, изрядно при этом потоптавшись на нем и разрушив его репутацию. Долгая и блестящая карьера Пэйса ни в коем случае не должна заканчиваться таким позором – вместо поощрения от благодарной нации. Иракский вопрос, увы, настолько поляризовал наше общество, что процедура повторного назначения почти неминуемо сведет достойного человека в политическую могилу. Вторая проблема состояла в том, что схватка за кандидатуру Пэйса в разгар операции в Ираке может поставить под угрозу всю нашу стратегию, учитывая, сколь слабы наши позиции на Капитолийском холме. Предостережения сенатора Макконнелла имели под собой основания.

Я поделился этими мыслями с Питом и с президентом, и Буш неохотно согласился со мной. Приняв одно из самых трудных для себя решений на министерском посту, я рекомендовал президенту не выдвигать Пита повторно. Мы с Питом согласились, что лучшим кандидатом будет адмирал Майк Маллен, начальник штаба ВМС. В публичном заявлении 8 июня я сказал: «Я не новичок в процедурных вопросах и никогда не уклонялся от схваток, которые они провоцируют. Тем не менее я решил, что сегодня для государства, для наших мужчин и женщин в военной форме и для самого генерала Пэйса будет лучше, если мы устраним разногласия относительно кандидатуры следующего председателя Объединенного комитета начальников штабов». Ни президенту, ни кому-либо еще я этого не говорил, но в глубине души знал, что фактически просто-напросто пожертвовал Питом Пэйсом. И ничуть этим не горжусь.

Позднее стали уверять, будто я уволил Пита и вице-председателя ОКНШ, адмирала Эда Джамбастиани. Газета «Уолл-стрит джорнэл» в редакционной передовице утверждала, что я «сдал полномочия министра» сенатору Левину. На самом же деле меня очень сильно заботили недовольство республиканцев Пэйсом и их слабеющая поддержка наших новых инициатив. В действительности я просил Джамбастиани остаться в должности еще на год, рассчитывая, что Пэйса утвердят на второй срок. Но когда пришлось обратиться к кандидатуре Маллена, Эд вынужден был уйти, поскольку по закону председатель и вице-председатель Объединенного комитета начальников штабов не могут представлять один и тот же род войск. Мне совсем не хотелось терять Эда, так что я предложил ему возглавить Стратегическое командование[24]. Однако он отказался и предпочел отставку.

В разговоре, который предшествовал моему согласию стать министром, я указал президенту на необходимость улучшения взаимодействия гражданских и военных специалистов в условиях войны, а также на необходимость найти в Вашингтоне человека, который станет выявлять бюрократические препятствия для этого взаимодействия и оперативно их устранять. Мне рисовался своего рода координатор по всем вопросам, имеющим отношение к войне, человек, в полномочиях которого позвонить от имени президента любому министру и устроить тому выволочку, если его ведомство не справляется с поставленными задачами. В интервью для прессы 11 апреля я уточнил: «Думаю, называть такого человека царем довольно глупо. Правильнее именовать его координатором и посредником… С этим отлично справился бы Стив Хэдли, будь у него время, но, к сожалению, Стиву и без того хватает хлопот».

Хэдли пришел к тому же выводу и согласился со мной, что нам требуется координатор. Президент, Чейни и Райс первоначально отнеслись к этой идее довольно скептически, но Хэдли сумел их переубедить. Он поочередно предложил эту работу нескольким отставным старшим офицерам, занимавшим в недавнем прошлом высокие посты. Все отказались, причем один публично заявил, что Белый дом понятия не имеет, что творится в Ираке. Тогда Стив попросил нас с Пэйсом подобрать на эту должность старшего офицера из действующей армии. Мы с Питом подумали – и по большому счету выкрутили руки генерал-лейтенанту Дугу Люту из ОКНШ. Когда он в конце концов согласился, я понял, что с меня, как говорится, причитается. Кстати, Дуг оказался ценным приобретением для администрации Буша (и настоящей занозой в одном месте для нас с Малленом в администрации Обамы).

В конце мая и начале июня Лис Фэллон начал переброску войск. До меня доходили слухи, что он и его сотрудники осторожничают и требуют подробных обоснований любого запроса, поступавшего от Петрэуса. Фэллон считал, что сокращение контингента в Ираке можно произвести быстрее, чем виделось Дэйву. Он совершил ошибку, пригласив репортера Майкла Гордона из «Нью-Йорк таймс» на встречу с аль-Малики. Впрочем, я-то просто пожал плечами, а вот Конди Райс рассвирепела. 11 июня я удостоился «поднятой брови» от президента, когда речь зашла об этом случае; эту мимику я всегда расшифровывал так: «Какого черта у вас происходит?» Буш хотел знать, какие меры приняты в отношении Фэллона. (Вдобавок президенту чуть позднее сообщили, что Фэллон на публике рассуждал о примирении в Ираке – а эти материи считались исключительной прерогативой Крокера.) Я попросил Пэйса провести с Фэллоном разъяснительную беседу. Буш-43 – как и Обама – всегда ценил откровенные, пусть даже критические, замечания старших офицеров, но – в частном порядке. Публичные заявления такого рода со стороны адмиралов и генералов не допускались, особенно по вопросам, которые значительно выходят за пределы их професси-

[24] Стратегическое командование – структура министерства обороны США, в подчинении которой находятся стратегические ядерные силы, подразделения противоракетной обороны и космические войска.

ональных обязанностей. Данный эпизод, когда слова старшего офицера вызвали негативную реакцию Белого дома, оказался первым из многих, с которыми мне пришлось разбираться.

Снова я посетил Ирак в середине июня, чтобы обсудить с Петрэусом стратегию, побывать в войсках и встретиться с иракскими лидерами. В очередной раз я призвал иракское правительство к действиям и убедил Малики не позволять членам Совета представителей уйти в месячный отпуск. При этом, не стану скрывать, я вел себя с премьер-министром Ирака как настоящий держиморда. Петрэусу я сообщил, что в сентябре мы потеряем поддержку умеренных республиканцев, – следовательно, ему нужно в октябре «что-то предпринять». Он обрисовал мне оперативные условия предстоящего сокращения численности контингента: безопасность мирного населения в целом обеспечена, мы добились определенных успехов в провинции Анбар, иракцы настаивают на сокращении нашего присутствия, принимают на себя больше ответственности за наведение порядка (уже в тринадцати из восемнадцати провинций), а иракская армия постепенно становится боеспособной. Петрэус предложил начать вывод с бригады, которая воевала в Ираке с самого начала операции; я ответил, что ему виднее.

Думаю, Петрэус понимал, как именно я пытаюсь выиграть время, и был в целом согласен с моими действиями, но, возможно, в ходе этого своего визита я слегка переусердствовал. Мы в администрации знали, что сентябрьские инициативы должны исходить от Дэйва. А он, по неведомым причинам, вдруг сказал мне со смешком: «Знаете, я могу подложить вам большую свинью». Я неплохо владею эмоциями – спасибо многочисленным заседаниям в конгрессе: быстро учишься следить, чтобы твое лицо не выражало истинных чувств, – так что, полагаю, Дэйв не заметил, насколько меня потрясли и уязвили его слова. Да, конечно, ему поручили весьма непростую работу, он находился под постоянным давлением и, как и любой полководец, хотел, чтобы в его распоряжении оставались все войска, какие необходимы. И все-таки в этих словах прозвучала угроза. К счастью для всех нас, Дэйв поднаторел и в политике; он реально оценивал ситуацию и сознавал, что от него ждут определенной гибкости, иначе нетерпеливый конгресс уничтожит все наши достижения. Но отсюда не следовало, что все это ему нравится. И он только что выразил свою позицию.

В конце июня Фэллон пришел ко мне в кабинет и изложил свое видение дальнейших шагов по урегулированию в Ираке. Когда он уселся за круглый столик, принадлежавший Джефферсону Дэвису в его бытность военным министром[25], и принялся перебирать бумаги, стало ясно, что он мыслит принципиально по-другому, чем Петрэус, и, как мне показалось, эти мысли, во-первых, чрезвычайно опасны для нашей стратегии в Ираке, а во-вторых – чреваты политической катастрофой для него самого. Фэллон сказал, что прогресса по примирению не наблюдается, несмотря на постоянные обещания иракских чиновников; что правительство Ирака состоит из дилетантов, погрязло в коррупции и очевидно потворствует шиитам; что уровень насилия в стране не снижается – более ста американских солдат погибают каждый месяц; что повстанцы и террористы целенаправленно атакуют американцев, ослабляя политическую решимость США; что иракская армия пополняется крайне медленно, сталкивается с проблемами обучения, снабжения и разведки; наконец, что способность США реагировать на кризисы в любом уголке мира ставится под сомнение, поскольку мы увязли в Ираке. Значит, подытожил он, требуется радикальное изменение политики в отношении Ирака, и «действия прямо сейчас» позволят избежать дебатов и ненужной конфронтации в сентябре. Он предложил сосредоточиться на обучении и обеспечении иракской армии с постепенным выводом американских войск с линии фронта. Фэллон рекомендо-

[25] Дж. Дэвис – первый и единственный президент Конфедеративных штатов Америки, фактически совмещал исполнение обязанностей президента и военного министра в годы Гражданской войны в США.

вал сократить количество наших бригадных тактических групп с двадцати до пятнадцати к апрелю 2008 года, до десяти к началу декабря 2008 года и до пяти к началу марта 2009 года.

Я знал, что президент никогда не согласится с такими рекомендациями, да и сам я от них не в восторге, о чем прямо и сказал. Однако нельзя не признать, что Лис был прав в своей оценке ситуации на местах. И пусть впоследствии стали расползаться слухи о противоречиях между Фэллоном и Петрэусом, не могу не отдать Лису должное за то, что его предложения от 29 июня не стали достоянием общественности. В противном случае разразилась бы политическая буря, как в Белом доме, так и на Капитолийском холме.

Остальную часть лета я в основном занимался тем, чтобы сохранить ту толику поддержки, которой мы заручились в конгрессе, и помешать конгрессменам связать нам руки в Ираке. Вето президента на законопроект о финансировании военных действий, устанавливавший конкретные сроки вывода войск, не помешало демократическому руководству в обеих палатах возобновить попытки законодательным порядком изменить иракскую стратегию. Конгрессмены вновь призывали сосредоточиться на боеготовности и количестве времени, которое наши солдаты проводят дома. А умеренные республиканцы наподобие Ламара Александера вдруг вспомнили о рекомендациях Группы по изучению Ирака – отказаться от участия в военных операциях и в течение года приступить к поддержке, снаряжению и обучению иракцев. (Президент же воспринимал рекомендации Группы как стратегию вывода войск из Ирака, а не как стратегию достижения успеха.)

К началу июля наши возможности контролировать происходящее в конгрессе окончательно ослабли по причине того, что республиканцы в сенате, наподобие Пита Доменичи, публично отказались поддерживать президента. Ситуация обострилась настолько, что я отменил запланированную поездку в Центральную и Южную Америку и остался в Вашингтоне – вести переговоры с конгрессменами лично и по телефону. В основном я упирал на то, особенно при общении с республиканцами, что нужно подождать, пока Петрэус и Крокер не представят в сентябре свой отчет. Я справедливо надеялся, что это даст нам время. Неужели после всего, через что мы прошли в Ираке, так сложно потерпеть какие-то шесть недель, когда станет известно, эффективна ли новая стратегия президента? Еще я начал «давить на логику»: странно, что критики, которые так яростно жаловались, что Буш игнорирует советы генералов в начале войны, теперь сами готовы проигнорировать мнение военных и даже не хотят его выслушать.

Также за лето я проработал вопрос о том, каким образом министерство обороны донесет президенту свои рекомендации о следующих шагах в Ираке, – в частности, о сокращении контингента. Я ничуть не сомневался, что президент должен выслушать лицом к лицу всех старших военачальников и советников. Неправильно, чтобы один генерал излагал столь глобальный план, и нельзя, чтобы президент поддался на аргументы одного человека, не узнав различные точки зрения. Оставалось надеяться, что продуманный мной «способ контакта» минимизирует последствия разногласий среди высшего военного руководства – разногласий, о которых знал и на которые опирался конгресс.

В разгар этой деятельности мне пришлось – так часто случается в Вашингтоне – разбираться со всевозможными слухами и домыслами журналистов. Например, репортер с репутацией человека, имеющего надежные источники в военных кругах, написал, что президент готовит Петрэусу участь козла отпущения, если стратегия усиления провалится. Заявление ни в малейшей степени не соответствовало действительности и привело президента в ярость. Потом мне сообщили, будто некие «люди в Белом доме» слышали, что Фэллон «копает» под Петрэуса и что, по уверениям отставного генерала, бывшего заместителя главы Комитета начальников штабов (и сторонника новой стратегии) Джека Кина, Фэллон «обливает Петрэуса грязью» в ОКНШ.

Двадцать седьмого августа Петрэус и Фэллон доложили ОКНШ и мне о своих прогнозах развития ситуации в Ираке. Выяснилось, что они вполне способны договориться между собой. Петрэус сообщил, что положение в стране во многом стабилизировано, однако национальное примирение идет медленнее, чем предполагалось, неопытное иракское правительство изо всех сил старается удовлетворить основные потребности граждан, но на региональном уровне наблюдаются серьезные различия от провинции к провинции. В июле отмечено рекордное число нарушений безопасности – более 1700 в неделю. Но жертв среди гражданского населения на 17 процентов меньше по сравнению с декабрем предыдущего года; общее количество смертельных случаев сократилось на 48 процентов, а количество убийств – на 64 процента. Частота нападений в провинции Анбар снизилась с более 1300 в октябре 2006 года до немногим более 200 в августе 2007 года.

Дэйв рекомендовал с декабря 2007 года начать подготовку к постепенному сокращению контингента и приступить к передаче иракским вооруженным силам полномочий по обеспечению безопасности населения. Он даже назвал конкретные даты: вывод американских войск из Ирака может начаться с сентября 2007 года, причем к 16 сентября можно вывести экспедиционный отряд морской пехоты, а с декабря 2007-го по июль 2008 года – в общей сложности пять бригадных тактических групп (БТГ) и два батальона морской пехоты; вывод служб боевого обеспечения и технических подразделений можно ускорить. Тем самым наши силы в Ираке сократятся до первоначальных пятнадцати БТГ. Петрэус добавил, что не стоит почивать на лаврах, необходимы агрессивные действия на дипломатическом, политическом и экономическом фронтах. Он предложил составить не позднее середины марта 2008 года новый отчет, с рекомендациями по дальнейшему сокращению сил США в Ираке после июля 2008 года.

Решение об уменьшении количества БТГ с пятнадцати до двенадцати должно быть принято не позднее марта 2008 года. Петрэус прибавил, что сокращения численности войск после июля 2008 года «обязательно будут», но их темп определят факторы, «аналогичные рассмотренным в текущих рекомендациях».

Итак, началось. 29 августа я провел в «Танке» совещание с Объединенным комитетом начальников штабов, а 30 августа мы с Пэйсом предстали в Овальном кабинете перед президентом, вице-президентом, главой администрации Белого дома Джошем Болтеном; также на встрече присутствовали Стив Хэдли и Дуг Лют. Пэйс озвучил план Петрэуса, а также мнения Фэллона и ОКНШ. Он сказал, что военачальники и советники одобряют рекомендации Петрэуса, и не преминул уточнить, что ОКНШ и Фэллон тяготеют к ускорению темпа передачи полномочий иракцам, тогда так Петрэус больше склоняется к сохранению американского военного присутствия в Ираке ради безопасности иракского населения.

На следующий день я организовал мини-совещание с президентом, дабы «подготовить почву» для его предстоящих встреч с Петрэусом, Фэллоном и прочими. Мне хотелось, чтобы Буш заранее услышал все доводы и ему не пришлось потом реагировать экспромтом; учитывая важность вопроса, такого нельзя допускать ни для одного президента – разве что в понастоящему чрезвычайных ситуациях. Я также хотел, чтобы президент мог спокойно задать вопросы, в том числе политические, которые могут показаться неудобными или неуместными, чтобы при последующей встрече сформулировать их более обтекаемо. Как часто бывает, вопросов у Буша обнаружилось множество. Не спровоцированы ли эти рекомендации давлением, которое оказывается на наши войска? Не означают ли они изменение главной задачи? Бушу не нравились так называемые вынужденные меры воздействия на иракцев, подразумевавшие «принуждение» их к примирению, заставляющие принять законы, которые мы (и конгресс) полагали необходимыми для мирного сосуществования шиитов, курдов и суннитов. Президент указал, что сокращение наших войск должно производиться на основе «реальных условий». Он подчеркнул, что смена стратегии стала возможной бла-

годаря успеху военной операции, а вовсе не благодаря давлению со стороны конгресса, не потому, что мы требовали невозможного от наших солдат, и не потому, что «к чему-то там принуждали» иракское правительство. Я пояснил, что стабилизация обстановки в самом деле позволяет приступить к передаче полномочий и что первыми будут выводиться подразделения, пробывшие в Ираке дольше остальных. Кроме того, мы планируем выводить части из районов, где ситуация с безопасностью наиболее стабильна, а вот в Багдаде усиленный режим службы будет продлен еще на несколько месяцев. Вице-президент уточнил, гарантируют ли все эти меры окончательный успех. Пэйс ответил: «Да. Именно гарантируют». Президент в итоге согласился с рекомендациями Петрэуса. Чейни, думаю, отнесся к ним скептически; будь президентом он, вряд ли план Дэйва получил бы одобрение.

Тридцать первого августа к участникам предварительного совещания присоединились Конди Райс и Фэллон. Нам с Пэйсом пришлось поволноваться. В шесть тридцать утра раздался звонок из Белого дома – с нелестными, мягко говоря, комментариями в адрес Фэллона, который передал свой отчет в администрацию заблаговременно; в его отчете говорилось, что наше присутствие в Ираке усугубляет тамошнюю нестабильность и провоцирует антиамериканские настроения в регионе. Фэллон настойчиво рекомендовал поскорее передать все дела иракскому правительству и вывести наши войска. Пэйс позвонил Фэллону и сказал ему, что некоторые его советы как-то не вяжутся с общей позицией. Фэллон вычеркнул пару абзацев, буря стихла, и совещание началось в восемь тридцать пять утра.

Буш провел почти два часа в Ситуационном центре, откуда установили прямую видеосвязь с Крокером и Петрэусом в Багдаде. Петрэус снова дал общую оценку ситуации, в том числе остановился на некоторых политических и экономических достижениях, слегка скрасивших неспособность иракцев принять в конце концов ключевые законы, необходимые для достижения полноценного национального примирения. Далее он стал излагать свои рекомендации. Президент вновь выразил недовольство «вынужденными мерами воздействия». По словам Буша, Соединенные Штаты не в состоянии заставить иракцев забыть о вековой внутренней вражде. Это замечание вызвало оживленный обмен мнениями, почти спор. Крокер, Петрэус и Фэллон прямо возражали президенту, уверяли, что без давления со стороны США иракцы «не пошевелятся»; во взаимоотношениях внутри страны нет достаточного доверия, понимания и опыта. Я сказал, что существует принципиальная разница между реальным примирением и достижением прогресса на пути к нему. На мой взгляд, наша роль больше схожа с ролью посредника в переговорах между профсоюзом и руководством компании: мы помогаем обсуждать проблемы и находить компромиссы, и нам вовсе не обязательно, чтобы они полюбили друг друга. Что касается численности войск, в особенности сокращений с декабря по июль, то президент хотел убедиться, что планы составлены исключительно с учетом «ожиданий», а фактическое сокращение будет проводиться, исходя из оперативных условий на конкретный момент времени. Буш желал действовать осторожно. По иронии судьбы он выказал готовность к более решительным сокращениям после июля. Тут пригодились наметки Фэллона, и президент публично одобрил рекомендации Петрэуса.

В тот же день президент встретился с Объединенным комитетом начальников штабов. Пэйс изложил позицию ОКНШ и девять различных сценариев развития событий в Ираке, от дальнейшего увеличения контингента до ускоренного вывода войск. И сказал президенту, что ОКНШ независимо пришел к выводам, аналогичным рекомендациям Петрэуса и Фэллона.

Буш уточнил, не являются ли выводы ОКНШ следствием «военного стресса», о котором столько говорят в последнее время. Пэйс опроверг это утверждение, сообщив, что выводы сделаны «на основании взглядов персонала», но не «под давлением персонала». Буш спросил: «Почему же люди идут в армию, если они не хотят сражаться и защищать свою страну?» Тут вмешался вице-президент: «Насколько мы близки к моменту, когда придется

выбирать между победой в Ираке и разрушением армии?» Президент ответил: «Кому-то неизбежно предстоит рискнуть, и лучше пусть это будете вы, потому что я уверен – такого выбора нет». В конце концов Буш сказал: «Я поступлю так, как рекомендует Петрэус».

После встречи президент сделал краткое заявление для прессы. Я предварительно пообщался с Хэдли и Эдом Гиллеспи, советником президента по связям с общественностью, и предложил менее агрессивный, чем обычно, тон – так сказать, протянем руку критикам, это будет полезно для предстоящих слушаний в конгрессе. Они согласились и подготовили соответствующий текст. Но президент увлекся, «завелся» и сделал крайне жесткое заявление, от души пройдясь по критикам. После его речи я спросил у Хэдли с Гиллеспи: «Развлекается за наш счет?»

Процессы в Ираке разворачивались во многом в соответствии с моими планами и надеждами – с теми, которые были в начале года, и с теми, которые мы с президентом обсуждали конфиденциально несколько месяцев назад. Численность войск в Ираке должна была сократиться до прежнего уровня не ранее лета 2008 года. Президент продолжал говорить о «победе». Я же был вполне доволен тем, что наши шансы потерпеть унизительное поражение стали значительно ниже. Может быть, после всех предыдущих ошибок и просчетов все-таки получится добиться итогового успеха.

Два дня спустя, 2 сентября, президент и Конди тайно прилетели на авиабазу Аль-Асад в Западном Ираке, чтобы лично встретиться с Петрэусом и Крокером, руководителями иракского правительства и рядом суннитских шейхов, которые сыграли столь важную роль в организации сопротивления «Аль-Каиде» и подавлении мятежей в провинции Анбар. Пэйс отправился в Ирак в одиночку, а я вместе с Фэллоном прилетел на военном транспортнике С-17.

Мне хорошо запомнились два разговора на авиабазе Аль-Асад. Первый состоялся между Бушем и Крокером. Президент высказался в том духе, что борьба иракцев сродни той, которую вели мы за свои гражданские права. (Очевидно, эту мысль подала ему Конди.) Крокер возразил; он считал, что Ирак в этом отношении сильно отличается, что обстановка здесь намного хуже той, какая была в Америке, когда разворачивалась борьба за гражданские права. Важно понимать, сказал Райан, что тридцать пять лет правления Саддама – это три с половиной «десятилетия краха». Страна и народ жили в постоянном страхе, причем их намеренно разобщали. Потребуется немало времени, чтобы преодолеть этот «цикл страха». Действия США в 2003 году не просто привели к смене режима, продолжал Райан. «Нет, это было намного больше… И своего Нельсона Манделы тут не нашлось, потому что Саддам их всех прикончил». Мы можем победить, но понадобится «приложить колоссальные и длительные усилия». Крокер признал, что успехи очевидны, но «если мы уйдем, тут случится гуманитарная катастрофа масштаба Руанды», немедленно вернется «Аль-Каида», а следом придет Иран, что «будет иметь непредсказуемые последствия для всех арабских государств». В общем, Крокер был настолько откровенен, насколько это возможно в беседах с президентами.

Второй разговор был с шейхами и с губернатором провинции. Говорили об одном – местные требовали денег от столицы на свои «карманные» проекты, прямо как наши конгрессмены.

Вообще лучшей характеристикой этой поездки стала бы цитата из интервью президента: «Генерал Петрэус и посол Крокер утверждают, что если мы не остановимся на достигнутом, то в дальнейшем можно будет обеспечить нынешний уровень безопасности с меньшим количеством американских войск».

Печальной сноской к встречам на авиабазе Аль-Асад стала гибель шейха Саттара: спустя всего несколько дней этот человек, возглавлявший движение «Пробуждение» в провинции Анбар, был убит.

Последним испытанием для Крокера и Петрэуса стали слушания на Капитолийском холме 10 и 11 сентября. Два долгих дня генерал и дипломат выступали перед конгрессменами и отвечали на вопросы – а в залах шумно митинговали «Женщины в розовом», антивоенная группа, склонная к эпатажным выходкам (некоторых ее участниц выставили вон прямиком со слушаний). Крокер и Петрэус строго придерживались фактов и честно рассказывали о проблемах Ирака. Очевидная осторожность в сочетании с откровенностью дала скептикам и критикам богатую почву для домыслов и сплетен. Некоторые фразы разошлись на цитаты в СМИ. Так, Крокер в ответ на вопрос сенатора Маккейна, выполнят ли иракцы то, что мы от них требуем, сказал: «Я дозирую свое доверие». Сенатор Клинтон заявила Петрэусу: «Отчеты, которые вы предоставили, поневоле вызывают подозрения». Сенатор Хейгел спрашивал: «Выиграть время? Для чего?» Демократы предсказуемо возмущались тем, что на политическом фронте особых успехов в Ираке нет. Многие республиканцы, уповавшие на более позитивные сдвиги и доказательства эффективности резкого изменения стратегии, тоже были недовольны. Некоторые из тех, кто молчаливо поддерживал военную политику президента, например, сенатор Элизабет Доул, призывали к «принуждению к действиям», а другие настаивали на скорейшей передаче полномочий.

Профессионализм и сдержанность Крокера и Петрэуса, впрочем, принесли свои плоды, поскольку смотрелись заведомо выигрышно на фоне тех допросов с пристрастием, которые им устроили, особенно в сенате. Республиканские лидеры сената по завершении слушаний заявили, что теперь могут уверенно утверждать: попытки демократов протащить через конгресс свои «пораженческие» резолюции обречены на провал. Сайт антивоенной группы MoveOn.org обвинил Петрэуса в искажении фактов в угоду Белому дому; броский заголовок на сайте гласил: «Генерал Петрэус или генерал Предатус?» Лично меня этот заголовок оскорбил, о чем я заявил в интервью. Нападки на человека, посвятившего жизнь защите нашей страны, разъярили республиканцев и смутили демократов, равно как, на мой взгляд, затруднили критикам свободу маневра. К исходу второго дня слушаний стало ясно: отдельные конгрессмены довольны, а в целом у демократов нет шансов изменить военную стратегию. И в этом отношении наше с Пэйсом выступление 12 сентября и речь президента 13-го по поводу начала вывода войск – «возвращения с победой» – пришлись как нельзя более кстати.

Весь этот год я сознательно вел весьма рискованную игру. В августе один журналист отметил: «Даже на конфиденциальных встречах с законодателями, старшими помощниками и подчиненными-военачальниками… он избегал раскрывать все карты… Этот представитель администрации – человек, чьи взгляды менее всего известны». Я считал необходимым сохранять максимально нейтральную мину, особенно при общении с конгрессом, чтобы другие игроки не могли догадаться, какой именно подход я лоббирую. Единственным, кто знал правду (не считая моих сотрудников и Пэйса), был президент. Я признал все это на пресс-конференции 14 сентября: «Когда здесь, в Вашингтоне, разворачивались в последние месяцы бурные политические дебаты, когда, что важнее, мы просчитывали будущие действия США в Ираке, я намеренно старался оставаться как можно менее заметным, ибо был убежден, что таким образом принесу больше пользы стране – в Пентагоне, в сотрудничестве с коллегами по Совету национальной безопасности, в консультировании президента и во взаимодействии с конгрессом».

Далее я поделился своими соображениями относительно многочисленных задач, которые нам предстоит решить в Ираке. Прежде всего мы должны максимально использовать эффект «натиска» (как стали называть операцию с усилением нашего контингента) для достижения наших долгосрочных целей и не допускать даже видимости поражения в Ираке. Мы должны успокоить наших друзей и союзников в регионе, а заодно дать недвусмысленный сигнал потенциальным противникам: Америка остается наиболее влиятельной внеш-

ней силой на Ближнем Востоке в долгосрочной перспективе. Мы должны максимально поддержать иракцев, чтобы они постепенно принимали на себя все больше ответственности за собственную страну и собственную безопасность. А дома мы должны добиться широкой коалиционной (имея в виду обе партии) поддержки устойчивого американского присутствия в Ираке, присутствия, которое позволит защитить национальные интересы США в регионе. У нас общая цель: сохранить то, чего добились для нас своими жизнями наши мужчины и женщины в военной форме, и показать им, что их служба, их жертвы не были напрасными.

Пресс-конференцию я завершил следующим образом: «Кое-кто уверяет, что стратегия Петрэуса слишком медленная, что нам нужно выводить войска из Ирака намного быстрее. Я считаю, что не имеет значения, как мы оказались в Ираке там, где оказались; важно в дальнейшем сделать все правильно – и понимать, какие последствия нас ожидают в противном случае. Вот что критически важно для Америки. И я считаю, что наше военное руководство, в том числе блестящий командующий полевыми силами, обладают всеми необходимыми качествами, чтобы эта задача была выполнена».

Зная, что ближайшее столкновение с оппонентами произойдет в марте, я решил на этой пресс-конференции бросить «новую морковку». Я сказал, что «надеюсь», что в марте Петрэус сообщит: «По его мнению, вывод войск можно продолжать в том же темпе во второй половине года». Я хотел подчеркнуть, что вывод подразделений продолжится, и это обстоятельство, как я надеялся в начале 2007 года, сместит фокус общественного внимания: что в 2008 году мы будем спорить о темпах вывода войск и об обеспечении долгосрочной безопасности Ирака, а не о самой войне или о нашей стратегии. Я твердо верил, что такой подход соответствует истинным интересам Соединенных Штатов, – и рассчитывал, что его не упустят из вида в предвыборной президентской кампании.

Последняя атака оппонентов, мечтавших об изменении стратегии, состоялась в середине сентября, когда сенатор Джим Уэбб представил законопроект, который требовал предоставлять военнослужащим перед очередной передислокацией столько же времени на родине, сколько они провели в последней командировке за пределами страны. Это была очередная попытка заставить президента ускорить вывод войск. С практической точки зрения проект не имел смысла, поскольку предусматривал индивидуальные, а не коллективные отпуска, что невозможно организовать ни при каких условиях. На пресс-конференции 14 сентября я пояснил, что эта поправка может удлинить срок пребывания в Ираке тех частей, которые там уже находятся, а также заставит правительство привлекать дополнительные подразделения Национальной гвардии и резервистов, вызовет ненужное напряжение между солдатами и снизит тем самым боевую эффективность войск. Кроме того, мы с Пэйсом указали, что эта поправка вынудит нас изучать послужной список буквально каждого солдата в отдельности, чтобы определить сроки его отпуска, что обернется фактическим развалом боевых частей: ведь одни солдаты окажутся на фронте, тогда как другие – дома, и наоборот. В июле поправка набрала пятьдесят шесть голосов в сенате – ей не хватило всего четырех голосов для прохождения! Я обрывал телефоны конгрессменов, сосредоточившись на устранении этой проблемы как на важнейшей тактической задаче министра обороны. Выступив 17 сентября с речью в Уильямсбурге, штат Виргиния, я предложил сенатору Джону Уорнеру вместе вернуться в Вашингтон на вертолете. И воспользовался случаем, чтобы объяснить бывшему главе управления ВМС[26] невозможность реализации планов Уэбба. Уорнер согласился с моими доводами, и это было замечательно, учитывая старшинство Уорнера в коми-

[26] Главное управление военно-морских сил – ведомство в структуре министерства обороны США, которому подчинены ВМС и корпус морской пехоты. Начальник управления – гражданское лицо, имеет статус министра (поэтому в литературе на русском языке достаточно часто можно встретить термин «министерство ВМС») и подчиняется министру обороны.

тете по делам вооруженных сил и тот факт, что он, как и Уэбб, представлял в сенате Вирджинию.

В тот же день я сказал журналистам, что критики войны ругают президента без всяких на то оснований: они добивались сокращения численности войск, и это происходит; они желали точной даты начала вывода – и мы ее назвали; они требовали графика вывода – и Петрэус им его представил; они настаивали на изменении стратегии – и президент согласился. Думаю, прибавил я, что в интересах критиков позволить президенту до конца разобраться с ситуацией в Ираке, чтобы новый президент не начинал с разгребания завалов. К сожалению, мои слова прошли мимо ушей..

Восемнадцатого сентября спикер палаты представителей Нэнси Пелоси пригласила меня на завтрак. За пять дней до этого она опубликовала пресс-релиз, пестревший фразами наподобие «Стратегия президента в Ираке провалилась» и «Выбор – между планом демократов по разумному делегированию полномочий и планом президента по бесконечной войне в Ираке». Помня об этих фразах, я за завтраком убеждал ее содействовать скорейшему принятию законопроекта об ассигнованиях на оборону до октября и принятию военного бюджета в целом, а не растягивать обсуждение на недели или месяцы. Я напомнил, что президент утвердил рекомендации Петрэуса по смене приоритетов в декабре, и сказал, что Петрэус и Крокер оба рекомендуют подход, заслуживающий широкой коалиционной поддержки. Она вежливо дала понять, что не заинтересована. Я не удивился. В конце концов, чтобы заниматься партийной политикой, совершенно необязательно следовать фактам, не говоря уже о соблюдении национальных интересов, верно?

Что ж, я выдержал суровый восьмимесячный бой с конгрессом, пережил «импровизацию на краю катастрофы», цитируя историка Джозефа Эллиса. И добился своего. 21 сентября конгресс не смог одобрить ни одну из поправок, способных изменить нашу стратегию.

Мы с Пэйсом в последний раз вместе выступили 26 сентября на заседании сенатского комитета по ассигнованиям. До начала слушаний, которые были назначены на вторую половину дня, я позавтракал с лидером демократического большинства в палате представителей Стени Хойером и рядом конгрессменов-демократов. А пообедал с сенатским политическим комитетом Демократической партии во главе с лидером сенатского большинства Гарри Ридом. Обе встречи прошли вполне дружелюбно и заставили о многом задуматься.

Слушания во второй половине дня, словно кто-то нарочно так постарался, разительно отличались: ничего подобного мне не доводилось видеть за всю мою профессиональную карьеру. «Женщины в розовом» и прочие горлопаны старались вовсю, в просторном зале было невероятно шумно. Председательствовал ветхий сенатор Роберт Берд. Слушания, на которых якобы дискутировался оборонный бюджет, сразу превратились в площадку для демократов, желавших непременно высказаться по Ираку. Берд умудрился вывести публичное заседание на совершенно новый уровень. Словно проповедник на ярмарке, он заигрывал с толпой, вовлекал ее в действо, распалял и фактически побуждал недовольных набрасываться на нас с Питом. То и дело он патетически восклицал: «Неужели мы и вправду стремимся создать стабильный и безопасный Ирак?» Толпа единодушно ревела в унисон: «Нет!» Когда же Берд заговорил о «подлой, адской войне в Ираке», ему в ответ завопили: «Спасибо! Спасибо!» Естественно, он не удержался от беспроигрышного драматического эффекта – мол, война обходится США в «триллионы долларов».

Демократы из состава комитета явно ощущали неловкость. Некоторые из них даже пытались призвать собравшихся к порядку. Но тут сенатор Том Харкин поинтересовался у Пита, почему в армии столь «унизительное» отношение к геям. (В прошлом марте Пит в интервью для СМИ выразил свое личное мнение, что гомосексуальное поведение аморально.) Пэйс повторил свои слова – если уж на то пошло, для него это было последнее слушание; как говорится, терять нечего. Разумеется, псы сорвались с цепи. Зал взбеленился.

Берд полностью утратил контроль над аудиторией и сразу это понял. Он молотил председательским молоточком с такой силой, что я испугался, как бы престарелого сенатора не хватил удар. Потом он объявил, что слушания откладываются, по подсказке помощников поправился – «приостанавливаются», а затем приказал очистить помещение от публики. Пока полиция Капитолия выполняла свою работу, сенатор-республиканец Джадд Грегг подошел к Харкину и бросил: «Стыдитесь». Харкин вскочил и заорал: «Нечего меня поучать!»

Я будто очутился на комедийном шоу – этакое «Субботним вечером» в стенах конгресса. Мне стоило немалых трудов не оборачиваться к толпе, иначе я расхохотался бы в голос. А с политической точки зрения это была своего рода сенатская версия рекламы сайта MoveOn.org. На следующий день я сказал своим сотрудникам, что присутствовал на «гражданских слушаниях под аккомпанемент беспорядков». Достойная кульминация моих сражений с конгрессом в 2007 году по поводу войны в Ираке. К сожалению, политическая жертва этой войны (точнее, обеих войн разом) сидела рядом со мной за столом для слушаний в последний раз.

Глава 3
Латая дыры, скрепляя узы

Рассчитывать на успех в реализации новой стратегии в Ираке не стоило, если я не сумею затушить – или хотя бы локализовать – череду политических и бюрократических пожаров, то есть конфликтов с высокопоставленными военными, с конгрессом, со СМИ, с другими учреждениями, в том числе с Государственным департаментом и с разведывательным сообществом. Чтобы понять, каким образом это лучше сделать, я потратил много времени и энергии в свои первые месяцы на посту министра обороны. Как несложно догадаться, я также был полон решимости установить прочный контакт с нашими войсками, особенно с теми, кто находился на линии фронта. Их следовало убедить – не словами, а делами, – что министр обороны стоит за них горой и лично отстаивает интересы солдат и офицеров в Пентагоне и в Вашингтоне.

В Вашингтоне почти каждый мой рабочий день начинался с совещания с Хэдли и Райс в шесть сорок пять утра. А затем я погружался в круговорот деловых встреч, отнимавших поистине невероятное количество времени. В Белом доме привычный распорядок дня выглядел так: совещание со Стивом и Конди; совещание с ними же плюс Чейни; совещание с ними троими плюс директор Национальной разведки[27], директор ЦРУ и председатель Объединенного комитета начальников штабов; так называемые «встречи патронов» – этих встреч бывало буквально до тысячи, и все делали заметки (как правило, я старался держаться максимально тихо); наконец, рабочее совещание с президентом. И на всех встречах обсуждались рутинные вопросы. Если же случался кризис, количество совещаний возрастало – только и всего. Признаться, очень быстро меня такая практика начала раздражать: мы часто совещались по одному и тому же поводу, тратили гигантское количество времени, пытаясь добиться общего согласия. Некоторые совещания оказывались «пустышками», судя по отсутствию результатов; кроме того, нередко получалось, что президенту рекомендовать нечего: мнимые согласия, которых вроде бы достигали, скрывали под собой существенные расхождения во взглядах. У меня даже появилась присказка: порой мы так долго жуем жвачку, что она полностью теряет свой вкус. Я выпил колоссальное количество кофе, а кормили на совещаниях, особенно после обеда, не то чтобы обильно; вспоминаются разве что свежеприготовленные лепешки тортилья – с сырным соусом и сальсой. В общем, я откровенно скучал и злился – слишком, слишком часто.

В Пентагоне дела обстояли еще хуже. Рабочий день в кресле министра начинался с «дневного брифинга» в моем кабинете: мне излагали сводку основных событий за минувшую ночь и представляли перечень бюрократических проблем, требовавших решения; завершался день «экспресс-планеркой» за тем же круглым столиком Джефферсона Дэвиса: мы оценивали бюрократические достижения и зализывали раны. Этот столик был одной из трех старинных вещиц в моем кабинете. (В шутку я, бывало, говорил посетителям, что вещиц четыре, если считать меня самого.) Помимо столика Дэвиса позади моего стола располагался длинный стол, украшенный искусной резьбой и принадлежавший когда-то Улиссу Гранту[28]. А огромным столом для переговоров некогда владел генерал Джон Дж. Першинг[29]:

---

[27] Директор национальной разведки – советник президента США по делам разведки и глава разведывательного сообщества, которое объединяет 16 различных разведывательных служб, от ЦРУ до управления финансовой разведки при министерстве финансов.

[28] У. С. Грант – полководец северян в годы Гражданской войны в США, затем президент страны.

[29] Дж. Дж. Першинг – американский военачальник, участник испано-американской и Первой мировой войн, глава Генерального штаба, единственный американский офицер, прижизненно заслуживший высшее воинское звание США – гене-

этот стол распорядился перевезти в Пентагон из находящегося рядом с Белым домом Старого здания Исполнительного управления[30] второй министр обороны, пройдоха от политики Луис Джонсон[31]. Остальная часть кабинета была выдержана в стиле «позднего правительства»: кресла и диван коричневой кожи, изысканно освещенные яркими флуоресцентными лампами. На стене за моим столом висели два портрета – моих личных героев, генералов Джорджа К. Маршалла и Дуайта Д. Эйзенхауэра[32].

Роберт Рангел проводил как утренние, так и вечерние совещания; на последних присутствовали только мы двое и мой старший военный помощник. Среди всех моих знакомых Рангелу не было равных в умении владеть лицом, и потому, когда он начинал говорить, я понятия не имел, какую новость он собирается сообщить – хорошую (что случалось крайне редко) или что-нибудь этакое, от чего волосы встанут дыбом (это происходило регулярно). Остаток дня был заполнен видеоконференциями по защищенному каналу с боевыми командирами в Багдаде и в Афганистане, встречами с зарубежными коллегами (иногда с двумя или тремя в один день), совещаниями по бюджету или по различным программам вооружений; обсуждениями различных проблем с гражданскими сотрудниками и военными; совещаниями по текущим рабочим вопросам и по вопросам, которые представляли для меня особый интерес и которые я хотел контролировать лично (как правило, это касалось воинских частей в зонах боевых действий). Обедал я обычно один, чтобы помолчать хотя бы сорок пять минут за весь день. Чтобы перевести дух, я разгадывал кроссворд в свежем номере «Нью-Йорк таймс», одновременно поглощая сандвич. Плюс в течение дня приходилось постоянно отвлекаться на телефонные звонки, переговоры с конгрессменами и слушания в конгрессе. На многих, если не на большинстве, встреч и совещаний меня сопровождал Пэйс, а впоследствии Майк Маллен. Слайды PowerPoint стали моим настоящим проклятием на совещаниях в Пентагоне; такое впечатление, что без них никто в министерстве не способен докладывать о чем бы то ни было. Будучи директором ЦРУ, я запретил использование презентаций на совещаниях за исключением карт и графиков, но на посту министра обороны потерпел неудачу при попытке всего лишь сократить количество слайдов на брифингах. В ЦРУ мне по большей части удавалось урвать для себя час или около того в день, чтобы поработать в одиночестве над стратегией и планами. В министерстве обороны такого счастья не предвиделось. Продуманная тактика бюрократов – так заполнить время босса совещаниями, чтобы у него не осталось времени вмешиваться в дела или создавать сотрудникам проблемы. Очень хочется написать, что команда Пентагона преуспела в этой тактике, но правда в том, что на проведении многих совещаний настаивал я сам, чтобы иметь возможность отслеживать состояние важных для меня проблем либо надавить на старших руководителей, дабы они приложили дополнительные усилия по достижению поставленных мной целей.

По правде говоря, ничто не может подготовить человека к выполнению обязанностей министра обороны, особенно во время войны. Сами масштабы министерства и его бюджет подавляют все прочее в правительстве. 535 конгрессменов быстро объяснили мне, что пентагоновские программы и деньги глубоко проникли в каждый штат и едва ли не в каждую общину. Целые отрасли промышленности и многие местные экономики зависят от реше-

---

рал армий (именно так, во множественном числе).

[30] Старое здание (также Дом государства, армии и флота, позднее – Эйзенхауэровский офисный центр) – здание в Вашингтоне, находящееся в ведении аппарата и Исполнительного управления (администрации) президента США. Кабинетами в этом здании пользовались многие будущие президенты Америки, от Т. Рузвельта до Дж. Г. Буша.

[31] Л. А. Джонсон – второй министр обороны США (должность существует с 1947 г.), оказался замешан в финансовых махинациях с государственным оборонным заказом, вследствие чего был со скандалом отправлен в отставку после начала корейской войны.

[32] Дж. К. Маршалл – американский военачальник и государственный деятель, инициатор названного его именем плана экономической поддержки Европы после Второй мировой войны, лауреат Нобелевской премии мира. Д. Д. Эйзенхауэр – американский военачальник и политик, первый Генсек НАТО, затем президент США.

ний, ежедневно принимаемых в Пентагоне. В военной иерархии министр обороны – второй после президента (вице-президент и председатель Объединенного комитета начальников штабов вовсе не входят в эту цепочку командования), и любой приказ американским вооруженным силам по всему миру поступает от президента через министра обороны непосредственно к боевым командирам (хотя лично я, из практических соображений и из любезности, обычно просил председателя ОКНШ передавать такие приказы в войска). Вдобавок у министра обороны имеются обязанности важнее любого совещания – он каждый день принимает решения, касающиеся жизни и смерти, и эти решения затрагивают не только американских военных. После событий 9/11 президент наделил министра обороны полномочиями сбивать любой коммерческий авиалайнер, который он, министр обороны, посчитает угрозой Соединенным Штатам. Министр обороны также вправе отдать приказ запустить ракеты, чтобы сбить приближающиеся ракеты противника. Еще он может отправлять в бой бомбардировщики, авианосцы и сухопутные войска. И каждую неделю он принимает решения, согласно которым воинские подразделения передислоцируются в зоны боевых действий и в другие регионы мира. Словом, этот пост обеспечивает поистине невероятное могущество.

В то же время каждый министр обороны, желающий сохранить свою должность, обязан помнить, что работает на президента и служит, пока президент им доволен. Чтобы быть успешным, министр обороны должен добиться крепкого и взаимного доверия президента, равно как и главы аппарата Белого дома и других высокопоставленных сотрудников администрации – прежде всего с руководителем Административно-бюджетного управления.

Министр обороны также входит в федеральную команду по обеспечению национальной безопасности – наряду с вице-президентом, государственным секретарем, советником президента по национальной безопасности и директором ЦРУ, если упомянуть лишь некоторых ее членов; роль, которую министр для себя выберет в этой команде, способна оказать существенное влияние на успех страны в целом и президента в частности. Кроме того, машину министерства обороны питают финансы, а поскольку каждый выделяемый цент должен быть одобрен конгрессом, министру необходимы лоббистские навыки и политическое мастерство, чтобы заручиться поддержкой конгрессменов и раздвинуть их узкие горизонты на благо страны.

Если коротко, то министру обороны, несмотря на все могущество этой должности, приходится справляться с разнообразными конкурирующими интересами внутри Пентагона и за его стенами и сотрудничать со многими «клиентами», без поддержки которых он не в состоянии добиваться успеха. Он постоянно сражается на нескольких фронтах и значительную часть каждого дня тратит на разработку стратегий победы в больших и малых схватках – а попутно решает, каких боев избежать и в каких поддаться. Задача в том, чтобы выигрывать бои, которые обеспечивают общий успех, одновременно сохраняя и даже укрепляя отношения и при этом сокращая число врагов и максимизируя число союзников.

Перемирие дома

До того как занять пост министра, я слышал и читал, что отношения министерства обороны с конгрессом, СМИ, с правительственными агентствами – и с командой по национальной безопасности – далеки от идеальных. До меня также доходили слухи о серьезных трениях между гражданским руководством и высшими военными чинами. Затем, прибыв в Вашингтон на процедуру утверждения в должности, я воочию убедился в том, насколько все плохо, – сведениями со мной поделились конгрессмены из обеих партий, репортеры, с которыми я давно был знаком, приятели в правительстве и старые соратники, имевшие тесные связи со многими в Пентагоне как среди гражданских, так и среди военных. По сей день не готов сказать, сколько в этом обильном потоке было сплетен, продиктованных неприкры-

той ненавистью к Рамсфелду, сколько межведомственных склок и сколько попыток просто подлизаться к «новому парню», поливая грязью его предшественника (давняя традиция и искусно отточенное мастерство в Вашингтоне). Впрочем, я прекрасно знал, что в Вашингтоне имидж важнее реальности; последняя же состояла в следующем: министерство обороны ухитрилось рассориться почти со всеми в городе, и мне предстоит заняться активным латанием дыр в отношениях. Без этого не обойтись, в том числе и для достижения победы в Ираке.

Начал я, как говорится, «ближе к телу» – с кольца Е, внешнего коридора Пентагона, где находятся кабинеты самых высокопоставленных военных и гражданских чиновников министерства. Уже через час после приведения к присяге 18 декабря я провел первое рабочее совещание с высшим гражданским руководством министерства и Объединенным комитетом начальников штабов. Мне хотелось сразу же объяснить свои намерения. И вот что я, в частности, сказал:

«Первое: вопреки утверждениям прессы я не планирую никаких кадровых перестановок и никого с собой не привожу. Я полностью доверяю вам и вашему профессионализму. Менее всего нам сейчас, на седьмом году работы этой администрации и в разгар двух войн, нужна кучка неофитов, окружающих министра-новичка.

Второе: что касается принятия решений. Я готов слушать и не хочу, чтобы вы молчали. Я ожидаю от вас искренности и откровенности и хочу знать, в чем именно вы не согласны друг с другом или со мной. Если вы сочтете, что я собираюсь сделать ошибку – или уже ее допустил, – я снова прошу вас не отмалчиваться. Сам я предпочитаю заранее узнавать о замаскированных минах, а не наступать на них. Прежде всего я уважаю ваши навыки, ваши дела и ваш опыт. Мне понадобится ваша помощь в предстоящие два года, которые, как я полагаю, будут непростыми.

Третье: насчет трудных вопросов. Лично я не слишком заинтересован в непременном единодушии. Я хочу, чтобы расхождения во мнениях были принципиальными, – так я смогу принимать решения по реальным проблемам, а не по правилам навязанной мне бюрократической игры. Я не боюсь принимать решения, и то же самое, очевидно, относится и к президенту.

Четвертое: стиль руководства. Вы быстро убедитесь, что я не сторонник формальностей и не приверженец строгого чинопочитания. Разговоры я предпочитаю медленной и мучительной смерти от PowerPoint. Надеюсь, вы найдете для меня возможности встречаться с нашими солдатами, моряками, морскими пехотинцами и летчиками, чтобы я мог исполнять свои обязанности, делясь с ними тем, как мы гордимся ими и как благодарны за их службу.

Пятое. Наш успех или провал зависит от того, будем ли мы работать как единое целое или разбежимся каждый по своим углам. Я обещаю вам открытую, прозрачную рабочую атмосферу. Я не стану принимать решений, затрагивающих чью-либо сферу ответственности, не предоставив этому человеку максимум возможностей взвесить все «за» и «против». Но как только решение принято, мы должны говорить в один голос – не важно, в конгрессе, в СМИ или где-то еще.

Шестое. Никакая стратегия не может быть реализована без стабильной двухпартийной поддержки со стороны конгрессменов. Конечно, необходимо учитывать смену парламентского большинства. Но я хочу, чтобы министерство воспринимали как нацеленное на сотрудничество с конгрессом и реагирующее на его запросы без малейших проволочек и попыток уйти от ответственности. Что касается СМИ, это наш канал коммуникации с американским народом и с окружающим миром. Нужно работать с ними дружественно, избегая антагонизма (пусть это болезненно сейчас и наверняка будет впредь).

Седьмое. Мои приоритеты ясны: Ирак, Афганистан, война с терроризмом и реформа министерства. Плюс еще многое происходит вокруг. Я намерен сохранить то разделение

полномочий с заместителем министра [Гордоном] Инглендом, которое существовало при министре Рамсфелде, причем передать Гордону все по-настоящему зубодробительные проблемы! Мы с ним будем как сиамские близнецы. И я надеюсь установить столь же крепкие связи с председателем ОКНШ и начальниками штабов».

Затем я сообщил, что мы с генералом Пэйсом и моим заместителем по политическим вопросам Эриком Эдельманом на следующий день, 19 декабря, отправляемся в Ирак; вернемся 22-го и представим отчет президенту 23 декабря. Одной из важнейших причин, по которой я беру с собой Пэйса и Эдельмана, служит необходимость показать равно гражданским и военным сотрудникам Пентагона, что председатель ОКНШ будет при мне равноправным партнером министра, а военным нужно понять, что высшие гражданские чиновники также важны для общего успеха.

Я повторил свои «пункты» и раскрыл их подробнее 24 января, на общем совещании с руководством министерства обороны, военным и гражданским, включая боевых командиров по всему миру. Я сказал, что признателен Гордону, который решил остаться в качестве заместителя министра, и что он будет старшим оперативным сотрудником министерства. Кроме того, я четко объяснил военным руководителям, что Эрику предстоит сыграть ключевую роль в представлении их интересов на межведомственных переговорах и в Белом доме, а потому им следует относиться к нему соответственно и тесно с ним сотрудничать.

Я подчеркнул, что, имея дело с конгрессом, не желаю преподносить сюрпризы надзирающим за нашей деятельностью комитетам, а поводы для противостояния с Капитолийским холмом хочу выбирать как можно более тщательно, чтобы приберечь боезапас для тех схваток, которые действительно имеют значение. Тех сотрудников министерства, у кого имеются особые отношения или кто дружит с конгрессменами, я призвал поддерживать и углублять эти отношения. Это наверняка всем нам пригодится.

Совещания и конференции, сказал я, должны стать более интерактивными. Брифинги должны служить отправной точкой для дискуссий и обсуждений, а не «приводным ремнем», который движется по кругу, причем только в одном направлении. Если необходимо использовать PowerPoint, то, пожалуйста, пользуйтесь презентациями разумно, лишь для того, чтобы начать обсуждение или проиллюстрировать тот или иной тезис. Еще я попросил своих новых коллег выстраивать брифинг, спрашивая себя, насколько он поможет нам достичь цели и каковы могут быть последующие действия. (Повторюсь: мое стремление поменять подход к проведению брифингов в Пентагоне обернулось полным провалом. Я не просто потерпел поражение – меня аккуратно обошли.)

Я сказал, что решил реформировать процедуру чинопроизводства для флаг-офицеров[33] – генералов и адмиралов. При Рамсфелде все назначения производились централизованно, с визированием у министра. Я сообщил, что по примеру предшественника продолжу рассматривать все позиции и номинации для четырехзвездного и иногда для трехзвездного уровня, но в остальном возвращаю данные полномочия управлениям министерства и Объединенному комитету начальников штабов. Конечно, для меня ценно то, к чему стремился Рамсфелд, – чтобы управления делились опытом, чтобы нарабатывались операционные навыки, чтобы поощряли способных молодых офицеров и не задвигали тех, кто хочет пересмотреть устаревшие методы ведения дел. И я буду проверять, как управления выполняют свои «домашние задания».

[33] Флаг-офицер – в вооруженных силах США ранг военачальников, которые имеют право на собственный флаг; данный термин распространяется на все рода войск, включая морскую пехоту и береговую охрану. Флаг-офицеры назначаются президентом и утверждаются сенатом. Четырехзвездные флаг-офицеры (полные генералы и адмиралы) занимают, как правило, высшие командные должности в структурах соответствующих родов войск. Трехзвездные флаг-офицеры (генерал-лейтенанты и вице-адмиралы) командуют соединениями уровня корпусов либо возглавляют управления и отделы в Пентагоне.

Я счел возможным применить к военному руководству ту же тактику, какую использовал в управлении Техасским университетом и при работе с разведчиками-профессионалами, когда возглавлял ЦРУ: обращаться с людьми с тем уважением, которого заслуживают профессионалы. Я стану принимать решения, выясняя идеи и мнения сотрудников, анализируя их соображения и демонстрируя открытость и искренность. Каждый сотрудник будет в курсе рассматриваемых вариантов, у каждого будет возможность высказать собственную точку зрения (и не единожды, если им кажется, что это важно), но я стану скрывать свое мнение до финальной стадии процесса принятия решения. Я никогда не обманывался на свой счет и не воображал себя умнейшим человеком на свете. Как я сказал как-то Колину Пауэллу, я отличный слушатель и только благодаря откровенности и честности своих советников, гражданских и военных, я могу добиваться успеха в разрешении сложных проблем и пытаться предложить наилучший выход. В любых ситуациях, с которыми сталкивался в качестве министра, я искал помощи других – пусть и не всегда внимал советам – и полагался на других в эффективной реализации своих решений.

Веские аргументы способны заставить меня передумать. Так, почти сразу после вступления в должность мне пришлось принимать решение по новому командующему войсками США в Корее. Этот пост почти 60 лет подряд занимали армейские генералы. Я полагал, что пришла пора передать его другому роду войск. Наши ВВС и флот, несомненно, окажутся активными участниками любого возможного конфликта на Корейском полуострове, а потому я решил назначить новым командующим офицера ВВС. Начальник штаба сухопутных войск Джордж Кейси возразил и привел убедительные доводы в пользу того, что подобная замена несвоевременна, особенно учитывая, что мы ведем переговоры с Южной Кореей о передаче оперативного управления вооруженными силами от США корейцам. Кейси был прав, и я в итоге рекомендовал президенту назначить на этот пост очередного генерала из состава сухопутных войск.

Как я сообщил сотрудникам на первом совещании в министерстве, я с самого начала упорно работал над тем, чтобы сделать председателя Объединенного комитета начальников штабов своим партнером в рамках цепочки командования – консультировался с ним практически по всем вопросам и через него доносил до руководителей штабов войск и командующих свои пожелания и высказывал надежды на откровенность и лучшие советы.

Я давно пришел к убеждению, что символические жесты обеспечивают значимые и реальные выгоды – это истинное «режиссерское искусство государственного управления», как выразился когда-то, кажется, политический обозреватель Джордж Уилл. Министр Рамсфелд редко встречался с комитетом начальников штабов в «Танке», предпочитая собственный конференц-зал. Я же ввел в свой распорядок регулярные встречи с военачальниками на их территории. В конечном счете такие встречи стали проводиться почти еженедельно. Даже когда не было актуальных вопросов для обсуждения, я все равно приходил в «Танк» – чтобы выяснить, что на уме у штабистов. Руководителей региональных подразделений и глав функциональных управлений (Европейское командование, Тихоокеанское, Стратегическое, Транспортное командование и прочие) я не собирал в Пентагоне, дабы они ввели меня в курс текущей обстановки, а, демонстрируя уважение, лично посетил их штаб-квартиры. Это, кстати, позволило вдобавок лучше ознакомиться с деятельностью различных штабов и предоставило возможность переговорить с сотрудниками, которых я иначе вряд ли бы встретил. Я также решил, что буду присутствовать при церемониях смены боевого командования, в знак символического признания важности роли командующих и для поддержания корпоративной культуры.

Мой подход к работе с военным руководством оказался гораздо более позитивным по последствиям, чем я смел предполагать. В отличие от многих своих предшественников я сталкивался с куда менее сильным давлением со стороны Капитолийского холма и с куда

меньшим количеством утечек информации. Разумеется, со временем мне пришлось продемонстрировать готовность увольнять, когда того требовала обстановка, но это, наверное, делу не повредило.

Что касается конгресса, то, как я уже отмечал, самыми важными для меня людьми в Капитолии были председатель сенатского комитета по делам вооруженных сил Карл Левин и старейшина республиканцев, глава комитета до 2009 года Джон Уорнер. Комитет палаты представителей по делам вооруженных сил и его председатель Айк Скелтон, равно как и два комитета по ассигнованиям, тоже во многом имели значение для деятельности министерства, но чаще всего я имел дело с сенатским комитетом Левина хотя бы потому, что этот комитет утверждал все кандидатуры гражданских и военных руководителей Пентагона. Слушания по моему утверждению в должности позволили установить хороший контакт с Левином и Уорнером, и я старался уведомлять обоих сенаторов о своих действиях и планах, особенно в отношении кадровых перестановок. Левин был весьма критически настроен по поводу операции в Ираке, но моя готовность публично признать обоснованность некоторых его тревог – например, сомнений о способности иракцев достичь политического примирения – и даже согласие с его критикой в адрес иракского правительства позволили нам избежать личных конфликтов и не создавали препятствий для хороших рабочих отношений. Будучи убежденным демократом, Левин, по моему мнению, затеял ряд сенатских расследований просто из желания насолить республиканцам – и моему предшественнику, и другим. Но со мной он всегда вел себя честно, не увлекался закулисными играми и всегда держал слово. Если говорил, что что-то сделает, то делал. С Уорнером приятно было общаться, пускай порой он, на мой взгляд, чересчур охотно шел на компромиссы по Ираку. Следующим по старшинству среди республиканцев в комитете был Джон Маккейн. По иронии судьбы мы с Маккейном одинаково смотрели на многие вопросы – прежде всего касательно Ирака, – но этот сенатор оказался, как я уже упоминал, довольно непредсказуемым. На одном слушании он мог усиленно расточать похвалы, а на другом – буквально вцепиться мне в горло, причем по всякому поводу. Впрочем, я старался проявлять уважение и внимание ко всем членам комитета, как бы трудно подчас ни приходилось. Свое раздражение я сдерживал до того момента, когда возвращался в уединение министерского кабинета.

Я контактировал и со многими другими членами конгресса. Со спикером палаты представителей Нэнси Пелоси мы расходились во взглядах практически по всем вопросам, но поддерживали теплые личные отношения. Кроме того, время от времени я встречался с лидером большинства палаты представителей Хойером и другими демократами, которых он приглашал. Пожалуй, конгрессмены оценили мой подход; на завтраке у Хойера Том Лантос, председатель комитета палаты представителей по международным делам, начал свое выступление с фразы на французском, которую он адресовал мне и перевел так: «Вот нота, которая делает музыку». Он прибавил: «Своей нотой вы объединяете людей и структуры. И, слава богу, ваш главный вклад в том, что вы установите общее уважение к разным мнениям и в Капитолии, и по всей стране».

При всех проблемах, которые мы вынуждены были решать, общение с лидером сенатского большинства Ридом зачастую сводилось к ответам на его телефонные звонки по поводу жалоб ВВС США на строительство ветроэнергоцентра в Неваде, создающего помехи для радаров. Однажды он позвонил мне с просьбой привлечь Пентагон к финансированию исследований синдрома раздраженной толстой кишки. С учетом двух войн, в которых мы участвовали, ситуации с бюджетом и прочих реальных трудностей, я не знал, смеяться или плакать.

Я усвоил, что едва ли не все конгрессмены постоянно носят при себе, как я это называю, «список в бумажнике»: если им доводилось случайно столкнуться со мной или позвонить, этот список мгновенно извлекался. Речь, конечно же, о перечнях местных проектов и

программ, которые конгрессмены лоббировали. И наличие такого списка делало некоторых конгрессменов достаточно предсказуемыми. Если звонил сенатор от Кентукки Макконнелл, то, вполне вероятно, чтобы убедиться, что Пентагон выполняет обязательства по финансированию завода по ликвидации химических боеприпасов в его штате. Любой звонок от конгрессменов из Мэна или Миссисипи почти наверняка касался верфей; из Калифорнии – грузовых самолетов С-17; из Канзаса, Вашингтона и Алабамы – новых заправщиков для ВВС; из Техаса – с вопросом, когда БТГ вернутся из Европы и направят ли их в Форт-Блисс[34].

В тиши своих кабинетов конгрессмены вели себя спокойно, рассудительно, порой выказывали проницательность и разумность при обсуждении спорных вопросов. Но когда начинались открытые слушания, когда на телекамере загорался маленький красный огонек, они моментально преображались, как оборотни в полнолуние. Одни принимались позировать и проповедовать, произносить длиннющие речи с обилием резкой критики; другие и вовсе несли фанатическую и фантастическую чушь. Мне стоило немалого труда сохранять выдержку. Но, прочитав множество книг по истории, я знал: подобное поведение унаследовано от первых дней республики. Вдобавок, пусть конгрессмены смешны или неистовы, я никогда не забывал о важности их роли. При этом все они, кроме небольшой горстки, были вполне дружелюбны ко мне как к министру.

Возглавляя ЦРУ и будучи президентом Техасского университета, я почти не общался с прессой, поэтому регулярные пресс-конференции и принятые нормы общения с журналистами оказались для меня в новинку. Желая отойти от обычной в Пентагоне практики, я решил пригласить в пресс-секретари полноценного журналиста, которого предполагалось одновременно избавить от управления огромным пентагоновским отделом по связям с общественностью. Марлин Фицуотер, пресс-секретарь Буша-41, в свое время обратил внимание президента на тот факт, что он не может выполнять свою работу, не присутствуя на большинстве встреч, или если у прессы не будет уверенности, что он в самом деле выступает как «голос президента». Я целиком разделял позицию Марлина и хотел распространить ее на Пентагон. С этой целью я пригласил на работу Джеффа Моррелла, который сотрудничал с новостной службой канала Эй-би-си и был корреспондентом канала в Белом доме при Буше-43. Он стал ключевым членом моей команды.

Я продолжал придерживаться выбранной тактики и появлялся на пресс-конференциях вместе с председателем Комитета начальников штабов. Мы с ним сидели рядом за столом – это, по моему мнению, было не так формально (и более удобно). От данной тактики я отказывался всего несколько раз, в начале министерской карьеры, когда объявлял о важных кадровых решениях (особенно об увольнениях) – в таких случаях я выходил один и становился за трибуну. Со временем пресс-служба Пентагона стала шутить, что, если на сцене стоит трибуна, значит, кого-то готовят на заклание. Я подумывал, не разыграть ли сотрудников, чтобы сбить с толку, но все-таки сдержался.

За годы работы в Техасском университете я научился в беседах со студенческими группами и преподавателями никогда не использовать покровительственный тон по отношению к спрашивающему и не отвечать вопросом на вопрос. Того же принципа я старался придерживаться и в общении с репортерами. Пентагону повезло: в целом приписанные к нему журналисты – опытные профессионалы, и большинству из них интересны значимые вопросы, а не грязное белье и не подробности личной жизни. У меня никогда не возникало проблем с этими журналистами. Конечно, время от времени я злился на них, но, думаю, реже, чем

[34] Форт-Блисс – полигон и тренировочный центр в штатах Нью-Мексико и Техас, второй по площади армейский полигон в США. В Форт-Блиссе дислоцированы 1-я бронетанковая дивизия, в 2011 г. выведенная из Германии, а также другие подразделения сухопутных войск.

они на меня; я-то по большей части высказывался прямо и откровенно, однако они не могли заставить меня говорить о том, о чем я говорить не хотел.

Не стану скрывать, ненавижу утечки информации. При этом я редко обвиняю журналистов за публикацию утечек; мой гнев предназначается тем сотрудникам правительства, кому доверено хранить секреты и кто не сумел этого сделать. Когда я объявлял о продлении армейских командировок в зоне ответственности Центркома с двенадцати до пятнадцати месяцев, мне пришлось поспешить с выступлением – именно из-за утечки. Я был в бешенстве, ведь мы спланировали все таким образом, чтобы у командиров было сорок восемь часов на объяснение этого решения солдатам. В тот день я заявил прессе: «Нет слов, насколько мы возмущены тем, что одна непорядочная личность доставила столько хлопот и неприятностей не только нашим мужчинам и женщинам в форме, но и членам их семей… Любому человеку будет неприятно прочесть что-либо подобное в газетах».

Вообще мои взгляды на роль конгресса и СМИ слегка отличаются от принятых у высших представителей исполнительной власти, и я при каждом удобном случае стремился пропагандировать эти взгляды, в особенности – в профильных военных академиях. Так, на церемонии вручения дипломов в Военно-морской академии 25 мая 2007 года я сказал новоиспеченным энсинам[35] и лейтенантам:

«Сегодня я обращаюсь к вам с пожеланием всегда помнить о двух оплотах нашей свободы, согласно Конституции – это конгресс и пресса. Оба эти оплота, конечно же, время от времени испытывают наше терпение, но они служат надежнейшей гарантией свободы американского народа. Конгресс – равноправная ветвь власти, которая во исполнение Конституции собирает армии и обеспечивает стране флот. Представители обеих партий, ныне работающие в конгрессе, давно и твердо поддерживают министерство обороны и наших мужчин и женщин, носящих военную форму. Как офицеры, вы обязаны будете объяснять нижестоящим, что американская армия должна стоять вне политики, и осознавать наши обязательства перед конгрессом – быть честными и правдивыми, отчитываясь перед ним. Прежде всего это касается признания допущенных ошибок».

По поводу прессы я сказал следующее:

«То же самое верно в отношении прессы, с моей точки зрения, важнейшего гаранта нашей свободы. Когда пресса обнаруживает какую-либо проблему… высшее руководство должно в первую очередь установить, насколько обоснованны утверждения в прессе… Если факты неопровержимы, следует их признать, а затем принять меры по устранению проблемы. Если же обвинения прессы не соответствуют действительности, нужно представить документы, это подтверждающие. Пресса не враг, и относиться к ней как к врагу – значит, обрекать себя на поражение».

Многие конгрессмены, журналисты и редакторы прочитали эти мои слова. Полагаю, именно они стали фундаментом того беспрецедентного, растянувшегося на четыре с половиной года «медового месяца», которым характеризовались мои отношения с обоими институтами.

Последней «прорехой», которую предстояло залатать, были межведомственные контакты, в частности с Государственным департаментом, разведывательным сообществом и советником президента по национальной безопасности. Это было проще всего. Со Стивом Хэдли мы работали в аппарате Совета национальной безопасности в 1974 году, с Конди Райс мы сотрудничали в рамках той же организации при Буше-41, как упоминалось выше. По собственному опыту и из наблюдений на протяжении большей части своей карьеры я знал, что госсекретари и министры обороны крайне редко общаются друг с другом. О благе страны при таких обстоятельствах говорить не приходится. С директором Национальной разведки,

[35] Энсин – младшее офицерское звание в ВМС США, примерно соответствует званию мичмана.

Майком Макконеллом, я был знаком с тех пор, когда он, двухзвездный генерал, возглавлял службу разведки Объединенного комитета начальников штабов. Почти девять лет работы в аппарате СНБ также заставили меня осознать, сколь важна для президента команда помощников, которая умеет работать вместе. Этот тезис доказал свою справедливость в президентство Буша-41, и администрация Буша-43 тоже не являлась исключением. Я охотно признал, что государственный секретарь имеет полное право выступать от лица Соединенных Штатов, а если мы с Конди найдем общий язык, наши взаимоотношения распространятся на оба ведомства и на остальное правительство. Символизм бывает полезен. Когда мы с Конди вдвоем встречались с лидерами стран Ближнего Востока, России или Азии, не только наша собственная бюрократия, но и другие страны получали четкий сигнал – сыграть на противоречиях в верхах администрации вряд ли получится.

И еще один фактор побуждал меня примириться с менее публичной, менее агрессивной, скажем так, ролью. Выше я писал о беспрецедентной власти и невероятных ресурсах, находящихся в распоряжении министра обороны. Эта власть и эти ресурсы побуждают проявлять здравый смысл в межведомственных контактах: министру обороны нет необходимости расталкивать всех локтями, чтобы оказаться на переднем плане. Он вполне может себе позволить держаться позади. Ведь никто не в состоянии игнорировать «восьмисотфунтовую гориллу в комнате»[36].

Что касается отношений между министром обороны, руководителем Национальной разведки и директором ЦРУ, здесь до моего прихода тоже не все было гладко и требовалось приложить определенные усилия. Мы вчетвером – заместитель министра обороны по разведке Джим Клаппер, Макконнелл из Национальной разведки, директор ЦРУ генерал Майк Хэйден и я – обсудили способы устранить негативные последствия Закона о реформировании разведки от 2004 года и возможности объединить усилия разведывательного сообщества. Процесс предстоял трудоемкий – причем более трудоемкий, чем он мог бы быть, – вследствие грандиозного количества зарубцевавшихся шрамов и вражды между различными агентствами. Это один из тех редких примеров, когда уникальное сочетание личных отношений, длившихся десятилетиями, позволило значительно смягчить бюрократическую враждебность, мнившуюся непреодолимой. А еще это лишний раз напомнило всем нам: когда речь заходит о правительстве, его эффективность часто зависит от личных отношений.

Если у кого-то и были сомнения относительно того, что с моим назначением отношения между ведомствами начнут меняться в лучшую сторону, я постарался их развеять в своей речи в университете Канзаса в ноябре 2007 года. Я призвал сосредоточиться на дипломатии и развитии – задачах Государственного департамента и Агентства международного развития – и соответствующим образом распределять ресурсы и силы. Никто не мог припомнить, чтобы министр обороны когда-либо настаивал на увеличении бюджета Госдепа. Наше сотрудничество с Райс и Хэдли существенно упрочило контакты между министерствами и ведомствами, взаимодействие значительно улучшилось. Уже в феврале 2007 года Стив сказал мне, что я добился отличного прогресса и «подготовил поле для президента»; более того, мои усилия не остались незамеченными в других министерствах, и процесс интеграции оживился. Я не стал говорить этого вслух, но подумал: «И без того я веду достаточно сражений, чтобы искать новых».

[36] Американская идиома, прочно вошедшая в современный язык; выражение часто употребляется в СМИ и в литературе. Восходит к загадке: «Где сядет (вариант – ляжет спать) горилла весом 800 фунтов?» – «Да где захочет!»

Команда Буша

Я присоединился к администрации Буша в конце шестого года ее пребывания у власти. Ни президент, ни вице-президент больше не могли рассчитывать на сохранение своих постов. Это обстоятельство оказывало сильнейшее воздействие на атмосферу и обстановку в Белом доме. Закаленные в политических играх советники и профессиональные идеологи, такие могущественные в первый четырехлетний срок, почти исчезли. Все теперь рассуждали о наследии, истории и незавершенных делах – разумеется, прежде всего об Ираке.

Среди всех книг и статей, написанных об администрации Буша и попавшихся мне на глаза, мало таких, в которых взвешенно оценивалось бы влияние событий 9/11 лично на президента и на его старших советников. Я вовсе не собираюсь «укладывать на кушетку» Буша или кого-либо еще, дабы проанализировать их чувства и реакции; мои рассуждения основываются на многократных доверительных разговорах с ключевыми фигурами администрации и на результатах собственных наблюдений.

Помимо травмирующего эффекта от самой атаки, полагаю, высшие должностные лица президентской администрации испытали нечто вроде паники: они подвели страну, допустили разрушительное нападение на Америку в свое «дежурство» на ответственных постах. Вдобавок после событий 9/11 они понятия не имели, неизбежны ли новые атаки, и, разумеется, ожидали при этом худшего. Поскольку высшее руководство страны опасалось, что в обширной «коллекции» разведывательных данных могут обнаружиться некие предупредительные знаки о новых нападениях, практически все фильтры для просеивания разведывательной информации – оценка ее надежности и достоверности – были убраны; итог очевиден: всего через несколько дней после событий 9/11 Белый дом наводнили бесчисленные слухи о готовящихся атаках, в том числе и о терактах в Нью-Йорке и Вашингтоне с использованием ядерного оружия. Слухи циркулировали неделями, если не месяцами, подпитывая панические настроения и стремление действовать безотлагательно. Кроме того, ощущался острый дефицит информации об «Аль-Каиде», не говоря уже о понимании того, что собой представляют она и прочие экстремистские организации: численность боевиков, технические возможности, руководители и тому подобное. Скорейшее заполнение этого информационного вакуума и защита страны от новых нападений логично превратились в единственную заботу президента и его советников. Любые препятствия – правовые, бюрократические, финансовые или международные – для выполнения этих задач подлежали решительному устранению.

Те, кто по прошествии лет станет критиковать отдельные действия администрации, например ситуацию в тюрьме Гуантанамо и методы ведения допросов, в перспективе могли извлечь гораздо большую выгоду из этой паники и необоримого желания защитить страну – ведь эта паника сродни тому страху за национальную безопасность, который заставил Линкольна временно отменить закон о неприкосновенности личности, а Франклина Д. Рузвельта побудил интернировать американцев японского происхождения. Ключевым вопросом для меня стал следующий: почему и через несколько лет после событий 9/11, хотя удалось заполнить столько информационных пробелов, а обороноспособность страны кардинально улучшилась, – почему не был проведен целостный анализ нашей политики и полномочий, чтобы «отбраковать» те факторы, которые наиболее принципиально расходятся с нашими традициями, культурой и историей (скажем, выдача преступников другим государствам и «усиленные» методы допросов)? Однажды я задал этот вопрос Конди, и она признала, что, пожалуй, стоило бы провести такой анализ – допустим, после выборов 2004 года, – но ничего так и не было предпринято. Позднее Хэдли рассказывал мне, что подобие анализа все-таки после выборов заказали, и некоторые «одиозные» техники ведения допроса были отвергнуты, а

конгресс поставили в известность о внесенных «коррективах». Но я, как и большинство американцев, об этом не знал.

Почти всех старших представителей команды Буша, к которой я присоединился, для публики демонизировали – тем или иным образом, причем с использованием методов, с какими я либо не согласен, либо считаю слишком упрощенными. Что касается президента Буша, я, приступив к работе, обнаружил, что он ничуть не сожалеет о принятых решениях и не испытывает ни малейшего душевного дискомфорта. Он прекрасно понимал, что не в состоянии изменить отношение современников к своему президентству, что давно вырыл себе «президентскую могилу» – и был готов в ней упокоиться. Он нисколько не пытался переосмыслить ситуацию и свое решение о вторжении в Ирак. Он был убежден в важности нашей «победы» в Ираке и часто высказывался об этой войне публично. Буш воспринимал Ирак как свое основное достижение на президентском посту (наряду с Афганистаном, разумеется) и с негодованием встречал любые предположения, что война в Ираке лишила наши усилия в Афганистане необходимой поддержки. Дни смешных прозвищ и поддразнивания за выполняемую сотрудниками рутинную работу давно миновали к тому времени, когда я занял министерскую должность. Я увидел зрелого лидера, прошедшего за пять лет чрезвычайно трудный путь.

Буш на самом деле гораздо интеллектуальнее, чем считает общественное мнение. Он обожает читать, постоянно рассказывает о сегодняшней порции «духовной пищи» и расспрашивает, что читают другие. Даже в последние два года своего президентского срока он регулярно устраивал то, что именовал «глубоким погружением», – подробные брифинги и дискуссии с приглашением аналитиков разведслужб и прочих специалистов, посвященные многочисленным проблемам и вызовам национальной безопасности. Редкому аналитику или докладчику удавалось произнести несколько связных фраз, прежде чем Буш принимался засыпать его вопросами. Причем вопросы были непростые, задавались весьма напористо, и я могу понять, почему кое-кто вспоминает об этих брифингах с дрожью в голосе. Но другие находили обмен мнениями с президентом вдохновляющим. Отмечу также, что по некоторым вопросам, например по Ираку, президент обладал железобетонными убеждениями, и попытки его переубедить неизменно оказывались пустой тратой времени. При всей своей интеллектуальности, кстати, он почти мгновенно начинал скучать и не слишком терпел многоуровневые (или долгие) совещания. Он хотел, чтобы все говорили исключительно по сути. Пространные, философские или гипотетические дискуссии не для Буша. После шести лет своего президентства он усвоил то, что полагал необходимым, и редко подвергал сомнению собственные суждения.

Президент уважал военных и доверял им, но – по крайней мере в мои министерские годы – не торопился соглашаться со старшими советниками и военачальниками, особенно после того как в середине 2006 года стало понятно, что текущая стратегия в Ираке себя не оправдала. В Пентагоне он появлялся достаточно регулярно, демонстрировал готовность встречаться с начальниками штабов так часто, как того требовали обстоятельства, давал им возможность изложить свои взгляды и пообщаться с президентом напрямую. Он приветствовал откровенность, и я ни разу не слышал, чтобы он, пусть возражая или отвергая тот или иной довод, делал это в грубой, оскорбительной форме, отбивая тем самым всякую охоту к откровенности. Но он быстро терял терпение, когда старшие офицеры публично высказывались по «чувствительным» вопросам. Будь то директор Национальной разведки, адмирал Майкл Макконнелл, назвавший в интервью «Нью-йоркер» некоторые методы ведения допроса пытками, или Лис Фэллон, ударившийся в рассуждения о недопустимости конфликта с Ираном, или Майк Маллен, несколько раз позволивший себе покритиковать оперативную тактику в Ираке и Афганистане, – президент поворачивался ко мне и спрашивал: «Что стряслось с этими адмиралами?»

Личных отношений мы с президентом не поддерживали, но я чувствовал, что между нами сложились прочные профессиональные взаимоотношения. Он неоднократно приглашал нас с Бекки в Кэмп-Дэвид, но принять приглашение не получалось: то я находился в зарубежной поездке, то Бекки уезжала на Северо-Западное побережье. Необходимость отказываться от этих приглашений доставляла мне существенные неудобства, особенно когда приглашения перестали поступать. Я искренне переживал, что президент подумает, будто мы избегаем того, что было настоящей честью для нас, тогда как на самом деле все объяснялось элементарной нехваткой свободного времени.

Одной до некоторой степени деликатной темой в нашем партнерстве – открыто мы это никогда не обсуждали – были мои тесные взаимоотношения с отцом президента. Когда в конце января 2007 года Буш-41 побывал в Вашингтоне и захотел приехать в Пентагон, чтобы повидаться со мной и встретиться с некоторыми военачальниками, мне позвонил Джош Болтен и предупредил: Буш-43 беспокоится, как бы этот визит не попал в газеты. Джош настоятельно рекомендовал отменить визит, и я сказал, что уступлю пожеланиям Буша-43. Поэтому на следующий день вместо дружеской встречи в министерстве обороны мы позавтракали с Бушем-41 в Белом доме. Несколькими неделями позже я возвращался со встречи в Белом доме, когда позвонил мой секретарь и сообщил, что Буш-41 направляется в Пентагон. Я едва успел приехать, чтобы поприветствовать его; он прошелся по моему офису, пожимая руки и беседуя с сотрудниками. Он провел в Пентагоне всего пятнадцать или двадцать минут; думаю, таким способом он хотел подчеркнуть свою независимость.

Единственной по-настоящему серьезной проблемой в моих отношениях с Белым домом Буша были советники президента по связям с общественностью и по взаимодействию со СМИ. Они постоянно пытались завлечь меня на какое-нибудь воскресное ток-шоу, предлагали, чтобы я написал комментарий для прессы или дал интервью. Я рассматривал их интересы – а также интересы советников Обамы – как в высшей степени тактические, продиктованные преимущественно «горячими» новостями, которые быстро утрачивают актуальность, и обычно узкопартийными. По моему мнению, когда речь заходит о СМИ, действует принцип «меньше – лучше», в том смысле, что, если кто-то появляется в медиапространстве реже других, люди уделяют ему больше внимания. Еще советники Буша время от времени пытались привлечь меня к участию в атаках Белого дома на критиков президента, но я неизменно отказывался. Когда летом 2008 года президент произнес речь в израильском кнессете и назвал своих критиков «инсинуаторами», пресс-служба Белого дома предложила мне «подкрепить» эти обвинения. Я распорядился, чтобы сотрудники моего аппарата послали их к черту. (Конечно, это было проделано в более обходительной форме.) Выбирая поводы для драки, я предпочитал принимать собственные решения, а не доверять эту обязанность клеркам Белого дома.

Президент Буш всегда поддерживал мои рекомендации и решения, включая те случаи, когда я говорил, что намерен уволить некоторых его высокопоставленных назначенцев в министерстве обороны. Он принимал меня лично, когда бы я ни попросил об этом, и мы шли в ногу по стратегии в Ираке, по Ирану и по другим актуальным вопросам, хотя кое-кто в администрации, пресса и конгресс иногда предполагали, что я проявляю инициативу. Я подробно информировал президента обо всем, что делал и что собирался сказать публично.

Я получал удовольствие от работы с президентом Бушем. Он – сильная личность, человек твердых убеждений и человек действий. Как он сам сказал, только время покажет, насколько успешным президентом он был. Однако тот факт, что последние семь лет его президентского срока (и позднее) воинствующие экстремисты больше не нападали на Соединенные Штаты, весьма показателен.

* * *

С Диком Чейни я познакомился в середине 1980-х, когда он вошел в состав специального комитета палаты представителей по разведке. При администрации Форда я был младшим сотрудником Совета национальной безопасности, а Дик в ту пору трудился сначала заместителем руководителя администрации Белого дома, а затем ее возглавил; мелкая сошка вроде меня тогдашнего воспринимала человека на таком посту как небожителя. Мне кажется, Чейни нельзя понять, игнорируя обстановку в Белом доме во времена правления Форда. Президентская власть пребывала в полном упадке (такого не случалось более за всю историю современной Америки), Форд пожинал трагические последствия Вьетнама и Уотергейтского скандала. Закон о военных полномочиях президента, отказ от поставки обещанных Южному Вьетнаму вооружений, приостановка помощи антисоветскому и антикубинскому сопротивлению в Анголе – конгресс шаг за шагом сводил на нет былое президентское могущество. Чейни наблюдал все это прямо из Овального кабинета. Не сомневаюсь – его горячее одобрение мер по укреплению президентской власти после событий 9/11 в значительной степени обусловлено именно опытом работы при Форде и решимостью отобрать у конгресса полномочия, которые президент утратил минимум пятнадцать лет назад.

Внешне Дик производит впечатление человека спокойного, говорит тихо и рассудительно, и поэтому, думаю, многие категорически недооценивают, насколько он консервативен. В 1990 году, в ходе подготовки к войне в Заливе, встал вопрос, необходимо ли добиваться поддержки войны с Саддамом Хусейном и от конгресса, и от Совета Безопасности ООН. Чейни, будучи министром обороны, полагал, что никакой поддержки вовсе не требуется, однако подчинился противоположному решению президента. А когда в конце 1991 года распался Советский Союз, Дик повсюду твердил, что желает увидеть демонтаж не только СССР и Российской империи, но и самой России, «дабы она впредь не угрожала остальному миру».

У нас с ним позднее сложились сердечные отношения. Когда в 1987 году я стал исполнять обязанности директора ЦРУ, то встретился с Чейни и попросил у него совета, как вести дела с Белым домом и конгрессом; он был единственным конгрессменом, с которым я счел нужным проконсультироваться. Мы плодотворно сотрудничали при администрации Буша-41, разделяя тревоги – как позже выяснилось, вполне обоснованные – относительно перспектив Горбачева, и оба полагали, что необходимо договариваться с другими русскими реформаторами, включая Бориса Ельцина. Гораздо позже, году, вероятно, в 2004-м или 2005-м, мы с Бекки присоединились к супругам Чейни и еще одной паре в качестве гостей бывшего посла США в Великобритании Анны Армстронг и ее мужа, Тобина, на их обширном историческом ранчо в Южном Техасе. Нас пригласили поохотиться на птиц. Ни я, ни Бекки не были охотниками, но отправились вместе с остальными гостями и наблюдали за стрельбой с безопасного расстояния. Мы неформально общались до, во время и после еды и великолепно провели время. (Потом, где-то через год, нас с супругами Чейни снова позвали на охотничий уикенд на ранчо Армстронгов. Мне предстояло выступать с докладом в Лос-Анджелесе, так что я вынужден был отказаться. Адвокат из Остина, приглашенный взамен, стал жертвой охотничьего инцидента с участием вице-президента.)

К тому времени когда я присоединился к администрации, Дик все больше беспокоился по поводу незаконченных дел, особенно связанных с Ираном, и стремился поскорее со всем разобраться, убежденный, что следующий президент может оказаться недостаточно жестким. Он был решительным сторонником наращивания сил в Ираке и постоянно привлекал самых ярых приверженцев той же точки зрения вне правительства – например отставного генерала Джека Кина; чаще всего подобное происходило, когда ему казалось, что прочие

члены администрации (главным образом я, Райс, Маллен и Фэллон) настроены недостаточно решительно. Вдобавок Чейни никогда не подвергал сомнению «усиленные методы дознания» и исключительную важность тюрьмы Гуантанамо для безопасности нашей страны. Неудивительно, что со временем он постепенно отдалялся от прочих высокопоставленных представителей администрации, но воспринимал эту самоизоляцию с юмором и с достоинством. Дошло даже до того, что практически каждое свое выступление он начинал словами: «Я знаю, что в этом споре проиграю» или «Я знаю, что в этом я одинок».

Поведение Чейни с членами правительства радикально отличалось от образа «Дарта Вейдера от политики», сложившегося у широкой публики благодаря речам Дика и твердости его убеждений. Никогда не слышал, чтобы он в гневе срывался на крик, – наоборот, Дик предпочитал доносить свое мнение спокойно и негромко. Он задавал экспертам и сотрудникам разведки продуманные вопросы, и я воспринимал его как менее агрессивного «дознавателя», если сравнивать с президентом. Из того, что я слышал в министерстве обороны, вице-президент скорее позволял кое-кому из своего аппарата играть «плохих парней» в межведомственных контактах, нежели сам исполнял эту роль. Опять же мои наблюдения основываются на последних двух годах его восьмилетнего срока. Я просто не знаю, насколько изменился его подход к работе, после того как государственным секретарем стала Конди, советником по национальной обороне – Хэдли (который работал на Дика в министерстве обороны в президентство Буша-41), и, конечно, после того как я сменил Рамсфелда (они с Чейни были исключительно близки). Но очевидно, что по важным вопросам вице-президент оставался приверженным своим убеждениям и, несмотря на обманчиво спокойную манеру вести дела, не собирался жертвовать ни одним из противоречивых, если не сомнительных, достижений администрации Буша. Да, мы с ним одинаково смотрели на целый ряд важнейших вопросов национальной безопасности – прежде всего на Ирак и Афганистан, но когда я предполагал, что он готов втянуть нас в новый военный конфликт, то сразу же принимался возражать (как и позднее, уже в администрации Обамы).

* * *

Конди Райс я хорошо знал и прекрасно с ней ладил. (Мы трое, считая Хэдли, до сих пор консультируемся друг с другом.) При Буше-41, когда я был заместителем советника президента по национальной безопасности, Конди работала экспертом по Советскому Союзу в СНБ. Мы оба имели докторские степени в советологии и россиеведении (Конди до сих пор говорит по-русски в отличие от меня) и находили согласие практически по всем аспектам крушения Советского Союза с 1989 по 1991 год; затем она вернулась в Стэнфорд. Приоткрою тайну: Буш-41 уполномочил меня летом 1989 года сформировать небольшую секретную группу для составления планов распада СССР, и я предложил Конди возглавить эту группу.

Конди действительно хороша во всем, за что берется, и потому вызывает нездоровую ревность и зависть у парней вроде меня, не обладающих спортивными, языковыми или музыкальными талантами. Но мы с нею быстро достигли профессионального взаимоуважения, которое, как я однажды выразился, пронизало насквозь наше тесное рабочее партнерство. Каждые несколько месяцев мы с нею встречались за обедом – неизменно в ее любимом ресторане в комплексе «Уотергейт»[37]. Едва ли не по всем основным вопросам во времена

[37] Комплекс «Уотергейт» в Вашингтоне включает отель, несколько административных и жилых зданий. В одном из административных зданий в 1972 г., в ходе предвыборной кампании, в офисе Демократической партии была обнаружена аппаратура для подслушивания. Так начался знаменитый Уотергейтский скандал, обернувшийся отставкой президента Р. Никсона.

администрации Буша у нас с ней была единая точка зрения. По поводу Северной Кореи я был настроен куда пессимистичнее, чем Райс и ее переговорщики; мне казалось, что добиться от северокорейцев отказа от ядерной программы невозможно, однако почему бы не попытаться, – а вот вице-президент, кстати, выступал против любых переговоров.

Райс отличают здравомыслие на грани цинизма и суровый характер. Еще у нее острый как бритва язык, и она редко щадит тех, кто ей перечит. Однажды, на встрече с вице-президентом, где присутствовали она, Хэдли и я, Дик упомянул, что нужно защитить республиканскую базу в сенате. Конди мгновенно парировала: «Это сколько – шесть сенаторов?» В другой раз, когда высшее руководство встречалось в кабинете Рузвельта в Белом доме и обсуждало закрытие Гуантанамо (мы с Конди, помнится, оказались чуть ли не единственными сторонниками ее закрытия), генеральный прокурор Майк Мукасей заявил, что необходимо дождаться, когда игра закончится на всех кортах – то есть пока шумиха не уляжется сама собой. Конди ответила не задумываясь: «Майк, каждый раз, когда выходишь на корт, ты проигрываешь». Она скептически воспринимала технологии ведения допросов, до сих пор допускавшие унижение заключенных (обнажение и прочие методы, которые она считала сомнительными).

В ряде случаев мы с Конди вместе давали свидетельские показания в конгрессе. Самым жутким оказался марафон из четырех слушаний подряд после президентского решения увеличить численность нашего контингента в Ираке. Некоторые члены комитета палаты представителей по международным делам вели себя грубо, недостойно и даже откровенно глупо – рядом с ними сенаторы из комитета по делам вооруженных сил мнились сущими ангелами. Я настолько разозлился на грубость и враждебность членов комитета по международным делам, что за полчаса до окончания слушаний попросту перестал отвечать на вопросы – и однозначно дал это понять конгрессменам. Но Конди – совсем другое дело. Она, так сказать, подалась вперед в седле и обрушила на головы конгрессменов (у нее явно больше опыта общения с этой публикой) всю свою осведомленность и логику. Хотя, конечно, от логики мало толку, когда критики, что называется, лают на луну.

Конди весьма ревностно оберегала сферу влияния Государственного департамента и его прерогативы и мгновенно ощетинивалась при малейшем намеке на то, будто Госдеп недостаточно тщательно выполняет свою работу на войне в Ираке и Афганистане. Мне неоднократно доводилось слышать сплетни о том, что какой-то генерал или адмирал публично жалуется на скудную гражданскую поддержку военных усилий. От боевых командиров в Ираке и Афганистане я узнал, что все не совсем так, что гражданские специалисты высоко ценятся, но их слишком мало. В самом начале моей министерской карьеры я получил из Госдепа служебную записку с просьбой заполнить офицерами доступные гражданские вакансии в Ираке. Учитывая, что наших парней и без того нагрузили прямыми обязанностями, я нисколько не обрадовался этому предложению, о чем и заявил публично. Однако мы с Конди никогда не позволяли служебным перебранкам подрывать наше сотрудничество. Мне несказанно повезло, что две потрясающие женщины – Конди Райс и Хиллари Клинтон – работали госсекретарями в мою бытность министром обороны. Когда дело касалось спорных вопросов, и при Буше, и при Обаме, я прилагал все усилия, чтобы привлечь Конди и Хиллари на свою сторону, – и они поступали так же.

* * *

Со Стивом Хэдли мы впервые начали работать вместе в аппарате Совета национальной безопасности в 1974 году. Его отличало поразительное усердие в организации межведомственных контактов, причем он не только заслужил одобрение президента, но и, помнится, удостоился высоких оценок от коллег, считавших его действия полезными и оправданными.

Стив глубоко предан Бушу-43. Как и положено хорошему юристу, он чрезвычайно дотошен, вплоть до мелочей. Когда в конце 2006 года я занял министерский пост, то предположил, что Стив устал и истощен. Но он продолжал пахать, подпитывая силы зеленым чаем. Я искренне его уважал, пусть именно он собирал все эти треклятые бюрократические совещания.

Другим ключевым членом команды по вопросам национальной безопасности, с которым мне предстояло работать наиболее плотно, был председатель Объединенного комитета начальников штабов. Как я уже писал, с Пэйсом мы проработали вместе девять с половиной месяцев, а с Майком Малленом – три года и девять месяцев. Они принципиально отличались друг от друга (первый был из морпехов, а второй – из моряков, и это лишь самая малость), причем как послужными списками, так и характером. При этом оба – ревностные католики, люди необычайной честности и благородства, и оба с хорошим чувством юмора. Их взгляды на гомосексуалистов в армии были диаметрально противоположными – Пэйс выступал категорически против, Маллен постепенно склонялся к одобрению. И оба отменно помогали своими советами мне и президентам, которым служили.

Я смирился с тем, что Маллен сменил Пэйса, когда Пит Кьярелли, мой новый старший военный помощник, позвонил Маллену – как говорится, звонок вежливости – и поинтересовался, что того беспокоит сильнее всего применительно к нашим вооруженным силам, и Маллен, в ту пору начальник штаба ВМС, ответил: «Состояние армии». Маллена я узнал лучше, чем Пэйса, из-за более длительного срока сотрудничества, и с ним мы преодолели множество трудностей. Время от времени, конечно, бывали конфликты, но не могу себе представить более твердого и компетентного председателя ОКНШ или лучшего партнера.

Среди первых действий Майка на новом посту были и те, с которыми я внутренне был согласен, но которых, верный своему принципу избегать ненужных столкновений, сам не предпринимал; и я решил понаблюдать, как он теряет политический капитал и в конце концов проигрывает. Думаю, Майкл чувствовал, что за последние годы значение должности председателя ОКНШ ослабело, и твердо намеревался вернуть ей былую ценность и превратить фигуру председателя в гораздо более заметную фигуру в публичном поле. Вскоре у него появился длинный список публичных выступлений, телевизионных шоу и других мероприятий. Некоторые из моих сотрудников и представителей Белого дома проявили недовольство и рекомендовали мне «придержать» Маллена. Что ж – публичность Майка порой и вправду доставляла мне определенные неудобства, но я доверял ему, доверял нашему партнерству, а потому счел допустимым не вмешиваться. Майк был категорически против привлечения Джека Кина в качестве советника по Ираку, особенно с позиций его влияния на Петрэуса, и даже позвонил Кину и сказал, что того в Ирак больше не пустят. Кин пожаловался вице-президенту, и вскоре Чейни позвонил мне по телефону и поинтересовался, почему критики администрации могут ездить в Ирак, а один из самых рьяных защитников нашей политики – нет? Я в конечном счете предпочел перевести стрелки на Петрэуса – если ему эти визиты полезны, если он видит в них смысл, то пусть Кин летает в Ирак сколько понадобится. Еще Майк возражал против того, чтобы офицеры в отставке активно занимались политикой, и настойчиво повторял свои доводы. Он также хотел запретить использование военными термина «глобальная война с терроризмом», уже в самом начале своего пребывания в должности, – возможно, чтобы подчеркнуть независимость от Белого дома. Опять-таки я не то чтобы не соглашался, но понимал, что это означает гладить администрацию против шерсти и что в результате мы получим очередную никому не нужную перебранку. К слову, за почти четыре года работы бок о бок мы с Майком принципиально разошлись лишь по нескольким важным вопросам.

У Майка множество сильных сторон. Он подавал мне замечательные советы по назначениям старших офицеров и по личным взаимоотношениям между ними (в военной среде эти отношения решают очень и очень многое). Он четко отслеживал распределение ответ-

ственности, в особенности после провалов, и потому его помощь была неоценима, когда возникала необходимость уволить или заменить высших военных руководителей. Не могу не отдать должное его способности сводить начальников штабов в единый кулак, когда мы разбирались с комплексными проблемами наподобие бюджета, и тем самым не допускать междоусобной борьбы. Он предоставил начальникам штабов возможность донести свою точку зрения напрямую до меня и, если потребуется, до президента. Вообще у него явный дар сплачивать коллектив – дар, который, как я считаю, хорошо послужил вооруженным силам, обоим президентам, стране и мне.

Рискну предположить, что впервые в истории США председатель Объединенного комитета начальников штабов и министр обороны оказались непосредственными соседями. Уверенный, что мне предстоит провести в Вашингтоне всего два года, я за непомерную сумму арендовал дом на территории Военно-морского комплекса – рядом с тем, где проживал Маллен как начальник штаба ВМС. Став председателем ОКНШ, он не пожелал сменить место жительства, хотя ему и полагался огромный дом в Форт-Майере, Виргиния, на другом берегу реки Потомак от округа Колумбия[38]; по закону этот дом предназначен только для председателя ОКНШ. В результате по выходным мы с Майком довольно часто забредали друг к другу, чтобы «проговорить между собой» наиболее спорные вопросы или программу действий. Вероятно, тем, кто работал в комплексе по выходным, было довольно странно видеть председателя Объединенного комитета начальников штабов в футболке, шортах и сандалиях, посиживающим на крыльце министра обороны, который облачен в джинсы и спортивную рубашку и покуривает сигару.

Небольшая проблема заключалась в том, что Майку как председателю Объединенного комитета начальников штабов полагалось несколько домашних помощников сержантского состава; они готовили, убирались в доме и тому подобное. Я, с другой стороны, будучи министром обороны и формально боссом Маллена, оставался гражданским человеком, следовательно, был не вправе рассчитывать на помощь по хозяйству, которую государство предоставляет «самым главным» генералам и адмиралам. Мы не переставали добродушно препираться и шутить по этому поводу. Обычно бывало, что Майк приезжал на выходные, а тут я, «поливаю треклятые цветочки в саду», как я говорил своим сотрудникам. Однажды ночью разразилась ужасная гроза, лил проливной дождь, и здоровенная ветка рухнула на мой двор. Она пролежала несколько дней, и наконец я сказал одному из своих охранников: «Как стемнеет, оттащи эту штуковину к Маллену – через час она исчезнет». Именно так и произошло. А на церемонии проводов с министерского поста (до которой тогда было далеко) Майк высказал предположение, что я сметал ему во двор палую листву. Это он зря – у меня не было садовой воздуходувки.

Еще одним высокопоставленным военным, с которым я впоследствии тесно сотрудничал, был морской пехотинец генерал Джеймс Хосс Картрайт. В первые месяцы своей работы я был о нем чрезвычайно высокого мнения – этот генерал возглавлял Стратегическое командование (которому подчиняются ядерные силы США, а в то время также – кибервойска). Когда президент предложил Майка Маллена на должность председателя Объединенного комитета начальников штабов, кандидатура Картрайта стала моим логичным выбором на пост заместителя председателя. Он необычайно компетентен в военно-технической области и обладает редким умением объяснять узкоспециальные технические вопросы доступно для непрофессионалов. Я выбрал Картрайта еще до консультаций с Майком, а у того, как выяснилось, были свои соображения. В итоге я сказал, что принял решение, и попросил Маллена «обеспечить условия». Четыре года эти двое профессионально сотрудничали, на публике

[38] Округ Колумбия – самостоятельная территориальная единица США на северном берегу реки Потомак, не входящая ни в один штат; границы округа совпадают с границами города Вашингтон.

демонстрировали партнерские отношения, однако взаимопонимание между ними не заладилось с самого начала, и со временем ситуация только ухудшалась. Буш-43 и Обама отзывались о Картрайте неизменно уважительно. Он представлял начальников штабов на «совещаниях замов» в Белом доме и проводил там не поддающееся учету количество времени – наряду с моим представителем, гражданским заместителем министра обороны по политическим вопросам. Эта «группа замов», которую мы с Брентом Скоукрофтом учредили в 1989 году и в которой я председательствовал как заместитель советника по национальной безопасности при Буше-41, обсуждала тактические варианты в процессе подготовки совещаний своих руководителей и играла ключевую роль в управлении кризисными ситуациями. Картрайт отлично справлялся со своими обязанностями в этом качестве, равно как и с прочими, возлагаемыми на второго по старшинству военного руководителя вооруженных сил США, включая закупки, бюджетные согласования и другие критически важные административные вопросы. Стиль руководства у них с Майком был совершенно различный, а потому поддержание открытости Объединенного комитета начальников штабов и обеспечение тесного рабочего контакта с гражданскими службами министерства постоянно требовали максимума усилий (подозреваю, для Пентагона это в порядке вещей). Когда Майк отбывал в командировку, Картрайт сопровождал меня на все совещания в Белом доме, в том числе на мои «частные» переговоры с президентом. Этот человек весьма умен, наделен отменной практической сметкой и обладает великолепным чувством юмора. Я ценил его заслуги и личный вклад, пока мы работали вместе. Тем не менее при президенте Обаме у меня возникли некоторые проблемы с Картрайтом.

«Солдатский министр»

Будучи президентом Техасского университета, я тратил немало времени и усилий на заботу об интересах студентов. Последние часто присылали мне свои жалобы по электронной почте, и всякий раз, когда я полагал, что жалобы имеют обоснования (что случалось не так уж редко), я принимал соответствующие меры. Кроме того, я пригласил президента студенческого сообщества на регулярной основе участвовать в моих рабочих встречах с сотрудниками университета. Сам я принимал участие в бесчисленном множестве студенческих мероприятий. Во многих крупных университетах президент для студентов всего лишь имя, а не реальный человек. Мне же хотелось, чтобы студенты видели в президенте своего сторонника и защитника. По общему мнению, я преуспел в создании такого рода отношений и в завоевании желаемой репутацию. Как говорилось выше, попрощаться со мной в мой последний день в университете пришли десять тысяч студентов.

Столь же персонализированных отношений я хотел добиться с нашими войсками. В Техасском университете, проходя по кампусу, я повсюду видел молодых людей в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет, в футболках, шортах и с рюкзаками. А теперь я вдруг очутился в Ираке и Афганистане, где наблюдал молодых мужчин и женщин того же возраста – в полном боевом снаряжении, со штурмовыми винтовками, вынужденных существовать в жутких фронтовых условиях. Контраст был разительным и произвел на меня неизгладимое впечатление. Скажу честно, переход из президентов университета в министры обороны дался непросто в первую очередь эмоционально, и эмоции осложняли мою работу на новом посту, особенно когда я вспоминал, что многочисленная группа молодых людей пожертвовала своими мечтами и рискует жизнью ради того, чтобы защитить спокойный сон другой многочисленной группы – своих ровесников и всех прочих.

Личные отношения с двумя миллионами солдат – задача сложная, и к ее решению следовало подойти творчески. Когда я предложил завести специальный электронный адрес, чтобы солдаты могли писать мне напрямую, как это было сделано для студентов в Техасском университете, глава моей администрации Роберт Рангел посмотрел на меня так, будто запо-

дозрил у министра приступ горячки. Два миллиона электронных писем, даже представить страшно! Словом, идею благополучно похоронили.

К намеченной цели не было коротких путей. Молодые люди в целом весьма скептичны, если не циничны, в своем отношении к риторике старшего поколения, тем более к риторике власти, поскольку слишком часто видят, что слова не соответствуют делам. А применительно к армии подобное отношение усугубляется многократно. Единственный способ завоевать доверие солдат и избавиться от их безразличия к персоналии на посту министра обороны заключался в действиях, которые продемонстрировали бы, насколько я и вправду забочусь о войсках.

Так совпало, что многие решения, призванные заслужить это доверие, были в то же время необходимы и для успеха наших военных кампаний. В корне ошибочное и упорно отстаиваемое предположение, что война в Ираке будет короткой победоносной войной, породило множество проблем в войсках, в том числе для полевых подразделений. Месяцы растягивались в годы, а люди на высоких должностях тем не менее цеплялись за первоначальное предположение и вовсе, казалось, не желали увеличивать объемы финансирования, дабы обеспечить наши войска всем, что требовалось для успешного завершения миссии и последующего возвращения домой (и для предоставления наилучшего ухода раненым). Зачем тратить драгоценные доллары на снаряжение для войск, если после Ирака этого снаряжения образуется избыток? И потому на протяжении многих лет наши парни в Ираке перемещались в легких машинах вроде «хамви», этой современной версии джипа, которые даже при бронировании уязвимы для самодельных взрывных устройств (СВУ), гранатометов (РПГ) и снарядоформирующих зарядов (СФЗ)[39]. Такие автомобили чрезвычайно легко подорвать, и они превращаются в погребальные костры для американских солдат. Да, вкладываются средства в разработку и применение беспилотников (они же дроны, беспилотные летательные аппараты – БПЛА), но радикального увеличения поставок этих аппаратов в войска не предвидится, не говоря уже о том, чтобы активнее использовать их для разведки и наблюдения за противником. А дома, при нашем-то качестве военной медицинской помощи, абсолютно лучшем в мире, отношение к раненым и членам их семей мало-помалу превращалось в мину замедленного действия! Если коротко, сотрудники Пентагона, ответственные за обучение, материальное обеспечение и развертывание войск, проявляли категорически недостаточно внимания к каждому солдату и офицеру по отдельности. И решению этой задачи я отдавал немало времени весь свой срок пребывания на посту.

В первые месяцы министерских трудов я сознательно замкнул все «персональные» вопросы на себя. Как уже упоминалось, я рекомендовал президенту увеличить численность армии США и корпуса морской пехоты на 65 000 и 27 000 человек соответственно. В сентябре 2007 года я снова предложил временно увеличить армию еще на 22 000 солдат. 19 января я подписал приказ, согласно которому части Национальной гвардии отныне полагалось развертывать боевыми единицами (а не как раньше, когда бойцов приписывали в индивидуальном порядке к частям из других штатов); при этом период развертывания ограничивался одним годом. На этот временной лимит постоянно покушались, но всякий раз, когда Объединенный комитет начальников штабов «протягивал загребущие лапы», я пресекал подобные попытки. И повторял снова и снова: «Я дал им слово, что они не будут служить дольше года. Как они могут поверить мне впредь, если я нарушу свое обещание сейчас?» При развертывании боевыми единицами, указывал я, любой специалист, например по обезвреживанию боеприпасов, захочет оказаться в той команде, с которой он тренировался,

[39] Снарядоформирующий заряд – кумулятивный заряд с особой формой облицовки, боеприпас с так называемым ударным ядром, которое представляет собой металлический «штырь», возникающий при воздействии продуктов детонации заряда на его облицовку.

которую знает и которой доверяет, а не среди малознакомых коллег, еще не заслуживших его доверия. Увы, в нескольких случаях суровая реальность вынудила меня нарушить верность слову в отношении годичных командировок, но произошло это при чрезвычайных обстоятельствах. Что касается неимоверно трудного для меня решения увеличить длительность командировок в Ирак и Афганистан до пятнадцати месяцев, перед собой я оправдывался только тем, что солдатам по крайней мере гарантирован год дома, а значит, целый год они смогут прожить спокойно. Я хотел положить конец практике «стоп-лосса», принятой в нашей армии политике принудительно увеличивать срок службы. Подавляющее большинство тех, кто оказывался жертвами этой практики, составляли сержанты: продление их службы считалось необходимым для большей спаянности подразделений. Данная практика продолжалась довольно долгое время, а с «Большой волной» цифры существенно выросли; при мне пик «стоп-лосса» достиг почти 14 000 человек. Я воспринимал эту практику как армейский эквивалент крепостного права и предательство тех, кого она затронула, а потому был полон решимости ее искоренить. За несколько месяцев до моего ухода в отставку на «стоп-лоссе» не значилось ни единой фамилии.

Как я уже говорил, в каждом месте, которое мне доводилось посещать, я многое узнавал у молодых солдат и офицеров, составлявших мне компанию по моему настоянию. Беседы с сержантами-техниками на бортах десантных кораблей и на базах ВВС, жалобы на нехватку рабочей силы, каковая мешает «делать работу на совесть», сыграли немалую роль в моем решении прекратить дальнейшее сокращение персонала ВВС и ВМС. На авиабазе Крич в штате Невада, откуда управляют многими нашими беспилотниками, действующими за рубежом, мне стало известно, что ежедневно «экипажи» этих аппаратов тратят минимум час в одну сторону на дорогу с авиабазы Неллис, а на базе Крич слишком мало удобств – прежде всего мест, чтобы перекусить и развеяться. Со временем эти недостатки были исправлены. В Кэмп-Пендлтоне я наблюдал, как морпехи, готовясь к переброске в зону боевых действий, тренируются на полигоне, имитирующем иракский город, – и узнал, что их командиры обучаются использованию беспилотников на тренажерах, потому что реальных дронов в наличии нет. Мы сумели скорректировать ситуацию к лучшему, пусть это и заняло много времени.

Когда выдавалась такая возможность, я старался встречаться с семьями и супругами военнослужащих. По большей части эти встречи оказывались для меня эмоционально опустошающими. Так, через несколько недель после своего утверждения в должности я побывал в Форт-Кэмпбелле, штат Кентукки. Сто первая воздушно-десантная дивизия готовилась к переброске в Ирак. Я встретился с некоторыми женами офицеров и солдат, и слезы этих женщин показали мне, что они прекрасно понимают, куда отправляются их мужья, и что вопреки общепринятому мнению испытания не очень-то хорошо учат стойкости. Среди женщин были совсем молодые, почти подростки, но уже с ребенком или даже двумя. Многие были напуганы, многих страшили организационные проблемы, которые только усугубляли стресс, – например, плохо организованное медицинское обслуживание в гарнизоне, длинные очереди ко врачам или необходимость ездить к педиатру за шестьдесят миль от места проживания.

И благодарность военнослужащих и членов их семей – вот та признательность, которую я – пока занимал пост министра обороны – ценил выше всего.

Наиболее трудным среди обязанностей министра обороны было для меня посещение госпиталей, но навещать раненых приходилось регулярно, причем с каждым разом становилось все хуже. Поначалу я даже засомневался в себе – справлюсь ли? Мне, конечно, советовали не переживать так сильно: мол, раненые «воодушевят вас своим мужеством», решимостью и стойкостью, – но я постоянно думал, и никак было не отделаться от подобных мыслей: «Да, все так. Но есть одно принципиальное отличие между всеми вами – конгресс-

менами, военными чинами, прочими – и мной. Ведь именно я посылаю этих парней в бой». Мне было физически больно видеть атлетичных молодых парней с ампутированными конечностями, с жуткими огнестрельными ранениями – словом, со всевозможными ранами, как телесными, так и душевными. Некоторые находились в коме или пребывали без сознания. Многих окружали члены их семей, часто – молоденькие жены и крохотные детишки; жизни этих семей уже никогда не стать прежней. Помню, я подошел к очередной палате, а мне навстречу вышел врач и предложил не заходить внутрь: дескать, там лежит молодой солдат с серьезным ранением ноги, и он отказался прикрывать рану на время моего визита. Я собрался с духом и открыл дверь. Солдат вовсе не злился и не упивался жалостью к себе. Помню также солдата в госпитале имени Уолтера Рида[40], первого «четверного» ампутанта, потерявшего обе ноги выше колена и обе руки ниже локтя. По его словам, он надеется когда-нибудь снова сесть за руль. А его отец сказал мне: «Мы прошли долиной отчаяния и поднялись на гору надежды». Он попросил меня присмотреть за тем, чтобы его сын получил наилучшие протезы, и я пообещал помочь. Еще я встретил бывшего студента Техасского университета, раненного пулей в горло. Сиплым голосом он поведал, что ему позволили выбрать музыку, под которую проводили операцию, и он заставил всех снова и снова слушать боевой гимн «аграриев». Я пошутил, что ему следовало заранее убедиться – а вдруг оперирующий хирург заканчивал университет штата Техас в Остине, который издавна соперничает с Техасским политехническим?

В мае я в первый раз посетил Военно-медицинский центр имени Брука в Сан-Антонио, наше лучшее учреждение по лечению ожогов. В программе визита официально значилось посещение «Центра отважных», нового реабилитационного центра для людей с ампутированными конечностями, финансируемого за счет частных пожертвований, а также ожогового центра. Я сказал Питу Кьярелли, что не уверен, хватит ли мне мужества отправиться в ожоговое отделение. Он промолчал, и тогда я спросил: «Парни знают, что я должен приехать?» Пит утвердительно кивнул. Я прикрыл глаза, а потом сказал: «Что ж, тогда деваться некуда».

Я вошел в реабилитационный центр через ожоговое отделение, и меня встретил лейтенант морской пехоты Дэн Моран, в кадетской футболке Техасского университета и с фотографией в руках: на снимке я вручал Дэну диплом выпускника. Красавица жена и маленький ребенок, четырех недель от роду, скрашивали пребывание Дэна в госпитале. Лейтенант попросил меня оставить автограф на выпускном снимке, а затем поинтересовался, может ли рассчитывать, что именно я вручу ему медаль ВМС за доблесть на церемонии в Техасском университете. Разумеется, я согласился. (27 октября мы с Бушем-41 вручили Дэну эту медаль в перерыве домашней футбольной игры на поле Техасского университета, и все 85 000 зрителей стоя аплодировали юному герою. Вот если бы каждый из наших раненых и ветеранов мог надеяться на подобное признание!)

Ожоговое отделение было почти заполнено. Мне показали молодого солдата, который провел в госпитале почти два года; чудовищные ожоги по всему телу, и мы с ним вместо рукопожатия стукнулись кулаками – он лишился пальцев. Увы, после долгой и героической борьбы за жизнь ему предстояло умереть несколько месяцев спустя. В отдельной палате лежал в коме сержант – весь обгорелый и с ампутированными конечностями. Я видел множество других пациентов, амбулаторных и тяжелых, которых ожидали впереди десятки хирургических операций. Просто нет подходящих слов, чтобы охарактеризовать их мужество. Поскольку Центр имени Брука расположен не в Вашингтоне и не на побережье, туда нечасто заглядывают всякие ВИП-гости. Пациенты упоминали, кстати, что и официальных

[40] Центральный армейский госпиталь имени Уолтера Рида назван в честь американского хирурга, прославившегося борьбой с желтой лихорадкой. Находится в Вашингтоне, поэтому этот госпиталь нередко навещают высокопоставленные американские политики.

посетителей могло бы быть побольше. После моего визита один армейский сержант сказал репортеру, что «чертовски много значит, когда кто-то из этих ребят приходит сюда лично». Он прибавил: «Мне не нужны лишние медали или деньги, просто хочется услышать “спасибо”».

Я никогда не простил бы себя, если бы не совладал с приступом робости и не побывал в ожоговом отделении. Впоследствии мне довелось еще несколько раз побывать в Центре имени Брука. Никакие слова не в состоянии выразить мою благодарность врачам центра – и остальных наших военных госпиталей – за их высочайшее мастерство и заботу о наших сыновьях и дочерях.

Вскоре после этого я посетил военный госпиталь США в немецком Ландштуле, куда направляли почти всех раненых из Ирака и Афганистана, прежде чем отправить в США. Мне сообщили, что я единственный министр обороны, навестивший эту больницу с начала войны в Ираке и Афганистане. Именно там я впервые наградил «Пурпурными сердцами» шестерых пациентов. Один из награжденных, молодой солдат, все еще оставался без сознания, и мне в первый раз случилось утешать плачущую мать. Позднее, через несколько месяцев, я снова увидел этого солдата: он сидел в инвалидном кресле на обеде, который устроили в Пентагоне для раненых воинов. С присущей молодым дерзостью он воскликнул: «Спорим, вы меня не узнаете!»

Я все сильнее ощущал личную ответственность за этих парней в госпиталях, и груз ответственности становился все тяжелее. Тем не менее в госпитале всегда остается надежда. Но ее нет для погибших и для членов их семей.

Каждое утро я первым делом просматривал списки военнослужащих, мужчин и женщин, убитых и раненных в бою в предшествующие двадцать четыре часа. Никаких имен, просто описание случившегося и общее количество потерь. Сразу же после вступления в должность я начал подписывать соболезнования – родителям, супругам или детям тех, кто погиб на войне. Очень скоро у меня сложилось убеждение, что одной подписи недостаточно, и по вечерам я приписывал от руки пару личных фраз в конце каждого письма. С развитием «Большой волны» в Ираке подписывать приходилось более ста печальных писем в месяц. Некоторое время спустя я понял, что и личных фраз в письмах тоже мало. Я был полон решимости не допустить, чтобы эти мужчины и женщины когда-нибудь превратились для меня в статистические данные, и поэтому просил присылать мне их фотографии и сообщения местной прессы о жизни и смерти этих героев. Я смотрел на фото, читал рассказы семьи, друзей, тренеров и учителей о том, какими веселыми были эти ребята, как они любили ловить рыбу и охотиться, каких успехов добивались в спорте, как помогали другим людям. Или узнавал, что они маялись от безделья, пока не вступили в армию, где нашли цель и ориентиры жизни. И практически каждый вечер, четыре с половиной года, я писал соболезнования, читал воспоминания об этих молодых мужчинах и женщинах – и плакал.

Это происходило в уединении. Однако уже через несколько месяцев на министерском посту мои чувства, вызванные самопожертвованием этих удивительных мужчин и женщин в военной форме, начали прорываться публично. Первый раз это случилось 18 июля 2007 года, на обеде в Ассоциации корпуса морской пехоты. Я держался вплоть до конца выступления, пока не упомянул командира роты морпехов, капитане Дугласе Зембике, и его действиях в первом бою за Фаллуджу в Ираке в апреле 2004 года. По словам капитана, его люди «сражались как львы», а его самого позже окрестили «Львом Фаллуджи». Я рассказал, что он добровольно вызвался повторно отправиться в Ирак в начале 2007 года, но «на сей раз уже не вернулся – в свою страну, к своей жене Памеле и своей годовалой дочери». И тут я почувствовал, что теряю самообладание, хотя и сумел все же еще сказать, что более тысячи человек, включая многих морских пехотинцев, присутствовали на его похоронах на Арлингтонском кладбище, и один офицер заявил журналисту: «Твои люди должны следо-

вать твоим приказам, а не приходить на твои похороны». Это оказалось последней каплей – я просто не мог говорить дальше. В репортажах утверждалось, что я, очевидно, боролся с подступившими слезами. Так и было. Но я взял себя в руки и закончил такими словами: «Каждый вечер я пишу письма семьям молодых американцев, подобных Дугу Зембику. Для вас и для меня это не просто имена в статье или цифры на веб-странице. Они сыновья и дочери нашей страны».

Таково истинное лицо войны. Никогда и никому я не говорил о том, сколь тяжел эмоциональный груз от выездов на линию фронта, от посещения госпиталей и кладбищ, от сознания того факта, что отправляешь детей в опасность; это бремя беспрерывно становилось все тяжелее четыре с половиной года войны. Я исполнял свой долг, я был готов сделать все, чтобы мы победили в Ираке и Афганистане. Но я знал истинную цену победы. И это знание изменило меня.

Госпиталь имени Уолтера Рида

18 и 19 февраля 2007 года газета «Вашингтон пост» опубликовала в двух частях материал журналистов Даны Прист и Энн Халл, посвященный «административному кошмару» и «убогим условиям» пребывания раненых военнослужащих в Центральном армейском госпитале имени Уолтера Рида в Вашингтоне, округ Колумбия. В материале приводились задокументированные факты блуждания солдат по бюрократическому лабиринту, причем на всех этапах – предварительный осмотр, послеоперационное лечение, прохождение медицинской комиссии и так далее. Журналисты подробно описали Восемнадцатый корпус, где размещались выздоравливающие: обилие плесени и грязи, протечки, запачканные ковры, грызуны, тараканы и общий бардак. Налицо очевидная нехватка социальных работников, которые помогали бы пациентам, и отсутствие внятной помощи солдатам и членам их семей в перемещениях по огромному больничному комплексу или в сражениях с обширной и запутанной документацией. Статья меня буквально потрясла. На утреннем совещании с сотрудниками министерства 20 февраля я сказал, что у нас нарисовалась серьезная проблема, неспособность должным образом позаботиться о наших раненых и их семьях. Ситуацию нужно исправить, и немедленно.

В следующие два дня я узнал достаточно, чтобы большая часть фактов, изложенных в «Пост», подтвердилась, и чтобы составить план ближайших действий. 23 февраля я встретился с президентом в девять утра, охарактеризовал серьезность положения в госпитале и сообщил, что намерен объявить в тот же день о создании экспертной группы во главе с Того Уэстом, министром армии и министром по делам ветеранов при президенте Клинтоне, и Джеком Маршем, министром армии при президенте Рейгане; эта группа должна тщательно изучить ситуацию и предложить меры по исправлению. Я счел, что им хватит сорока пяти дней, чтобы представить свои выводы. Еще я сказал президенту, что намерен добиваться наказания ответственных лиц и что это может привести к громким отставкам. Он полностью меня поддержал. Прямо из Белого дома я отправился в госпиталь и лично проинспектировал Восемнадцатый корпус. За несколько дней после публикации статьи здание слегка подчистили, но в целом его состояние просто-напросто удручало. После осмотра мне доложили о качестве амбулаторной помощи, проблемах с ресурсами и бюрократических препонах, которые и привели к условиям, отраженным в материале «Пост».

Я провел в госпитале пресс-конференцию, на которой заявил, что поражен до глубины души: оказывается, наши раненые военнослужащие не получают наилучшего возможного лечения и ухода на всех стадиях своего выздоровления, особенно это касается амбулаторной помощи. «Это неприемлемо, и с подобной практикой будет покончено», – подытожил я. Как и полагается высокопоставленному члену правительства, я признал свою вину: «Я

благодарен журналистам, что они довели данную проблему до нашего сведения, и сильно разочарован тем, что мы сами ее не замечали». О наших раненых я сказал следующее: «Они не должны восстанавливаться в аварийных лечебницах, не должны преодолевать горы документов и пробиваться через бюрократические препоны в это трудное время, особенно трудное для них и для членов их семей. Они сражались с нашими врагами за рубежом, но им не пристало воевать еще против американской бюрократии». Я четко дал понять, что проблема не в том, что солдатам не предоставляется медицинская помощь мирового уровня, а в том, что со своей работой не справляются амбулаторные учреждения и администрация госпиталя. Затем я поименно перечислил членов экспертной группы и сказал, что они уполномочены проверить условия не только в данном корпусе госпиталя имени Уолтера Рида, но и в Национальном военно-морском медицинском центре в Бетесде, штат Мэриленд, и в любых других центрах, которые они выберут. Я подчеркнул свое «твердое убеждение, что столь комплексная организация, как министерство обороны, должна действовать согласно принципу подотчетности на всех уровнях. Соответственно, когда факты установлены, лица, ответственные за допущение кризисной ситуации, подлежат привлечению к ответственности». Позже я особо отметил, что некоторые из этих офицеров и других лиц, непосредственно причастных к кризису, уже уволены со службы, а «другие персоналии, по субординации стоявшие выше, получили непредвзятую оценку».

Старшие офицеры отреагировали по-разному. Заместитель начальника штаба сухопутных войск, генерал Дик Коди, сказал: «Мы совершенно разочарованы состоянием палат и обнаруженными задержками, а недостаток внимания к деталям при ремонте здания является непростительным». С того дня Коди посвятил множество усилий решению проблем наших раненых, и под его руководством сухопутные войска в этом отношении двинулись в правильном направлении. К сожалению, другие офицеры заняли глухую оборону и всячески стремились преуменьшить масштабы кризиса. Главный врач армии, генерал-лейтенант Кевин Кайли назвал газетную статью «однобокой» и сосредоточился на «непозволительном» тоне материала, а не на фактах. Его ответ заставил меня заскрежетать зубами от ярости, но еще сильнее я разозлился на замечание армейского министра Фрэнсиса Харви, который, как мне передали, заявил: «Некоторые младшие сотрудники не выполняли свою работу, и точка». Приписывать явные трудности с предоставлением амбулаторной помощи в госпитале имени Уолтера Рида каким-то безвестным «младшим сотрудникам» было, на мой взгляд, просто бессовестно.

Я добивался кардинальных перемен, и, под моим давлением, армия стала предпринимать решительные шаги. 1 марта был уволен начальник госпиталя имени Уолтера Рида, генерал-майор Джордж Уэйтман. Он проработал в своей должности всего около шести месяцев, но принял наказание с достоинством. Генерал публично признал наличие проблем и извинился перед ранеными и их семьями. Зато министр армии Харви допустил, с моей точки зрения, серьезную ошибку. Он назначил временным начальником госпиталя Кевина Кайли. В ходе нашего собственного внутреннего расследования на протяжении предыдущих дней и в ходе парламентских слушаний в конгрессе на неделе стало совершенно ясно, что Кайли знал о проблемах в госпитале и что некоторые из них напрямую связаны с его не совсем надлежащим руководством. Назначение Кайли с тревогой встретили многие раненые и их семьи – ведь до сих пор он не принимал никаких мер к исправлению ситуации, а его публичные комментарии по-прежнему были нацелены на преуменьшение масштабов кризиса. Харви процитировал прессе телефонный разговор с Кайли; последний раскритиковал «Пост» и сказал: «Я намерен защищаться… я хочу иметь возможность защищать себя, все было не так, это худший образец «желтой журналистики», и я планирую это сделать. Доверьтесь мне». Назначение Кайли, вдобавок к попыткам Харви возложить вину за кризис на нескольких «младших сотрудников», подтвердило в моих глазах, что министр армии не осознает

глубины кризиса, а следовательно, вряд ли способен возглавить усилия по его преодолению. 2 марта, после разговора с президентом, я позвонил Харви и предложил ему подать в отставку, пояснив, что назначение Кайли стало той самой соломинкой, которая переломила хребет корове. Он был ошеломлен и, похоже, счел себя показной жертвой, которую кинули под автобус, чтобы утихомирить СМИ и конгресс. Так или иначе, в тот же день я получил заявление об отставке. Фрэнсис Харви хороший человек и преданно служил своей стране. Я уволил его потому, что, будучи проинформирован об обстоятельствах кризиса в госпитале имени Уолтера Рида, он не воспринял эти сведения всерьез. Именно так я и сказал журналистам.

Я провел пресс-конференцию 3 марта и объявил, что попросил сухопутные войска – исполняющим обязанности министра стал Пит Герен – назначить нового начальника госпиталя имени Уолтера Рида, а заодно отменил назначение Кайли. Я сказал репортерам: «Знаете, я разочарован тем, что некоторые армейские чины неадекватно оценивают серьезность ситуации с амбулаторной помощью в госпитале имени Уолтера Рида. Почему-то они предпочитают обороняться от нападок, как они это называют, и выказывают явное нежелание разбираться с существующими проблемами. Кроме того, я обеспокоен тем, что некоторые не до конца понимают необходимость однозначно донести до раненых и их семей, что для нас нет приоритета выше помощи нашим солдатам и что исправить ситуацию с качеством амбулаторного лечения является критически важным». Я подчеркнул, что полностью доверяю врачам, медсестрам и сотрудникам госпиталя – «одним из лучших и самым заботливым в мире».

По моей рекомендации президент учредил двухпартийную комиссию для изучения ситуации с лечением и уходом за ранеными в целом (напомню: эти вопросы находятся в компетенции министерства обороны и министерства по делам ветеранов). Возглавили комиссию бывший лидер сенатского большинства Боб Доул, сам получивший серьезное ранение на Второй мировой, и бывший министр здравоохранения и социальных служб Донна Шалала. По предложению Джорджа Кейси я посоветовал президенту включить в состав комиссии кого-либо из нынешних молодых раненых, а также вдову одного из наших павших солдат.

На совещании со своими старшими советниками 5 марта я напомнил о словах, произнесенных мною в свой первый рабочий день, 18 декабря, а затем повторенных перед гражданскими и военными руководителями министерства в середине января. Я сказал, что, когда конгресс или пресса в чем-либо нас обвиняют, мы должны анализировать проблему, а не просто огрызаться. Кроме того, прибавил я, нельзя приписывать системные ошибки «младшим сотрудникам» или офицерам среднего звена. «Нужно заниматься другими делами – например материальным обеспечением войск». Далее я предположил, что в министерстве по делам ветеранов, похоже, немало проблем, если их столько вскрылось в госпитале имени Уолтера Рида. Я сказал, что учредить комиссию по изучению ситуации с ранеными в целом – моя идея, и я ожидаю полного сотрудничества. Еще я подтвердил, что неотложная медицинская помощь в госпитале – лучшая в мире, а кризис затронул только амбулаторное лечение. «Проще всего на свете починить стены; сложнее всего справиться с бюрократией и убедить людей, – сказал я. – Тем не менее дефицит ресурсов мы покроем. И получим все необходимые ресурсы».

Оставалось решить вопрос с генерал-лейтенантом Кайли. Я сказал своему помощнику Роберту Рангелу 6 марта, что хочу переговорить с генералом Коди, генерал-майором Эриком Шумейкером (новым начальником госпиталя имени Уолтера Рида), председателем Объединенного комитета начальников штабов и исполняющим обязанности министра армии Гереном о будущем Кайли. Конечно, окончательное решение принимать армии, но лично я сомневаюсь, что он служит как полагается. Вскоре Кайли уволился со службы.

Девятого марта все американские военнослужащие, мужчины и женщины по всему миру, получили информационное письмо за моей подписью. В письме рассказывалось о моей реакции на кризис в госпитале имени Уолтера Рида, перечислялись шаги по исправлению ситуации, а в конце их заверяли в том, что, «не считая самих войн, для меня нет более важного дела, нежели забота о наших раненых».

Амбулаторное лечение в госпитале имени Уолтера Рида отнюдь не единственная «медицинская» проблема, которая потребовала моего внимания, – просто эта ситуация оказалась наиболее вопиющей. Повторюсь: никто не рассчитывал на длительную войну, не ожидал такого количества раненых, никто не планировал и не выделял необходимые ресурсы, будь то социальные работники, надлежащим образом оборудованные помещения и базы для ухода за ранеными, не говоря уже о преодолении бюрократической пропасти между министерством обороны и министерством по делам ветеранов и многом другом. На первом моем рабочем совещании министр по делам ветеранов представился, и я предложил ему любую помощь, понимая, что его департамент наверняка буквально припирают к стенке ветераны, возвратившиеся домой сразу с двух войн и имевшие серьезные ранения. Меня поразил его ответ: он заявил, что его министерство «в отличной форме» и никаких проблем не наблюдается. Что ж, я достаточно долго пробыл на государственной службе, чтобы понимать – когда руководитель министерства уверяет, что в его организации отсутствуют какие бы то ни было проблемы, он либо лжет, либо выдает желаемое за действительное. При этом я знал, что министр не склонен лгать. Скандал с госпиталем имени Уолтера Рида возник вследствие провалов в руководстве, однако ужасные условия амбулаторного лечения также явились следствием бюджетных и кадровых сокращений, нежелания вкладывать деньги в больничный комплекс, который готовили к закрытию, и безудержного аутсорсинга. Как я и предсказывал своим сотрудникам, справиться с бюрократическими проблемами оказалось гораздо сложнее, чем получить требуемые ресурсы.

В СМИ и в конгрессе меня громко расхваливали за то, что я повел себя столь решительно. Но, как обычно, намного важнее была реакция простых солдат. Через несколько недель после этих событий я получил по электронной почте письмо от человека, летевшего по делам вместе с армейским медиком. По словам автора письма, врач и его коллеги «удивлялись, что Гейтс влез в этот свинарник в госпитале имени Уолтера Рида, и желали ему удачи. С назначением нового администратора [Кайли] показалось, что все останется как раньше. Но Гейтс вытурил этого типа в двадцать четыре часа, и это многое им показало». Неназванный врач «чертовски признателен Гейтсу за его усилия наладить работу госпиталя. Гейтс подарил ему надежду».

В первые месяцы после своего утверждения я потратил много времени и сил, латая дыры и укрепляя союзнические узы. Я заслужил похвалу за свою спокойную и уважительную манеру ведения дел и общения с людьми – равно как и за улаживание взаимоотношений по всему Вашингтону. Но скандал с госпиталем имени Уолтера Рида предоставил мне беспрецедентную возможность продемонстрировать, уже на ранней стадии, что, когда речь заходит о некомпетентности, небрежности или еще чем-либо негативно влияющем на наших мужчин и женщин в военной форме, я могу быть совершенно безжалостным. Такая принципиальность потребовалась мне и с весны 2007 года, когда я твердо решил добиться, чтобы старшие гражданские и военные руководители Пентагона позабыли о возможных в будущем гипотетических войнах, о повседневной политике и о бюрократической рутине и чтобы вместо этого сосредоточились на войне, которая разворачивается непосредственно у них на глазах, в Ираке и Афганистане. Ведение эффективной войны против наших врагов на зарубежных полях сражений требовало войны с самим Пентагоном.

Глава 4
Война с Пентагоном

На январь 2007 года у меня имелись: новый командующий вооруженными силами в Ираке, новая стратегия и 30 000 человек дополнительного контингента. Для успеха требовалась общая приверженность сотрудников министерства обороны решению главной задачи, однако я поразился, узнав, что таковой не существовало. Одно дело, когда страна и большая часть исполнительной власти не ощущают своей вовлеченности в войну, и совсем другое, когда этим грешит МВ – «Министерство войны». Подобное недопустимо.

Даже при том что государство вело одновременно две войны и ни в одной пока не побеждало, жизнь в Пентагоне, когда я там появился, в целом протекала согласно заведенной рутине. Я не обнаружил почти никаких признаков деловой суеты, тревоги или, если уж на то пошло, страсти, хотя ситуация виделась весьма мрачной. Старшие офицеры и старшие гражданские чиновники отнюдь не толпились у моего кабинета, не сыпали чудовищными цифрами, отражавшими тщетность наших военных и гражданских усилий, потребности в новом оборудовании взамен выведенного из строя или устаревшего, в большем количестве солдат либо в необходимости новых стратегий и тактик. Становилось понятно, почему мы терпим неудачу в Ираке и Афганистане: после первых военных успехов в обеих странах ситуация начала ухудшаться, а президент, его старшие гражданские советники и старшие военачальники не пожелали заметить очевидного – что большинство предположений, на которых исходно строилось военное планирование, опровергнуты жизнью. Как следствие, никто не пытался вносить необходимые корректировки. Фундаментальная ошибка заключалась в убеждении, что обе войны окажутся короткими и победоносными и что ответственность за обеспечение безопасности населения удастся быстро передать иракским и афганским силам самообороны. Кампании велись с лета 2003 года в Ираке и с 2005 года в Афганистане, затянулись не то что на месяцы – на годы, вопреки чрезмерно оптимистичным прогнозам, но по состоянию на середину 2006 года никто из старших гражданских чиновников или генералов не был уволен, не произошло никаких сколько-нибудь существенных изменений в стратегии, а в администрации не нашлось ни единого авторитетного человека, который привлек бы внимание к тому банальному факту, что мы не просто увязли в обеих странах – нет, на самом деле налицо все признаки грядущей катастрофы. (Позднее мне рассказывали, что некоторые сотрудники СНБ, ЦРУ и Государственного департамента поднимали эту тему, но их не пожелали слушать.)

Историк Макс Гастингс написал в своей книге «Инферно», что «такова природа всех конфликтов: пока враги не начнут стрелять, пока корабли не будут тонуть, пока твои близкие или хотя бы товарищи не начнут умирать – даже профессиональным солдатам свойственно пренебрегать необходимой решительностью и беспощадностью». В конце 2006 года мы находились в состоянии войны в Афганистане уже пять лет, в Ираке – почти четыре года. Враг давным-давно стрелял, многие наши солдаты погибли, и все же нашим гражданским и военным лидерам, равно как и боевым командирам, по-прежнему не хватало «решительности и беспощадности». Я счел своим долгом изменить эту ситуацию.

Символично, что в министерстве ни один сотрудник высокого ранга не занимался непосредственно работой по обеспечению насущных потребностей боевых командиров и войск на линии фронта. Председатель Объединенного комитета начальников штабов представлял вооруженные силы в целом и выступал в качестве старшего военного советника президента, но не имел власти над военно-техническими службами и гражданскими агентствами, а также не распоряжался финансами. Старшие гражданские руководители, мои

заместители, занимавшие высшие ступени иерархической лестницы министерства обороны, исполняли роли политических консультантов и обладали прямыми полномочиями только в пределах собственных сфер ответственности. Масштабы и сама структура министерства порождали тяжеловесность действий, если не сказать «парализовывали всякую инициативу», – слишком много различных организаций приходилось привлекать для решения самых элементарных задач. Скорость, маневренность, гибкость, столь важные для поддержки текущих боевых операций, – эти понятия были совершенно чужды Пентагону. Быстро сделалось очевидным, что только я, как министр, способен изменить ситуацию своей властью. Если нужно заставить гаргантюанскую, чрезвычайно сложную бюрократическую машину трудиться эффективно и оперативно на пользу фронтовых частей, инициатива по трансформации должна исходить сверху. Чаще всего это означало, что для преодоления бюрократии мы вынуждены были жертвовать установленными процедурами и управлять процессами непосредственно из моего кабинета. Личные усилия по поддержке командиров и частей в зонах боевых действий сделались в итоге неотъемлемой характеристикой моего министерского статуса.

Министерство обороны устроено таким образом, что оно планирует войны и готовится к оным, но не в состоянии вести войну. На министра, его заместителей и старших военных руководителей армии, флота и ВВС возложены организационные, обучающие и снабженческие функции применительно к соответствующим родам войск. Что касается снабжения, тут все упирается в приобретение систем вооружения, кораблей, грузовиков, самолетов и других материальных ресурсов, которые, вероятно, понадобятся в некоем отдаленном будущем, но не сейчас, не для конкретного боевого командира, чей интерес измеряется исключительно несколькими неделями или месяцами. Военные ведомства составляют бюджеты на пятилетней основе, большинство программ закупок формируются на протяжении многих лет, а то и десятилетий, если считать от первоначального решения до исполнения. В результате бюджеты и программы зафиксированы на много лет вперед, и все бюрократические уловки каждого военного ведомства без исключения направлены на сохранение выделенного финансирования. Причем в этих уловках с ними заодно выступают промышленные компании, которые производят военное снаряжение, а также вашингтонские лоббисты, этими компаниями подкармливаемые, и конгрессмены, в чьих штатах или округах расположены военные заводы. Любые угрозы долгосрочным программам, мягко говоря, не приветствуются. Даже если мы находимся в состоянии войны.

Применительно к Ираку и Афганистану запросы боевых командиров и полевых частей направлялись региональному командующему в Центрком; командующий рассматривал заявки и, если соглашался с ними, передавал далее по цепочке командования, в Пентагон. Каждый запрос затем проходил «фильтры» Объединенного комитета начальников штабов, соответствующего военного ведомства, ревизионно-контрольного отдела (вот они, деньги), множественные бюрократические «фильтры» системы закупок, а нередко и другие, причем любой из этих «фильтров» мог застопорить исполнение заявки или вообще остановить процедуру выделения снаряжения. Актуальные, срочные запросы оценивались согласно существующим долгосрочным планам, программам и бюджетам; неудивительно, что зачастую им присваивали более низкий приоритет по сравнению со всеми остальными делами. Фактически они проваливались в «черную дыру» Пентагона.

Да, имеется так называемая экспресс-линия для удовлетворения самых насущных потребностей солдат, процедура «исполнения совместных срочных оперативных задач». Подобные экспресс-запросы оцениваются на очень высоком уровне – скажем, ложатся на столы заместителя министра обороны и заместителя председателя Объединенного комитета начальников штабов. Те заявки, которые утверждаются, направляются в соответствующее военное ведомство, которому предлагается «изыскать средства». Словом, другая «черная

дыра». Если даже деньги находятся, в порядке вещей растягивать период исполнения «срочной» заявки на несколько месяцев или лет. Хуже того, даже в разгар двух войн будущие потребности, бюрократическая летаргия, нежелание спорить с конгрессменами по лоббируемым программам, умонастроения, свойственные мирному времени, и нежелание брать на себя ответственность, особенно в вопросе о том, кому оплачивать снаряжение, вроде бы со всеми согласованное, – вкупе все это приводило к общему ступору, пусть наши дети и продолжали погибать на поле боя, лишенные необходимого снаряжения. Терпеть такое разгильдяйство я не собирался.

За спиной у меня был многолетний опыт работы в сфере национальной безопасности, но я никогда не притязал на право именоваться военным стратегом или реформатором системы обороны. При этом я мог похвалиться, как уже упоминалось, успешным руководством крупными организациями и компаниями. Меня призвали во власть, чтобы я предотвратил грядущий военный провал. Схватка с конгрессом за сохранение определенной численности контингента (чтобы у полевых частей было достаточно времени на выполнение поставленной задачи) была вполне кровопролитной, а вскоре я осознал, что мне предстоит не менее кровопролитная схватка с Пентагоном. Я решил, что должен стать главным в министерстве защитником боевых командиров и фронтовых частей. Пора действовать «решительно и беспощадно».

Ситуация осложнялась тем, что все военные ведомства, службы и агентства расценивали антипартизанскую войну в Ираке и Афганистане как «нежелательную аберрацию», как конфликт, в котором нам больше никогда не участвовать (кстати, аналогичное ощущение эти структуры испытывали после Вьетнама). Всем отчаянно хотелось вернуться к рутине обучения и оснащения наших сил для конфликтов в отдаленном будущем – как я говорил, именно к такому готовились в Пентагоне: для сухопутных войск это «типовые» полевые столкновения регулярных армий с крупными воинскими формированиями иных государств-наций; для морской пехоты – стремительные набеги, мобильные операции, высадка с моря и разнообразные десантные «штучки»; для ВМС – океанские и морские кампании с упором на использование авианосцев; для ВВС – высокотехнологичные воздушные бои и стратегические бомбардировки территории противника (тех же иностранных государств).

Я был согласен с тем, что к подобным потенциальным конфликтам следует готовиться. Но я нисколько не сомневался, что вероятны они куда менее, нежели мелкие, локальные, нетрадиционные боевые столкновения. А еще, основываясь на истории и опыте, я был и остаюсь уверен – мы совершенно не в состоянии предсказать, какие виды потенциальных конфликтов нас ожидают. В самом деле, после Вьетнама, когда нам приходилось применять американские вооруженные силы за рубежом – в Гренаде, Ливане, Ливии (дважды), Панаме, на Гаити, на Балканах и в других местах, – это были, как правило, относительно локальные и весьма «грязные» по своей сути стычки. Единственный раз, когда мы использовали крупные традиционные формирования – против Ирака в операции по освобождению Кувейта в 1991 году, – вся война уложилась в сто часов. В Афганистане, с самого начала кампании в 2001 году, ситуация складывалась нетипично, а вторая война против Ирака началась с победоносного наступления, которое быстро «выродилось» в поддержание относительной стабильности, восстановление разрушенного и борьбу с повстанцами (в ту самую жуткую кампанию по «строительству государства», которой администрация Буша клятвенно обещала не допустить). Ни в одном из этих конфликтов мы не смогли предсказать, хотя бы за полгода, что окажемся втянутыми в длительные боевые действия. Лично я был уверен, что мы должны готовить наши войска, как с точки зрения кадров, так и с позиций материально-технического обеспечения, для участия в конфликтах любого рода и масштаба, от борьбы с терроризмом и подавления хорошо вооруженных негосударственных групп (например террористической организации «Хезболла») до «обычных» столкновений с другими национальными государ-

ствами. Развитие столь широкого спектра возможностей означало необходимость пожертвовать временем и ресурсами на подготовку к высокотехнологичным потенциальным миссиям, любезных сердцам военных планировщиков. Со всей решительностью в эту схватку я вступил в середине 2008 года, но в 2007-м и в начале 2008 года сосредоточился на том, чтобы предоставить нашим войскам в Ираке и Афганистане требуемое снаряжение и поддержку.

Бронемашины с усиленной противоминной защитой

Девятнадцатого апреля 2007 года, будучи с официальным визитом в Израиле, я наткнулся в ежедневном обзоре прессы (в Пентагоне его именовали «ранней пташкой») на статью Тома Ванден Брука из «Ю-эс-эй тудей»; статья начиналась так: «С прошлого года зафиксировано более 300 нападений, но ни один морской пехотинец не погиб, поскольку все солдаты находились в новых бронемашинах, которые Пентагон в текущем году рассчитывает перебросить в Ирак в значительных количествах; об этом сообщил командующий частями морской пехоты в провинции Анбар». Далее в статье описывался приподнятый корпус с усиленным V-образным днищем, которое позволяет эффективно рассеивать взрывную волну и осколки при подрывах заложенных на дорогах мин – они, как правило, представляют собой самодельные взрывные устройства (СВУ). Журналист также процитировал бригадного генерала Джона Аллена, заместителя командующего коалиционными силами в провинции Анбар, который заявил, что за минувшие пятнадцать месяцев случилось тысяча сто атак на подобные бронемашины, а среднее количество потерь при таких нападениях – менее одного раненого морпеха. В тот же день я прилетел в Ирак, на двадцать четыре часа, чтобы обсудить с Дэвидом Петрэусом грядущее по осени сокращение нашего контингента, вернулся домой на тридцать шесть часов, а затем, 22 апреля, отправился в европейскую командировку – Россия, Польша, Германия. Несмотря на множество дел, я продолжал думать об этих новых бронемашинах и сразу после возвращения в Вашингтон организовал по ним рабочее совещание.

СВУ в Ираке доставляли нам немало хлопот с первых дней войны. С течением времени эти мины становились все мощнее, а повстанцы – все изобретательнее в способах их размещения, маскировки и подрыва. К концу 2006 года на самодельные взрывные устройства приходилось до 80 процентов потерь нашего иракского контингента. Хуже того, Иран снабжал иракских повстанцев «суррогатными СВУ» со снарядоформирующим зарядом: это кумулятивные снаряды, которые при взрыве, если говорить просто, формируют конус расплавленного металла, способный пробить броню тяжелых транспортных средств, в том числе танка «Абрамс». Стремясь выработать меры по противодействию СВУ и провести скорейшую переподготовку полевых частей, армия создала ведомство, несколько раз менявшее состав и название, но в конечном счете, в феврале 2006 года, по прямому указанию министра Рамсфелда, получившее обозначение «Организация двойного подчинения по предотвращению воздействия самодельных взрывных устройств», сокращенно «Джидду»[41] (название неуклюжее, а вот задача, которую она решала, была критически важной). Ведомству выделили миллиарды долларов на разработку систем наблюдения и подавления радиосигналов, с помощью которых обычно подрывали СВУ, а также на поиск технических решений по раннему обнаружению и обезвреживанию СВУ. Создание «Джидду» – один из первых примеров готовности министра обороны и его заместителя выйти за пределы повседневной бюрократической деятельности, дабы решить конкретную боевую задачу.

Несмотря на принятые меры, все больше и больше наших солдат погибали, получали увечья и сильные ожоги от СВУ, причем многие из них оказывались в числе постра-

[41] Транслитерация американской аббревиатуры JIEDDO – Joint Improvised Explosive Device Defeat Organization.

давших из-за «хамви». Эти машины можно сколько угодно обвешивать броней по бортам, но не существует практических вариантов дополнительного бронирования днища. Солдаты были вынуждены укладывать на полы «хамви» мешки с песком, чтобы хоть как-то защитить себя. Это не слишком помогало. Я уже говорил – пылающие «хамви» превращались в погребальные костры для наших бойцов, и мне довелось своими глазами увидеть некоторых выживших в ожоговом отделении Военно-медицинского центра имени Брука в Сан-Антонио. Постепенно борта «хамви» буквально обросли толстой броней, в качестве дополнительной защиты от ракет, гранат и стрелкового оружия, но машины по-прежнему не обеспечивали никакой защиты от мин со стороны днища.

Первое совещание по бронемашинам с усиленной противоминной защитой (MRAP[42]), тем самым, о которых я прочитал в статье из «Ю-эс-эй тудей», состоялось 27 апреля 2007 года. Конференц-зал в офисе министра обороны не такой уж большой по вашингтонским (и пентагоновским) стандартам, и обстановка в нем типовая, что меня вполне устраивало. Я всегда стремился к неформальной атмосфере на совещаниях, чтобы ничто не мешало людям говорить свободно; не помню, чтобы хоть раз надевал пиджак ради встречи с сотрудниками в этом зале. За столом насчитывалось около двадцати мест, еще с дюжину стульев выстроилось вдоль стен. Разумеется, наличествовал экран для любителей показывать презентации, а стены украшали боевые фотографии, в том числе снимок Дуга Зембика, Льва Фаллуджи, чья история едва не заставила меня прилюдно разрыдаться на ежегодном обеде Ассоциации корпуса морской пехоты. К услугам жаждущих имелась кофейная тележка; лично мне кофе всегда помогает сохранять внимание и поддерживать самодисциплину – почему-то чашка кофе в руке не дает вспылить и обрушить громы и молнии на голову очередного бестолкового докладчика, чье блеяние доводит до белого каления. К слову, подготовка к совещаниям вечно сопровождалась закулисной возней, множество людей пихались локтями, норовя всеми правдами и неправдами пробраться на устраиваемые мной рабочие встречи. Решения о включении в список участников принимали двое моих старших помощников. Думаю, люди рвались на эти совещания лишь потому, что хотели продемонстрировать другим: они принадлежат к «избранным», в присутствии которых обсуждаются важные вопросы, либо потому, что надеялись отстоять собственные интересы. К сожалению, такие участники совещаний редко подавали мне полезные идеи, в особенности по поводу бюрократических конфликтов, и приходилось самому догадываться, каким образом та или иная проблема попала в поле моего зрения.

Так было и с MRAP. Предысторию текущих событий я узнал оттуда же, откуда почерпнул первые сведения об этом транспортном средстве, – то есть из газет. Через два с половиной месяца после первого совещания я прочитал в «Ю-эс-эй тудей», что Пентагон впервые испытал MRAP в 2000 году, а корпус морской пехоты подал заявку на двадцать семь машин в декабре 2003 года, намереваясь укомплектовать ими подразделения утилизации взрывоопасных боеприпасов. В конце 2004 года армия рассматривала концепции автомобиля с усиленным бронированием – для продажи иракцам, а не для себя. Первый из автомобилей, почти идентичный MRAP, поставили Ираку на исходе лета 2006 года. Между тем еще в феврале 2005 года бригадный генерал морской пехоты Деннис Хеджлик в провинции Анбар подписал заявку на тысячу с лишним подобных автомашин для своих солдат. По данным газеты, запрос Хеджлика отложили в долгий ящик; пятнадцать месяцев спустя аналогичный запрос получил одобрение Пентагона. Первые автомобили прибыли в провинцию Анбар в феврале 2007 года, через два года после первоначального запроса.

[42] Данная аббревиатура (от *англ.* Mine Resistant Ambush Protected – «защищенные от мин и нападений из засад») используется в международной классификации военных транспортных средств.

Было выдвинуто сразу несколько объяснений задержки поставок MRAP для Ирака. Основная причина заключалась в том, что никто в высшем руководстве не желал тратить деньги на приобретение этих машин. Ведомства и службы не хотели расходовать бюджетные доллары на транспортное средство, которое не рассматривалось армией и корпусом морской пехоты в качестве перспективной замены «хамви» – легкой тактической бронемашины. Большинство считало, что после войны MRAP окажутся никому не нужными (да и сама война опять-таки скоро завершится). Правда, кое-кто указывал, что угроза, которую представляют СВУ, нарастает, что в 2006 году наши войска столкнулись со снарядоформирующими зарядами (СФЗ), способными пронзить даже тяжелую броню. Другие утверждали, что лишь в 2006 году мины на дорогах стали главной угрозой нашим войскам, – игнорируя тот факт, что летом 2004 года более 100 °СВУ взорвалось в одном только Садре, а еще 1200 успели обезвредить. Закупка тяжелых MRAP могла откладываться и потому, что такие машины не соответствовали приверженности министра Рамсфелда тактике мобильных подразделений и мобильных операций. Также возникали сомнения в том, что промышленность обеспечит производство MRAP в необходимых количествах и выдержит сроки поставок. Наконец, некоторые противились приобретению MRAP просто потому, что полагали подобные машины пустой тратой денег: враги всего-навсего начнут использовать более мощные СВУ.

Так или иначе, на момент совещания в апреле 2007 года в Ираке находилось считанное число MRAP. Но еще до того как стать министром обороны, я чертовски хорошо знал, что наши парни сгорают заживо и подрываются в «хамви», – а будь они внутри MRAP, многие избежали бы ожогов и гибели.

Основным докладчиком на совещании 27 апреля был заместитель командующего корпусом морской пехоты генерал Боб Магнус (напомню, морская пехота первой из всех родов войск приступила к практическому использованию MRAP.) В ноябре 2006 года корпус представил заявку на бронированный автомобиль, способный защитить бойцов внутри от взрыва мины, а в январе 2007 года сразу девять компаний подписали контракты на разработку прототипов. Магнус подробно объяснил важность такого транспортного средства и прибавил, что всего заказано 3700 машин для морской пехоты и 2300 машин для армии, но средств на оплату контрактов недостаточно. Поэтому в 2007 году будет получено только 1300 машин. Ничего личного, бизнес есть бизнес.

Второго мая я встретился с министрами армии и флота, заместителем министра Инглендом, Пэйсом и другими сотрудниками; мы говорили о необходимости резко увеличить финансирование, масштабы и темпы реализации программы MRAP. Я нечасто позволял себе эмоции на рабочих совещаниях, но на сей раз использовал эмоциональный довод (к которому обращался снова и снова, когда речь заходила о MRAP): «Каждый день задержки стоит минимум одному из наших детей увечий или жизни». К моему огорчению, ни один высокопоставленный чиновник, гражданский или военный, не поддержал мое предложение по срочной закупке тысячи этих автомобилей. Несмотря на это, в тот же день я подписал приказ о предоставлении программе MRAP наивысшего приоритета в рамках распределения бюджета министерства обороны и подчеркнул, что «следует всемерно ускорить производство и поставки данной техники на театр боевых действий, для чего необходимо определить, оценить и реализовать любые имеющиеся возможности». Этот приказ стимулировал производство MRAP; отмечу, что это первая со времен Второй мировой войны крупная программа военных закупок, срок реализации которой, от решения до полного промышленного цикла, составил менее года.

Конгресс полностью поддержал проект. Еще за месяц до моего приказа, 28 марта, сенатор Джозеф Байден предложил поправку, которая получила 98 голосов за в сенате и гарантировала дополнительно 1,5 миллиарда долларов на программу MRAP (пришлось слегка уре-

зать бюджет 2008-го финансового года в пользу 2007-го). В конце апреля конгресс одобрил выделение 3 миллиардов долларов на закупку MRAP в течение следующих шести месяцев, а подкомитет палаты представителей по делам вооруженных сил приплюсовал еще 4 миллиарда на 2008-й финансовый год. Фактически конгресс соглашался дать все, что мы просили, до последнего цента. Учитывая, насколько разрослась впоследствии программа MRAP, без готовности конгресса предоставить средства на финансирование производства таких транспортных средств эти машины никогда не были бы изготовлены – во всяком случае, в тех количествах, которые были позднее закуплены. Без поддержки конгресса финансирование для программы MRAP пришлось бы изыскивать в регулярных бюджетах военных ведомств, что неизбежно спровоцировало бы бюрократическое и политическое кровопролитие. Привычное для конгресса пренебрежение финансовой дисциплиной оказалось в данной ситуации как нельзя кстати.

В субботу, 19 мая, на Абердинском испытательном полигоне в штате Мэриленд я осматривал новенькие и громоздкие с виду машины. Мне показали целый ряд различных моделей от разных производителей. Я с благоговейным ужасом наблюдал за взрывом мощного СВУ: тестовая машина, разумеется, пришла в негодность, однако бронекапсула для личного состава не пострадала. Находись внутри люди, они бы все выжили. Эксперты в Абердине выявляли слабые и сильные стороны различных моделей; их выводы затем поступали руководителям программы, которые принимали решение о закупке, а также производителям машин, обеспечивая обратную связь. Лично я ничем не мог тут помочь, поэтому только повторил знакомый призыв: «Поспешите! Наши парни гибнут!»

В конце мая я одобрил реализацию программы MRAP согласно особому, чрезвычайно узкому разделу бюджета, тем самым благополучно избежав множества бюрократических препон, характерных для исполнения военных программ. Это обеспечило программе MRAP приоритет перед другими военными и гражданскими программами производства ключевых компонентов, таких как специальная сталь, шины и автомобильные шасси. Я также приказал создать особое управление по реализации программы MRAP и попросил, чтобы меня информировали о развитии событий каждые две недели. Я подчеркнул, что скорейшая поставка MRAP в Ирак является насущной необходимостью, а подобная оперативность и наличие целого ряда моделей сулят проблемы с запасными частями, техническим обслуживанием, обучением и многим другим. Что ж, решать эти проблемы мы будем по мере их возникновения, но стоит сразу честно доложить президенту и конгрессу – потенциальные проблемы суть риск, на который мы готовы идти, чтобы как можно скорее предоставить нашим войскам в Ираке наилучшую защиту. Еще я напомнил, что применение MRAP не дает стопроцентной гарантии: успешные нападения все равно возможны, и враг наверняка попробует адаптировать свои СВУ под новые машины. Но все-таки даже такая защита лучше, чем ничего.

Масштабы задачи стали понятны на моем первом совещании с управлением по реализации программы 8 июня. Первоначальный одобренный запрос на MRAP всех моделей составлял 7774 автомобиля. Всего за пару недель, однако, общее количество увеличилось до 23 044 машин на совокупную сумму чуть более 25 миллиардов долларов – похоже, боевые командиры быстро оценили преимущества MRAP и поняли, что теперь в Вашингтоне готовы перейти от слов к делам. Но где взять все необходимые комплектующие и материалы для производства этих транспортных средств, от специальной баллистической стали до шин, да еще в соответствующих невероятных объемах? Как доставлять MRAP в Ирак? Где их размещать? Где хранить? Именно управлению по реализации программы, во главе с директором по оборонным исследованиям и разработкам (в скором будущем – заместителем министра по закупкам, технологиям и материально-техническому обеспечению) Джоном Янгом, выпало искать ответы на эти вопросы. И ответы были найдены.

В ходе поездки на Ближний Восток в конце лета 2007 года я на собственном опыте испытал, насколько велика потребность в MRAP в передовых частях. При посещении лагеря Арифджан в Кувейте, гигантского логистического центра, обеспечивающего военные операции в Ираке, ближе к вечеру, меня привезли на «Кладбище» – территорию площадью в десятки акров, где складировались останки тысяч американских танков, грузовиков, «хамви» и других транспортных средств. Почти все машины были уничтожены вражескими атаками в Ираке. Я намеренно отделился от сопровождающих и некоторое время бродил среди бесконечных рядов присыпанной песком военной техники, каждый экземпляр которой свидетельствовал о страданиях и потерях наших войск. Мне слышались крики раненых и стоны умирающих. Покидая лагерь, я сказал себе, что павшим уже не поможешь, но, клянусь Богом, я переверну небо и землю, чтобы спасти жизнь их товарищам.

В конечном счете мы закупили примерно 27 000 MRAP, в том числе тысячи машин новой вездеходной модификации для Афганистана, на общую сумму почти 40 миллиардов долларов. Эти расходы сберегли нашей стране бесчисленное количество жизней. Позднейшие подсчеты показали, что применение MRAP сократило потери приблизительно на 75 процентов по сравнению с «хамви»; если сравнивать с танками «Абрамс», БМП «Брэдли» и «Страйкер», потери снизились где-то наполовину. При этом конструкторы продолжали вносить улучшения. Например, сила взрыва под днищем машины зачастую оказывалась такова, что у солдат внутри MRAP не редкостью были переломы ног и костей таза, поэтому пол и сиденья автомобиля подверглись переработке.

Восемнадцатого января 2008 года я посетил Центр исследований космических и военно-морских систем вооружения в Чарльстоне, штат Южная Каролина, где MRAP получали боевое оснащение перед отправкой в Ирак. Я съездил на завод и пообщался с рабочими, многие из которых были ветеранами войны. Эти мужчины и женщины, настоящая «соль земли» и патриоты, были искренне увлечены своей работой. Каждый из тех, с кем я беседовал, точно знал, что автомобиль, который собирают на заводе, спасет, вполне вероятно, жизни наших солдат. Один из рабочих, бородатый верзила в джинсах и клетчатой рубашке, пригласил меня сесть на водительское сиденье MRAP. Из «бардачка» машины он достал ламинированную карточку, тоже отправлявшуюся в Ирак. На этой карточке стояли подписи всех специалистов, которые трудились над данным транспортным средством. Бородач сказал, что всем известно – жизни солдат зависят от качества их работы, и им хочется, чтобы солдаты, которые будут ездить на этой машине, знали: каждый член команды берет на себя личную ответственность за конкретную MRAP. По его словам, такую карту клали в «бардачок» каждой MRAP.

С конца 2007 года при очередном посещении Ирака я неизменно получал приглашения посмотреть на MRAP. Командиры подразделений особенно полюбили эти машины, ведь теперь солдаты возвращались невредимыми (или почти невредимыми) с заданий, которые ранее могли оказаться фатальными. От солдат я слышал, что ездить в машине очень неудобно, она настолько тяжелая (вес машин варьировался от примерно четырнадцати до почти тридцати тонн, в зависимости от модели), что практически не годится для бездорожья, что довольно часто случаются опрокидывания. Плюс машины были настолько высоки, что при движении в городских условиях цепляли антеннами электрические провода. Впрочем, наши изобретательные солдаты быстро нашли выход: длинными отрезами пластиковых труб они приподнимали эти провода, и машины спокойно катили дальше. Нашлись специалисты, которые переделали MRAP в машины экстренной медицинской помощи, а один командир бригады ухитрился поставить внутри рабочий стол и получил мобильный командный пункт. Но в основном эти машины просто доставляли солдат из одного места в другое в гораздо более безопасных условиях, чем до сих пор. Снова и снова боевые командиры подводили меня к поврежденным MRAP, и рядом неизменно присутствовали два-три солдата,

которые рассказывали, что машина спасла им жизнь. Некий журналист поведал мне о полковнике, который в прямом эфире с камеры наблюдения видел, как автомобиль его подразделения охватило пламя после взрыва СВУ. Он взмолился вслух: «Господи, пусть выживет хоть один!» К его величайшему изумлению, наружу выбрались все трое солдат, раненые, но живые. Они ехали на MRAP.

К середине 2008 года мы сосредоточились на переброске MRAP в Афганистан, поскольку там постоянно возрастала угроза СВУ. Чем больше машин мы туда переправляли, тем отчетливее понимали, что эта техника, сконструированная для применения на относительно ровной местности и существующей дорожной сети Ирака, тяжелая и маломаневренная, не очень-то годится для бездорожья гористого Афганистана. Управление по реализации программы MRAP не подвело и здесь: была разработана облегченная, маневренная модификация MRAP – колесный вездеход.

В истории MRAP много героев – те морские пехотинцы, что на протяжении нескольких лет добивались одобрения концепции «противоминного автомобиля», директор программы бригадный генерал Майк Броган и его команда, Джон Янг и все те, кто работал с ним в управлении по реализации программы MRAP, мои собственные сотрудники, особенно Пит Кьярелли, который ратовал за необходимость лучше защищать солдат и ежедневно напоминал всем вокруг, что министр лично следит за исполнением этой программы, а также наши промышленные партнеры, замечательные рабочие завода в Чарльстоне и даже конгресс, в кои-то веки поступивший правильно и, самое главное, не поддавшийся искушению «заболтать» вопрос. 21 мая 2008 года я написал благодарственное письмо всем основным участникам программы, высоко оценив их вклад. К официальному письму я приписал от руки: «Ваши усилия – и усилия членов вашей команды – спасли немало человеческих жизней. От имени всех, кто возвращается домой живым и здоровым, благодарю вас всем сердцем».

Как заведено в огромной бюрократической системе, злодеи в основном остались безымянными и безликими. Такие люди были, скрывать не стану; они цеплялись за старые планы, программы и устаревший образ мышления и отказывались подстраиваться под изменившиеся обстоятельства. Неповоротливая и косная бюрократическая структура, которую министерство обороны использует для приобретения техники, не слишком эффективна даже в мирное время. И я воочию наблюдал, насколько она не приспособлена к потребностям военного времени. Плюс, как я уже писал, налицо были необъяснимо мирные умонастроения, непригодные для военного времени. Моя роль состояла в том, чтобы спихнуть все эти препятствия на обочину, – дабы люди наподобие Джона Янга могли принять срочные меры по спасению человеческих жизней.

Тем, кто утверждал и продолжает утверждать, что MRAP представляет собой ненужный, дорогостоящий, однозадачный автомобиль, что реализация программы по его производству не позволяет приступить к достижению более важных долгосрочных приоритетов, я готов предложить простой совет: поговорите с парнями, которые остались в живых после подрыва на СВУ, поскольку находились внутри MRAP.

Разведка, наблюдение, рекогносцировка

С этим треклятым мирным образом мышления в стенах Пентагона мне приходилось сталкиваться и разбираться снова и снова. К осени 2007 года мое нетерпение достигло точки кипения. 28 сентября я созвал совещание с руководителями всех отделов – равно гражданскими и военными – и зачитал им, если позволительно так выразиться, приговор. Я сказал, что для наших боевых командиров и фронтовых частей «разница между завтра и следующей неделей или поставкой снаряжения на текущей неделе и через месяц принципиальна. Министерство ведет войну вот уже шестой год. Тем не менее мы все еще опираемся на проце-

дуры, едва пригодные для мирного времени и совершенно недопустимые во время войны». Я прибавил, что не имеет значения, о чем идет речь – будь это производство и поставка MRAP, активность служб разведки, наблюдения и рекогносцировки (РНР) или организация развертывания войск, – для меня очевидно, что ведение бизнеса по правилам «редко отвечает потребностям наших фронтовых частей». Я предложил искать возможности иных подходов к решению проблем, причем не бояться «разбить фарфор», если выяснится, что это необходимо ради успешного осуществления планов: «Для наших частей в зоне боев разница между получением чего-либо в следующем месяце и в следующем году просто катастрофическая… Все мы каждый день должны анализировать наши идеи и планы относительно боевых действий с точки зрения того, как мы можем ускорить процессы, повысить их эффективность или добиться максимального результата».

Через месяц я сказал министрам трех военных ведомств: «Мне нужно, чтобы вы и ваши команды продолжали рыть землю и шуршать по углам и не боялись отвергать общепринятое, если это поможет нашим детям на фронте».

Четырнадцатого января 2008 года я направил Майку Маллену весьма суровую служебную записку с указанием фактов, когда «официальный запрос на мое имя несколько месяцев (в одном случае более шести) блуждал по бюрократическим и штабным кабинетам Центркома / Объединенного комитета, прежде чем лечь мне на стол». Я настоятельно просил Маллена подумать над реорганизацией системы таким образом, чтобы меня немедленно информировали о любых ходатайствах, составленных в мой адрес нашими боевыми командирами в Ираке и Афганистане.

Непосредственным поводом проявить нетерпение стали затруднения с организацией разведки, наблюдения и рекогносцировки по запросам командиров боевых частей. Казалось бы, в нашем распоряжении широкие возможности: беспилотники, винтовые самолеты-разведчики, аналитики, лингвисты, центры обработки данных, накопившие массивы полезной информация, в том числе перехваченные телефонные разговоры главарей террористов и «живое» видео боевиков, закладывающих СВУ. При этом мы держали боевых командиров на голодном разведывательном пайке.

В случае MRAP ускорение производства и сокращение сроков поставки потребовало лишь анализа возможностей и нахождения дополнительных средств. Применительно к РНР я обнаружил полное отсутствие энтузиазма и непонимание важности задачи со стороны ВВС, где когда-то служил сам.

Сочетание передовых технических возможностей разведки и военных операций в режиме реального времени при прямой поддержке мобильных групп в Ираке и Афганистане позволило провести подлинную революцию в военном деле. Воздушная разведка позиций противника восходит по крайней мере к Гражданской войне, когда использовались воздушные шары, но за последнюю четверть века этот вид разведки приобрел совершенно иное качество. Прообразы новой разведки я наблюдал воочию в свою бытность заместителем директора ЦРУ, весной 1986 года: мы передавали в реальном времени спутниковую информацию о развертывании ливийской системы ПВО нашим пилотам, которые атаковали Триполи. Но в сравнении с тем, что применялось в Ираке и Афганистане, ливийские достижения выглядят весьма блекло.

Став директором ЦРУ, я в 1992 году попытался привлечь ВВС к сотрудничеству в разработке высокотехнологичных беспилотников; эти аппараты способны кружить над целью много часов подряд, тем самым гарантируя беспрецедентные возможности фотовидеосъемки и перехвата радиосигналов. ВВС не заинтересовались, и мне сказали открытым текстом, что люди идут в ВВС летать на самолетах, а на дронах пилоты не нужны. К тому

времени когда я вернулся в правительство в конце 2006 года, беспилотник «предейтор»[43] уже наводил ужас на наших врагов, однако образ мышления в руководстве ВВС ничуть не изменился. В Ираке армия использовала для воздушной разведки двухмоторные винтовые самолетики, которые переоборудовали для непрерывной «живой» видеосъемки – «потокового видео» – конкретной местности в течение длительного периода времени. Применение этих самолетов (известных как «подразделение НОВУ» – наблюдение, обнаружение, выявление, уничтожение[44]) не только облегчило поиск боевиков, устанавливавших СВУ на дорогах, но и предоставило аналитикам данные для отслеживания людей и транспортных средств, благодаря чему стало возможным выявлять и нейтрализовывать террористические сети, занятые производством и размещением бомб. Помню собственные ощущения от просмотра в реальном времени видео с повстанцами, закапывающими СВУ, или трассировку маршрута пикапа с экстремистами от места изготовления бомбы к месту закладки! И еще удивительнее – и приятнее – было наблюдать, как этих повстанцев и пикап оперативно уничтожают в результате невероятной интеграции технического прогресса и человеческих сил.

Появились и другие разведывательные платформы – различные пилотируемые летательные аппараты, аэростаты (дирижабли), стационарные камеры и прочие датчики. Изначально полный арсенал этих средств применялся подразделениями специального назначения, но со временем и в остальных родах войск осознали богатство возможностей РНР, в том числе для ведения регулярных боевых действий и для защиты солдат. Их популярность росла в геометрической прогрессии.

Но имелись серьезные препятствия для удовлетворения спроса. В частности, ограниченные производственные мощности той единственной компании, которая выпускала «предейторы» и наземные станции обработки данных. Кроме того, требовалось гораздо больше лингвистов для перевода перехваченных разговоров. Плюс существовали количественные и качественные ограничения на другие системы сбора информации. Например, весьма эффективную разведывательную платформу представлял собой самолет морского базирования Р-3, предназначенный главным образом для охоты за подводными лодками. Если не обобрать, что называется, до нитки Тихоокеанское командование и другие морские зоны ответственности, то для использования в Ираке и Афганистане у нас найдется всего лишь считанное число таких самолетов. Вдобавок эти имеющиеся в нашем распоряжении машины достаточно древние, то есть время пребывания в воздухе у них невелико.

И не стоит забывать о малом количестве экипажей, обученных управлению дронами, особенно в ВВС. Армия использовала собственную версию «предейтора» под названием «Уорриор», привлекая к работе сержантов и уорент-офицеров. ВВС, однако, настаивали на привлечении к управлению дронами квалифицированных пилотов в офицерском звании. И ясно давали понять своим пилотам, что управление беспилотником с земли («крути джойстиком») не столь вдохновляющая и перспективная карьера, как выписывание кружев в небесах на истребителе. Неудивительно, что молодые офицеры вовсе не ломились в двери службы управления беспилотными аппаратами. Когда в середине 2007 года я вплотную занялся проблемами РНР, ВВС использовали восемь «капсюлей» (шесть экипажей в каждом, всего около восьмидесяти человек) и три дрона, обеспечивая двадцатичетырехчасовое покрытие. И у руководства ВВС не было никаких планов по увеличению этих цифр. Что ж, я собирался вмешаться.

---

[43] Многоцелевой беспилотный летательный аппарат «предейтор» поступил на вооружение армии США в 1995 г. Имеет две основные версии – разведывательную и ударную, с различными модификациями для каждой. Сегодня постепенно заменяется современными разведывательно-ударными БПЛА «Рипер».

[44] Английское обозначение – Task Force ODIN (Observe, Detect, Identify, Neutralize). Разведывательная эскадрилья армии США, созданная в августе 2006 г., единственное подразделение в составе американских сухопутных войск, которое использует беспилотные аппараты MQ-1C «Грейигл».

Как ни смешно – впрочем, это логично, учитывая сказанное выше, – среди профессионалов РНР шла ожесточенная подковерная борьба за право контролировать все военные программы и операции беспилотников. Армия требовала самостоятельности, и я был на ее стороне; ВВС настаивали на своем абсолютном контроле – при том что по-прежнему не испытывали энтузиазма относительно применения дронов. Эти интриги безумно меня раздражали, особенно в разгар военных действий, и я был полон решимости не допустить победы ВВС.

В области РНР каждый род войск и каждое военное ведомство реализовывали собственные программы, без какой бы то ни было координации, и никто в министерстве не отвечал за организацию межведомственного сотрудничества в боевых условиях. У заместителя министра обороны по разведке, у ЦРУ с их дронами (которыми в основном управляли военные) и у директора Национальной разведки были свои планы. Словом, типичный кавардак.

Но сколь бы серьезными ни были осложнения, «Большая волна» в Ираке и нарастание напряженности в Афганистане требовали радикальной активизации РНР. Почти все мои еженедельные видеоконференции с Дэвидом Петрэусом, сначала в Ираке, а затем в Афганистане, сопровождались настойчивыми просьбами Дэйва прислать больше беспилотников. Я попросил Райана Маккарти, одного из моих сотрудников, бывшего армейского рейнджера и ветерана Афганистана, быть моими глазами и ушами – и министерской «дубинкой», если понадобится, – в осуществлении программы разведывательного перевооружения.

Прежде всего на первом этапе, летом 2007 года, следовало изыскать дополнительные ресурсы. Я был готов, выражаясь фигурально, раздеть догола почти каждого нашего командира в других регионах по всему миру, чтобы перебросить его средства РНР Петрэусу. В каждой зоне ответственности регионального командования действует штаб во главе с четырехзвездным генералом. Эти командующие – иногда их сравнивают с проконсулами Римской империи – не желали расставаться с любыми силами и средствами, которые получили в свое распоряжение. Тем не менее мы собрали все дроны, какие смогли найти и какие еще не были отправлены в Ирак, а также забрали у моряков самолеты Р-3 для развертывания в Ираке и Афганистане. Заводы уже приступили к выпуску улучшенной версии «предейторов», БПЛА «рипер», и мы приняли меры к увеличению производства «риперов» и ускорению их развертывания. Одновременно происходило наращивание выпуска «предейторов» и ускорение подготовки новых экипажей. Я приказал ВВС увеличить число «капсюлей» для «предейторов» с восьми до восемнадцати и подчеркнул, что хочу получить план дислокации к 1 ноября.

Ряд событий поздней осени подтвердил, что руководство ВВС не осознало настоятельной необходимости развертывания РНР и не желает отказываться от традиционного образа мышления. Последнее особенно озадачивало, поскольку ВВС принимали непосредственное участие в боевых действиях, предоставляли авиационную поддержку наземным войскам, организовывали эвакуацию раненых и перевозили транспортными бортами огромное количество техники в Ирак и Афганистан. В конце октября 2007 года начальник штаба ВВС Майк Мосли (Базз) подготовил доклад о том, что ВВС могут увеличить число «капсюлей» до восемнадцати к октябрю 2008 года, – слишком медленно, на мой взгляд. А в напряженнейший момент, когда мы пытались перекинуть на передовую все доступные разведывательные платформы, ВВС предложили завершить программу финансирования полетов почтенного самолета-разведчика У-2 к концу лета 2008 года. Этот тип самолета – на таком летал Фрэнсис Гэри Пауэрс, сбитый Советами в 1960 году, – по-прежнему состоял на вооружении и обеспечивал отличное разведывательное покрытие. По-моему, предложение отказаться от его использования на данном этапе граничило с сумасшествием. Кроме того, почти на всех совещаниях Мосли и министр ВВС Майк Уинн заговаривали о новых бомбардировщиках

или о дополнительных многоцелевых истребителях F-22. Да, эти самолеты много значили для будущего, но в текущих войнах не играли никакой роли.

Я своими глазами наблюдал последствия кризиса с беспилотниками, когда посетил авиабазу Крич в штате Невада в самом начале 2008 года. В Криче базируется Четыреста тридцать второе разведывательное крыло, а также Пятнадцатая и Семнадцатая разведывательные эскадрильи; там же расположен центр управления, откуда пилотируются дроны, действующие в Ираке и Афганистане. База находится посреди пустыни, и, когда я впервые там побывал, условия на ней были поистине спартанские. В центре управления имелось с дюжину отсеков, каждый занимал пилот ВВС. Со стороны рабочие места сильно смахивали на игровые автоматы – вот только эти мужчины и женщины играли жизнями реальных людей. На экранах перед собой пилоты в Неваде видели в режиме реального времени все то, что фиксировали камеры «предейторов» и «риперов» в Ираке и Афганистане. Каждый пилот с помощью джойстика и пульта дистанционно управлял летательным аппаратом за тысячи километров от себя. Пожалуй, я не видывал более удивительной демонстрации технологической и смертоносной мощи.

Мне показали новый ангар с «предейторами» и «риперами». Оба типа БПЛА напоминали гигантских жуков с длинными паучьими «лапами», широким размахом крыльев и камерой, похожей на огромное глазное яблоко. «Рипер» намного больше «предейтора» и в снаряженном состоянии способен нести боевую нагрузку, сопоставимую с нагрузкой некоторых истребителей. Разглядывая эти аппараты, я категорически не мог понять, почему требуется столько усилий, чтобы убедить руководство ВВС, что эти «дистанционно пилотируемые летательные системы» являются неотъемлемой частью будущего ВВС и должны стать существенным элементом новой военно-воздушной доктрины.

Я побеседовал с пилотами БПЛА, и они поделились со мной своими житейскими заботами. Каждый день они минимум час добирались сюда из своих домов на авиабазе Неллис, выполняли несколько изнурительных миссий, а затем снова были вынуждены тратить минимум час на обратную дорогу. На авиабазе Крич не было мест, где нормальному человеку захотелось бы перекусить. Не было гимнастических и тренажерных залов. Никаких перспектив блестящей карьеры для пилотов, управлявших дронами, не было – их не продвигали по службе, если только они не сядут за штурвал настоящего самолета, а потому они не могли надеяться на медали и поощрения, положенные «самолетным» пилотам. Через несколько месяцев после моего визита ВВС продлили часы работы детского центра на авиабазе Неллис, профинансировали медицинскую и стоматологическую клиники на авиабазе Крич и приступили к строительству нового продуктового магазина и ресторана.

На протяжении зимы 2007/08 года потребность в средствах РНР продолжала расти, и стало ясно, что мой план «пиратского набега» не работает. 4 апреля 2008 года я направил служебную записку адмиралу Маллену, убежденному сторонника использования средств РНР и своему ценному союзнику; в этой записке я выражал готовность «действовать агрессивно на всех фронтах», добиваясь необходимого качества РНР в Ираке и Афганистане. Я предложил провести рабочее совещание и обсудить его идеи относительно дополнительных возможностей увеличения РНР-поддержки на период от тридцати до девяноста дней. Десять дней спустя я сказал Маллену, что нам нужен более комплексный подход к расширению наших технических возможностей в краткосрочной перспективе.

Вскоре я создал специальную группу по средствам РНР во главе с директором программ оценки Брэдом Берксоном и генерал-лейтенантом морской пехоты Эмо Гарднером. Я попросил их разработать схему использования имеющихся средств РНР на периоды в 30, 60, 90 и 120 дней. Каждому ведомству и службе, задействованным в этой схеме, было предписано назначить своего старшего представителя в эту специальную группу. Отчитываться им предстояло непосредственно передо мной, раз в месяц; ближайший отчет – через две недели.

Мы с Малленом, заместителем министра по разведке Клаппером и Берксоном также согласились, что следует изыскать дополнительные ресурсы РНР на территории Соединенных Штатов и в региональных зонах ответственности. Скажем, зачем столько пилотов и БПЛА в учебных центрах? Не лучше ли отправить их на фронт? Еще стоит внимательнее присмотреться к работе команд в Ираке и Афганистане. Возможно, они сумеют более эффективно использовать те ресурсы, которыми располагают на сей день. Подобные бюрократические бои всегда усугубляли мою одержимость желанием защитить наши войска, причем в срочном порядке.

Первый отчет спецгруппы по средствам РНР лишний раз обозначил масштабы проблемы и снова заставил меня скрежетать зубами. Из почти 4500 американских беспилотников по всему миру чуть более половины было развернуто в Ираке и Афганистане. Ситуацию следовало изменить. Также необходимо было увеличить количество переводчиков для работы с перехваченными сообщениями, снабдить фронтовые части автоматическими наземными датчиками раннего предупреждения, набрать людей и развернуть оборудование для оперативной обработки тактической информации и обеспечить обратную связь аналитиков с командирами боевых частей. В августе я утвердил семьдесят три новых инициативы на сумму 2,6 миллиарда долларов. Я так увлекся, что позабыл арифметику. На очередном совещании, когда мне сказали, что скоро у нас будет двадцать четыре «капсюля» (каждый с достаточным количеством дронов и экипажей для круглосуточного боевого дежурства), я спросил, нельзя ли довести число «капсюлей» до девяносто двух. Мне ответили: «Нет, иначе дроны закроют солнце».

За лето Берксон и Маккарти побывали на авиабазе Крич, а также в Ираке и Афганистане. Теплого приема они не удостоились. Когда они подсчитывали количество «предейторов» в ангарах авиабазы Крич, один офицер ВВС пожаловался в Пентагон: дескать, мои «микроменеджеры» указывают ему, что он должен делать. Но на авиабазе Крич Берксон и Маккарти отыскали свободные людские ресурсы «емкостью» от двух до трех экипажей-«капсюлей» и доложили, что «налет» пилотов составляет всего шестьдесят часов в месяц. На этом они не остановились. Штабисты в Багдаде и Кабуле изрядно разозлились на «чинуш из Вашингтона», явившихся с проверкой. Однако имело значение лишь то, что этим двоим удалось найти незадействованные ресурсы.

Комитеты конгресса по ассигнованиям не очень-то понимали, как реагировать на пожелания специальной группы по средствам РНР, поскольку эти запросы шли вне традиционного бюджетного процесса. Почти всегда финансирование в конечном счете утверждалось, но процедура отнимала слишком много времени, так что конгрессмены упорно предлагали распустить спецгруппу и вернуться к стандартным бюрократическим процедурам. Я пару раз менял структуру спецгруппы и переименовал ее при администрации Обамы, – в общем, вел с Капитолийским холмом привычную игру в наперстки, растянувшуюся на три года, чтобы гарантировать существование в Вашингтоне механизма, позволяющего эффективно поддерживать боевых командиров на местах.

Остаток моего министерского срока мы сосредоточились на увеличении возможностей РНР в Ираке и Афганистане. К июню 2008 года ВВС доложили, что радикально увеличивают количество воздушных патрулей с использованием БПЛА. В следующем месяце я одобрил перераспределение 1,2 миллиарда долларов из бюджета министерства на приобретение пятидесяти самолетов MC-12 – известных как «либерти» и способных передавать потоковое видео и собирать другие разведданные, – в первую очередь для Афганистана. Эти относительно недорогие, морально устаревшие двухвинтовые самолеты – традиционно презираемые ВВС – отлично справлялись с порученной задачей. Распределение ресурсов РНР между Ираком и Афганистаном доставляло постоянную головную боль Центральному командованию, но всегда выручал здравый смысл: «предейторы» использовались как охотники на бое-

виков, а «либерти» как нельзя лучше годились для противодействия акциям с использованием СВУ. Мы разрабатывали и развертывали также многие другие камеры и платформы как воздушного, так и наземного, стационарного базирования, чтобы обеспечить наши войска оперативными разведывательными данными и защитить базы и форпосты, особенно в Афганистане. Когда я покидал свой пост, боевое дежурство несли почти шестьдесят «капсюлей».

Упрямство Пентагона, нежелание сосредоточиться на текущих войнах, неготовность поддерживать командиров и части в зонах боевых действий неприятно меня поразили. На нижних уровнях выдвигались неплохие идеи, но преодолеть бюрократическую стену им удавалось крайне редко, а иначе было не добиться, чтобы тебя выслушали и восприняли всерьез. Военные слишком часто «придушивали» младших офицеров, а иногда и не только их, если те осмеливались подвергнуть сомнению существующую практику. Выступая перед офицерами ВВС через несколько дней после создания специальной группы по средствам РНР, я дал понять, что поощряю назревшие перемены, неортодоксальное мышление и уважительное инакомыслие. Я вспомнил предыдущих реформаторов ВВС, ту институциональную враждебность и то бюрократическое сопротивление, с какими им довелось столкнуться. Я попросил присутствовавших в аудитории офицеров среднего звена здраво оценить, насколько эффективно организована, укомплектована и оборудована их служба. И снова повторил, что меня беспокоит наше благодушие «в военное время и неспособность предоставить ресурсы, необходимые прямо сейчас на поле боя». А потом произнес фразу, которую перед самым выступлением записал карандашом на листе с текстом своей речи: «Люди привержены старым способам ведения бизнеса, и потому-то нам кажется, будто мы в кресле у стоматолога».

В Вест-Пойнте в тот же день я рассказывал кадетам о военном руководстве. Понимая, что мои слова тут же разойдутся по всей армии, я сказал:

«Чтобы преуспеть в асимметричных сражениях двадцать первого века – а именно они, на мой взгляд, окажутся доминирующей формой боестолкновений в ближайшие десятилетия, – нашей армии потребуются лидеры, наделенные чрезвычайно гибким мышлением, находчивостью и фантазией; лидеры, готовые и способные думать и действовать творчески и решительно в меняющемся мире, в конфликтах, к которым мы попросту не могли подготовиться за шесть минувших десятилетий… Лишь одно останется неизменным. Мы по-прежнему будем нуждаться в мужчинах и женщинах в военной форме, которые станут называть вещи своими именами, станут говорить подчиненным и начальству то, что есть на самом деле, а не то, что тем хочется услышать… Если офицер – слушайте меня очень внимательно, – если офицер не режет правду-матку и не поощряет откровенность, он оказывает себе и армии в целом медвежью услугу».

Памятуя о статье, опубликованной чуть ранее неким армейским подполковником, который весьма критически оценил старших офицеров, я добавил: «Призываю вас облачаться в мантии бесстрашных, трезвомыслящих, но лояльных диссидентов, когда того требует ситуация».

Из-за трений по поводу РНР и других проблем с ВВС (об этом ниже) мою речь восприняли как атаку на руководство этого ведомства. На пресс-конференции вскоре после речи в Вест-Пойнте меня спросили, таково ли было мое истинное намерение. Я ответил, что на самом деле за многое хвалил ВВС в своем выступлении, а критиковал военную бюрократию – по всем направлениям и родам войск, особенно в отношении обеспечения потребностей фронтовых частей. Все согласились, что оба выступления отражают мысль, которую я озвучил публично при вступлении в должность: нужно сфокусироваться на войнах, которые мы ведем сейчас, не забывая о потенциальных конфликтах, и потому необходимы серьезные перемены в управлении всеми ведомствами и службами. И первый шаг был сделан.

Раненые

На мой взгляд, скандальная ситуация с амбулаторным лечением раненых в госпитале имени Уолтера Рида бросила тень на высшее военное руководство военно-медицинской службы и на министерство обороны в целом. Я не сомневался, что руководство даже не подозревало о том бюрократическом и административном кошмаре, с которым слишком часто сталкивались наши раненые солдаты, равно как и об организационных, финансовых и житейских трудностях, ожидавших этих бойцов и членов их семей. Скандал вызвал множество откликов в прессе, стали появляться исследования, где приводились факты, свидетельствующие о состоянии дел в других госпиталях и медицинских центрах, и руководство военно-медицинской службы совместно с министерством приступили к исправлению положения.

За все годы работы министром мне не доводилось видеть, чтобы военные брались за решение проблемы с таким рвением, такой страстью и такой поспешностью, а всего-то и требовалось, что осознать – мужчины и женщины, которые пожертвовали своим здоровьем ради страны, не получают должного ухода после стационарного лечения. В процесс активно включились даже высокопоставленные генералы и адмиралы. Не думаю, что это объяснялось исключительно карательными мерами с моей стороны, наподобие увольнения высоких чинов. Я всегда был убежден, что военному руководству нужно только объяснить: они подвели наших героев, – после чего мгновенно предпринимаются попытки сделать все правильно. А вот сложившиеся бюрократии, военные и гражданские, будь то в министерстве обороны или в министерстве по делам ветеранов, – совсем другая история.

В военных действиях после событий 9/11 сухопутные войска наряду с морской пехотой понесли наибольшие потери, и на их долю пришлось наибольшее число пострадавших от различных травм, как физических, так и психологических. При встрече с начальником штаба сухопутных войск Кейси в начале марта я предложил не дожидаться результатов деятельности всевозможных комиссий, изучающих общую ситуацию с уходом за ранеными, а действовать немедленно: реформировать госпиталь имени Уолтера Рида и оценить положение дел по уходу за ранеными в других военно-медицинских центрах. По поводу комиссий по инвалидности я сказал: «Если сомневаетесь, если боитесь ошибиться – смело принимайте сторону солдата». Кейси и его заместитель, генерал Дик Коди, решительно взялись за работу, и подталкивать их не приходилось. 8 марта мне доложили о плане действий. Под надзором Коди в госпитале имени Уолтера Рида произошли кадровые перестановки (не считая тех, которые инициировал я сам), был создан корпус заботы о раненых (служба, обязанность которой заключалась в организационной помощи амбулаторным пациентам), появился «центр одного окна для солдат и их семей», всем амбулаторным пациентам обеспечили надлежащие условия проживания. Армия также открыла «горячую линию» для раненых и членов их семей, учредила группы по изучению эффективности работы двенадцати ключевых военно-медицинских центров и занялась исследованием системы определения инвалидности. Генерал Кейси по собственной инициативе взял под строгий контроль ситуацию с лечением черепно-мозговых травм и посттравматических стрессов. В июне Кейси сообщил, что стартовала программа обязательного информирования солдат о причинах и симптомах посттравматического стресса; цель этой программы – не только помочь справиться с душевными травмами, но и, для начала, устранить отношение к стрессу как к психическому заболеванию. Кейси сказал мне: «Мы должны избавиться от стандартного подхода – мол, если в тебе нет дырок, ты готов служить в армии». Остальные ведомства и службы тоже двигались в намеченном направлении.

Девятого марта я подписал информационный циркуляр, адресованный всем мужчинам и женщинам в вооруженных силах США и излагавший мою точку зрения на ситуацию в госпитале имени Уолтера Рида. В циркуляре описывались предпринятые действия, в том числе создание двух независимых экспертных групп. При этом подчеркивалось, что министерство будет действовать, не дожидаясь докладов этих групп. Еще в циркуляре указывалось, что мной дано распоряжение провести всесторонний общеминистерский анализ программ военно-медицинской помощи, имеющихся ресурсов и организации работы и что старшему гражданскому и военному руководству настоятельно рекомендовано приложить все усилия по содействию аналитикам. «Деньги будут выделены, – приписал я. – Помимо самой войны для нас не существует более высокого приоритета, чем должная забота о наших раненых». Эти слова я неизменно повторял следующие четыре года – и всемерно старался реализовать их на практике.

Вскоре после этого я создал рабочую группу по контролю ухода за ранеными и поручил отчитываться передо мной каждые две недели о действиях, принимаемых в министерстве обороны по удовлетворению потребностей раненых и их семей. Задачи рабочей группы были весьма амбициозными: 1) полностью изменить систему установления инвалидности; 2) сосредоточить усилия на лечении черепно-мозговых травм и посттравматического стресса; 3) выявить и устранить недостатки в организации работы с ранеными; 4) наладить оперативный обмен данными между министерствами обороны и по делам ветеранов; 5) обеспечить надлежащие условия размещения раненых воинов; 6) реформировать процедуру передачи выздоравливающих в ведение министерства по делам ветеранов. Теми же вопросами занималась созданная мной независимая комиссия Уэста – Марша и президентская комиссия Доула – Шалалы. Я не собирался ждать, пока рабочая группа и обе комиссии распределят полномочия между собой, тем более что у каждой все-таки был собственный круг задач.

Также требовалось убедиться, что правильные идеи подхватываются всеми ведомствами и службами министерства обороны. Как и в случаях с MRAP и PHP, собственной заинтересованностью я намеревался дать понять, насколько важна проблема, и рассчитывал личным примером побудить сотрудников действовать смело и агрессивно. Еще мы с Гордоном Инглендом возродили совместную надзорную группу министерства обороны и министерства по делам ветеранов – Главный рабочий комитет, – сопредседателями которой стали заместители министров от каждого ведомства; эта группа была призвана существенно облегчить и улучшить процедуру выхода военнослужащего с действительной службы в отставку или получение им статуса ветерана.

С самого начала войн в Афганистане и Ираке ни министерство обороны, ни министерство по делам ветеранов почему-то не задумывались, тем более не готовились к поступлению огромного количества раненых (в подавляющем большинстве мужчин), которые вдруг хлынули потоком в наши госпитали. Многие не выжили бы, получи они подобные ранения в предыдущие войны, однако грандиозные достижения современной медицины и великолепное мастерство врачей позволяли надеяться на исцеление даже в наиболее тяжелых случаях, в том числе черепно-мозговых травм и множественной ампутации; пусть этих несчастных ожидало длительное лечение и годы реабилитации, даже пожизненная инвалидность, – главное, что они оставались жить. Бюрократические структуры министерств обороны и по делам ветеранов привыкли взаимодействовать с пожилыми ветеранами Вьетнама и более ранних войн, а также с отставниками, привыкли решать традиционные проблемы стариков – и оказались неспособными подстроиться под обстоятельства военного времени (то же самое можно сказать о правительстве как таковом). Моя схватка за права раненых с военной и гражданской бюрократией протекала на трех фронтах, и везде я руководствовался убеждением, что раненых в бою или при боевой подготовке следует выделять в особую категорию

пациентов, которая должна получать (в моей терминологии) «платиновый уход» с точки зрения медицинской помощи, размещения, административной поддержки и всего остального. Я хотел приставить к раненым административный персонал, для которого они были бы единственными «клиентами». А бюрократические структуры обоих министерств не могли или не желали отделять раненных в бою от прочих нуждающихся в уходе.

Все ведомства и службы министерства обороны создали собственные бригады заботы о раненых; аналогичным образом поступили гарнизоны и базы на территории Соединенных Штатов. Теперь у раненых появились временные «дома», где гарантировался надлежащий уход. Но им пришлось выдержать настоящий бой за право находиться в этих «домах». Я был потрясен, узнав всего через несколько месяцев реализации программы, что армейские медицинские лагеря такого рода заполнены почти до отказа. Когда я утверждал эту программу, то предполагал, что места в лагерях зарезервированы для солдат, получивших ранения на фронте или при подготовке к боевым действиям, однако армия размещала в лагерях всех подряд, не делая различий. В итоге «спасательный пояс», который, по моему замыслу, полагался воину, раненному в Ираке, мог достаться солдату, не покидавшему США и сломавшему ногу в автомобильной аварии. Разумеется, последнему тоже необходима первоклассная медицинская помощь, но все-таки мы создавали такие подразделения и лагеря для другой цели. В разговорах с ранеными в лагерях по всей стране я слышал, что боевые части нередко отправляли в лагеря наркоманов и солдат с дисциплинарными проблемами. В конце концов я убедил нового министра армии Пита Герена строже придерживаться первоначального плана, но согласился на «естественную убыль», чтобы не пришлось силой выгонять никого из уже принятых пациентов.

Второй фронт, на котором я воевал, представлял собой бюрократическую волокиту в принятии решений по инвалидности. Если человек страдает от серьезного (и это еще мягко сказано) ранения, нет никакой необходимости тратить несколько месяцев на выяснение, имеет ли он право на полную пенсию по инвалидности. Аналогичным образом, решение о передаче раненых, неспособных по состоянию здоровья к продолжению воинской службы, в ведение министерства по делам ветеранов не должно занимать столько времени, сколько занимало. Я назвал свой подход «многоуровневым». Президент Буш поддержал меня в стремлении облегчить раненым процедуры установления инвалидности – изначально мы исходим из блага солдата, а затем, при необходимости, вносим коррективы. Поскольку число раненых солдат в системе здравоохранения составляло лишь незначительный процент от общего числа тех, кто нуждался в медицинской помощи и статусе инвалида, я не сомневался, что систему следует модифицировать. «Мы должны оценивать ситуацию глазами солдата, а не с точки зрения правительства», – сказал я группе курсантов Вест-Пойнта в сентябре. Пилотная программа ускоренного установления инвалидности стартовала в Вашингтоне, округ Колумбия, но нас по-прежнему ограничивали законодательство и бюрократические проволочки. Я добивался перемен в течение многих лет, но дружная оппозиция военной и гражданской бюрократии – и отсутствие поддержки моих усилий со стороны высокопоставленных чиновников – во многом определили мое поражение. Любой новый подход, любое изменение привычного уклада, любое решение, требующее одобрения конгресса, любая попытка отделить раненых в бою от прочих подвергались анафеме большинством чиновников в министерстве обороны и в министерстве по делам ветеранов.

Третья схватка развернулась вокруг самой системы установления инвалидности. Чтобы получить право на пенсию по инвалидности, раненый должен доказать, что является инвалидом минимум на 30 процентов. Забавная дотошность, не находите? Как можно оценить количественно, на 28 процентов человек инвалид или на 32 процента? Знаю, знаю, существуют всякие правила и руководящие принципы; знаю, что некоторые ветераны пробуют обмануть систему и получить от государства больше денег. Но когда дело касается

раненных в бою, побывавших на волосок от смерти, и мы продолжаем заниматься казуистикой… Я хотел ошибаться в пользу солдата, безоговорочно. Я предложил ввести процедуру проверки раз в пять лет; это позволит при необходимости пересмотреть оценку и исправить вопиющие ошибки, допущенные на начальном этапе. Увы, меня не поддержали.

Также я добивался дополнительной заботы о семьях погибших и тяжелораненых, помимо первоклассной медицинской помощи для жертв текущих конфликтов – страдающих от посттравматического стресса, черепно-мозговых травм, утраты конечностей и проблем со зрением. На мой взгляд, все эти травмы «останутся главной заботой военной медицины еще много лет».

В середине июля, на совещании со старшим гражданским и военным руководством министерства, мне привели статистику, которая как будто доказывала мою правоту в применении «многоуровневого» подхода. На тот момент на действительной службе в Ираке и Афганистане находилось 1 754 000 человек. Тридцать две тысячи были ранены в бою, половина вернулись в строй в течение семидесяти двух часов. Десять тысяч солдат и офицеров были эвакуированы из Ирака и Афганистана по медицинским показаниям, причем не все в связи с боевыми травмами; в общей сложности, по состоянию на 15 июля, 2333 человека считаются тяжелоранеными. Иными словами, число раненных в бою составляет лишь малую часть от общего количества пациентов.

Меня грызло ощущение необходимости действовать – в немалой степени потому, что я предполагал оставаться на своем посту не долее шести месяцев. Если я не добьюсь значимых успехов и если мой преемник не будет столь озабочен этими вопросами, все сведется к пустой говорильне. Я знал, что одним из главных препятствий для надлежащего ухода за ранеными военнослужащими и ветеранами является бюрократическая разделенность двух министерств – обороны и по делам ветеранов. Раненому предстояло пройти две комиссии по инвалидности, а также получить медицинские справки в одном министерстве и передать их в другое, что всегда было сопряжено с трудностями. Министры по делам ветеранов, с которыми я сотрудничал в администрациях Буша и Обамы (Джеймс Пик и Эрик Шинсеки соответственно), проявляли заинтересованность в устранении этих препон. К сожалению, если в Вашингтоне и есть бюрократия неповоротливее той, что в министерстве обороны, это министерство по делам ветеранов. Только когда мы с министром по делам ветеранов лично вмешивались, дело, самое простое, сдвигалось с мертвой точки. Если мой преемник решит, что это не входит в его обязанности, все наши успехи, пусть незначительные, быстро забудутся. Опять же, насколько я мог судить, основная проблема заключалась в нежелании системы отличать раненных в бою от тех, кто выходит на пенсию из-за потери слуха или из-за геморроя.

Раненые и их семьи часто рассказывали, насколько трудно найти информацию о доступных льготах. Когда я упомянул об этом на совещании в Пентагоне, мне прислали список на двух страницах с перечнем веб-сайтов, на которых содержатся все сведения по льготам и иным формам поддержки раненых. Однако исходные условия – необходимость прошерстить весь этот материал и допущение, что в каждой семье раненого военнослужащего имеется компьютер с выходом в Интернет (а если он лечится в медицинском учреждении далеко от дома, например?), – показались мне симптоматичными: что-то не так с системой в целом. В январе 2008 года я официально попросил кадровую службу Пентагона подготовить печатный буклет для раненых, этакий мини-справочник по вопросам льгот и другой помощи. Через месяц мне представили несколько брошюр и листовок, новый перечень вебсайтов и колл-центров – так сказать, все, что вы хотели знать о помощи раненым. Я прокомментировал так: «По-моему, вы совершенно меня не поняли. Нужен один буклет, читабельный, с четкой рубрикацией и подробным указателем. Именно об этом я просил». Спустя две недели я получил служебную записку с характеристиками буклета и уведомлением, что все

должно быть готово к 1 октября. Я буквально взбеленился и написал в ответ: «Мне кажется, что если на подготовку нужно шесть месяцев, наши проблемы серьезнее, чем я думал». И так оно и было.

Многие из этих вопросов находились в ведении заместителя министра обороны по кадрам и боеготовности (КБ). Для его отдела, судя по всему, приоритетным было сохранение статус-кво. Практически любой вопрос, который затрагивал здравоохранение (в том числе недостатки «Трайкэр», военной программы медицинского страхования, о которых постоянно докладывали военнослужащие всех рангов), уход за ранеными и установление инвалидности, провоцировал активное сопротивление, пассивную оппозицию или просто бюрократическое упрямство КБ. Скажу честно, я злюсь до сих пор, даже сейчас, когда пишу эти строки. Увы, моя неудачная попытка преодолеть инертность этой громоздкой, хоть и жизненно важной для министерства структуры, будет, боюсь, иметь печальные последствия для военнослужащих и членов их семей.

Помимо бюрократических преград в министерствах обороны и по делам ветеранов на пути реформирования системы установления инвалидности для раненных в бою стояло еще два других препятствия. Первое – это конгресс, который на протяжении многих лет вникал в ветеранские проблемы и, как собака Павлова, инстинктивно и мгновенно реагировал на любые лоббистские запросы организаций ветеранов (ВО, в том числе Ветеранов американских зарубежных войн и Американского легиона[45]). Почти всякое новшество требовало нового закона – а это, сами понимаете, непросто. В октябре 2008 года я инициировал разработку «автономной» поправки, которая позволяла министерству самостоятельно организовывать уход за тяжелоранеными.

В декабре мы с Малленом встретились с сотрудниками министерства обороны, которые изучали ситуацию с ранеными, чтобы обсудить инициативы, достойные внимания новой президентской администрации. Я сказал, что побеседовал с новым министром по делам ветеранов Эриком Шинсеки, и он готов сотрудничать с нами по системе установления инвалидности. Вариантов было два: либо министерства обороны и по делам ветеранов работают вместе, либо мы обращаемся за поддержкой к законодателям. Маллен заметил, что нужно увеличить финансовую поддержку семей раненых, и я ответил, что нам необходим соответствующий закон, который уменьшит для них финансовое бремя. Еще я напомнил, что следует поместить под нашу «опеку» Национальную гвардию и резервистов. Разумеется, мы понимали, что нам придется нелегко – во многом благодаря ветеранским организациям.

Я высоко ценю ВО и все, что они делают для ветеранов, их патриотические и образовательные начинания, их стремление помогать семьям военнослужащих. Тем не менее они снова и снова становились помехой моим усилиям изменить ситуацию к лучшему в отношении помощи тем, кто состоял на действительной военной службе. Например, именно они в значительной степени несут ответственность за провал попытки добиться изменений в системе оценки инвалидности, о чем говорилось выше. Эти организации фокусировались на обеспечении максимальной поддержки ветеранам, поэтому солдаты и офицеры действительной военной службы оказывались во второстепенном положении, особенно если речь

[45] Ветераны американских зарубежных войн (ВАЗВ) – одна из ведущих ветеранских организаций США, объединяющая в своих рядах действующих и бывших военнослужащих, которые участвовали хотя бы в одной зарубежной операции армии США и награждены Экспедиционной медалью вооруженных сил. ВАЗВ активно занимается лоббистской деятельностью в конгрессе и пользуется большим влиянием. Американский легион – крупнейшая американская ассоциация ветеранов войны, предоставляющая «финансовую, социальную и эмоциональную поддержку» (цитата из устава Американского легиона) военнослужащим США, ветеранам и членам их семей. Членами ассоциации могут быть ветераны вооруженных сил и те, кто находится на действительной военной службе и может документально подтвердить свое участие в следующих кампаниях: Первая и Вторая мировые войны, корейская война, вьетнамская война, боевые действия в Ливане и на Гренаде (1982), в Панаме (1989), на Ближнем Востоке (1990 – по настоящее время). В публичной политике Американский легион как организация придерживается консервативных изоляционистских взглядов.

заходила о каких-либо новых льготах или пособиях, «ущемляющих» ветеранов. В частности, ВО категорически воспротивились законопроекту на основе превосходных рекомендаций комиссии Доула – Шалалы. По-моему, подобная близорукость непростительна.

Другой пример. Сенатор Джим Уэбб выдвинул законопроект, суливший ветеранам небывало щедрые образовательные субсидии. Я посчитал, что эти субсидии чрезмерно велики и могут негативно повлиять на желание нынешних военнослужащих оставаться на действительной военной службе. Я предложил конгрессу ввести пятилетний ценз: отслужи – и тогда претендуй на субсидии; тем самым мы гарантируем себе по крайней мере два срока, прежде чем человек покинет армию. Когда я позвонил по этому поводу спикеру палаты представителей Пелоси, она сказала: «По таким вопросам мы во всем полагаемся на ВО». (Во время моего визита в Форт-Худ осенью 2007 года супруга одного военнослужащего сказала мне, что солдат должен иметь возможность поделиться этой образовательной субсидией с женой или с детьми. Я счел это отличной идеей и передал президенту Бушу, а тот озвучил ее в своем обращении к нации в 2008 году. На Капитолийском холме идею встретили кисло, но мы смогли включить ее в окончательный вариант законопроекта; я рассматривал эту льготу как своего рода компенсацию за отказ ввести пятилетний ценз для получения субсидии.)

Было чрезвычайно тяжело добывать в министерстве обороны точную (и достоверную) информацию о том, насколько успешны шаги по улучшению помощи раненым и их семьям. Бюрократы из управления КБ регулярно докладывали мне, что все замечательно, что наши военнослужащие и их семьи всем довольны. Между тем от самих раненых я очень часто слышал обратное. Я требовал более полной и надежной обратной связи – от раненых, от их товарищей, супругов и родителей. «Хочу провести независимую оценку положения солдат и их семей, хочу видеть список программ, на которые нужны деньги», – таково было мое неизменное пожелание.

Мне так и не удалось одолеть упрямство и косность управления кадров и боеготовности, а также медицинской бюрократии, равно военной и гражданской. Это одна из моих величайших неудач на посту министра.

Война за войну

Весной 2008 года стало окончательно ясно, что принципиальная озабоченность министерства обороны планированием, подбором снаряжения и подготовкой личного состава к грядущим крупным войнам с другими национальными государствами при фактическом игнорировании текущих конфликтов и иных форм боестолкновений, например, иррегулярных и асимметричных войн, идет вразрез с насущной необходимостью. Именно это противоречие лежало в основе всех прочих схваток с Пентагоном, о которых я писал выше. За мои четыре с половиной министерских года этот вопрос оказался одним из немногих, когда мне приходилось давить на председателя ОКНШ и на весь Объединенный комитет начальников штабов.

Мне представлялось, что их подход состоит в намеренном игнорировании реальности. Ведь практически любой конфликт с применением вооруженных сил США со времен Вьетнама – за исключением разве что войны в Персидском заливе и первых недель войны в Ираке – подразумевал нетрадиционное противостояние: нашими противниками выступали малые государства или негосударственные образования наподобие «Аль-Каиды» и «Хезболлы». Военные же как будто исходили из следующего принципа: если готов и снаряжен к победе над большой страной, любая угроза меньших масштабов не заслуживает внимания. Но я не сомневался, что отсутствие с 2003 года успеха в борьбе с иракскими повстанцами опровергает это убеждение. Конечно, я признаю важность подготовки к войне против других государств. Хотя конфликты такого рода наименее вероятны, они будут иметь самые серьез-

ные последствия, если к ним не готовиться заранее. Тем не менее, на мой взгляд, столь же необходимо финансировать, закупать снаряжение и обучать войска с учетом широкого круга потенциальных противников. Я никогда не ставил себе целью принизить значимость межгосударственных конфликтов или ценность современного оружия, не низводил их до «боев второго сорта» по сравнению с войнами, которые мы вели в настоящее время; скорее, я добивался того, чтобы мы не ограничивали себя традиционными возможностями. Я хотел иметь такой бюджет и такую организационную культуру, которые на данный момент в министерстве обороны отсутствовали.

Если коротко, я стремился сбалансировать наши возможности. Мне хотелось закрепить уроки и возможности, усвоенные в ходе кампаний в Ираке и Афганистане. Нельзя, чтобы армия мало-помалу забыла, как воевать против повстанцев (а после Вьетнама именно так и произошло). Нельзя допустить, чтобы оказалась напрасной реформа специальных операций, борьба с терроризмом и антипартизанские методы, революционизированные благодаря не имевшему ранее прецедентов слиянию возможностей разведки и боевых сил. Нельзя забывать, что обучение и оснащение сил безопасности в других странах, особенно в развивающихся, может стать важнейшим фактором победы без развертывания наших собственных войск. Мои сражения с Пентагоном на протяжении 2007 года – из-за MRAP, PHP, ухода за ранеными и прочего – заставили меня осознать чрезвычайную привлекательность традиционной войны для военного мышления: она словно зашита в ДНК штабистов, как и в ДНК тех бюрократов и политиков, промышленников и конгрессменов, которые жаждут и далее сохранить крупные программы закупок, инициированные в годы «холодной войны», и пресловутый «генеральский» образ мысли.

В соответствии с законом 1986 года президент должен представить Стратегию национальной безопасности, документ, описывающий мир таким, каким его видит президент, формулирующий цели и приоритеты во внешней политике и в сфере национальной безопасности. Министр обороны на основании этого документа готовит Национальную стратегию обороны (НСО), показывая, каким образом министерство поддержит усилия президента в рамках своих программ. НСО является фундаментом военного планирования, любых кампаний с использованием вооруженных сил, а также разведывательных операций. Учитывая, что ресурсы не беспредельны, НСО оценивает способность министерства обороны отводить риски и реагировать на них, причем «риск» определяется в терминах потенциальной угрозы для национальной безопасности в сочетании с вероятностью возникновения и «последствиями и ущербом в случае допущения критической ситуации». А председатель Объединенного комитета начальников штабов, опираясь на НСО, разрабатывает Национальную военную стратегию, в которой содержатся конкретные рекомендации для военных ведомств, служб и боевых частей с учетом сформулированной президентом Национальной стратегии безопасности.

Подготовка каждого из этих трех документов занимает много месяцев, отчасти потому, что все заинтересованные структуры в правительстве и министерстве обороны имеют право изложить собственные взгляды на этапе обсуждения черновых вариантов. Разумеется, на словах все ратуют за единодушие, но бесчисленные часы тратятся на споры и согласования текстов. Иногда дискуссии и вправду оказываются полезными, но чаще всего они отражают усилия всех бюрократических структур защитить локальные приоритеты и программы. Как ни удивительно (но вполне ожидаемо), практический эффект этих документов ограничен высшим уровнем власти. Лично я не припомню, чтобы читал Национальную стратегию безопасности, когда соглашался стать министром обороны. И когда занял свой пост, я не удосужился прочесть ни одной предыдущей стратегии национальной обороны. Не могу сказать, что мне это сильно мешало в работе.

НСО приобрела для меня значимость весной 2008 года. Во-первых, на ней будет мое имя; во-вторых, я сам хотел, чтобы в этом документе были сформулированы мои укрепившиеся воззрения на необходимость большей сбалансированности в нашем военном планировании, без перекоса в сторону традиционных либо нетрадиционных войн. Ключевым в наброске текста был абзац по оценке рисков:

«Доминирование США в традиционной войне не является бесспорным, но представляется устойчивым в среднесрочной перспективе, учитывая текущие тенденции… Следует и впредь уделять особое внимание нашим усилиям в создании возможностей для решения других [нетрадиционных] задач. *Это подразумевает допущение дополнительного, но приемлемого риска в традиционной сфере* [курсив мой. – Р. Г.]. Мы не ожидаем, что подобное допущение приведет к утрате господствующего положения или существенному ослаблению указанных возможностей».

Этот абзац, в особенности фраза, выделенная курсивом, спровоцировала восстание. Председатель Объединенного комитета начальников штабов, министры флота и военно-воздушных сил, а также начальник штаба сухопутных войск дружно отказались поддержать документ, написанный таким языком. Они заявили, что «невозможно принимать дополнительные риски для традиционных возможностей ради других областей применения военного потенциала».

В середине мая я встретился с членами Объединенного комитета начальников штабов и боевыми командирами. Я спросил, в чем они видят разницу между «риском» применительно к нынешним войнам и «рисками», проистекающими из нашей способности реагировать на будущие угрозы. «Почему вы предполагаете, что государства-конкуренты будут полагаться исключительно на традиционные возможности, чтобы бросить нам вызов?» – уточнил я. Снова подчеркну: я вовсе не отрицаю необходимость подготовки к крупномасштабным межгосударственным конфликтам и не требую перераспределить значительные оборонные ресурсы в ущерб традиционным возможностям. Я просто хотел официально закрепить в оборонном бюджете и в самой культуре министерства обороны признание наличия нетрадиционных военных возможностей и гарантировать выделение ресурсов на боестолкновения, заведомо, по моему мнению, более вероятные, – чтобы планирование, бюджетирование, обучение и программы закупок распространялись и на эту сферу. Всего-навсего! Но даже такая малость была воспринята как покушение на основы, поскольку она угрожала модернизационным приоритетам штабистов.

В конечном счете я согласился несколько смягчить аргументацию в НСО, однако в публичных выступлениях продолжал настаивать на адекватном распределении ресурсов оборонного планирования и закупок. Понимаю, эти препирательства могут показаться абстрактными – прозаическая бюрократическая междоусобица, – но затронутые вопросы, редко волнующие широкую общественность, имели вполне реальные последствия для наших мужчин и женщин в военной форме и для нашей национальной безопасности, особенно когда бюджет урезают и предстоит трудный выбор.

В конце сентября 2008 года, выступая в Национальном университете обороны в Вашингтоне, округ Колумбия, я обобщил ситуацию с моей войной против Пентагона, шедшей в течение почти двух лет.

Баланс, к которому мы стремимся, таков:

– баланс между победой в конфликтах, ныне разворачивающихся, и готовностью к другим возможным боестолкновениям в иных местах или в будущем;

– баланс между признанием таких возможностей, как борьба с повстанцами и обеспечение стабильности, а также помощь партнерам в укреплении военного потенциала, и поддержанием традиционных возможностей, прежде всего технических и технологических, с учетом развития регулярных сил других государств.

Нисколько не хочу сказать, что вел свои войны внутри министерства обороны в одиночку. За исключением НСО и еще нескольких вопросов моим верным союзником неизменно оказывался Майк Маллен. Также меня, как правило, поддерживали большинство боевых командиров, в первую очередь, насколько мне известно, офицеры, участвовавшие в боевых действиях в Ираке и Афганистане. По многим вопросам, в частности относительно заботы о раненых, высшее военное руководство министерства зачастую действовало даже решительнее, чем я предлагал первоначально. Старшие гражданские руководители: Эдельман, Янг, Клаппер – и их сотрудники тоже ни в коем случае не «отсиживались в окопах». Моими противниками были приверженцы традиционного мышления, отрицавшие любую «идею со стороны», полагавшие, что мои действия и намерения угрожают их «карманным» программам и бюджетам. Более того, сами масштабы Пентагона серьезно осложняли попытки сделать что-либо иначе, чем это делалось ранее. Мои войны внутри Пентагона в 2007–2008 годах велись по конкретным проблемам и ради наших парней, сражавшихся в Ираке и Афганистане. Более глобальные проблемы я не затрагивал, разве что упоминал в разговорах и речах. Но когда я узнал, что мне предложено остаться на своем посту и в администрации президента Обамы, то начал планировать, как на самом деле реализовать свои идеи в бюджете. Гордон Ингленд однажды обронил: «Мы делаем то, что финансируется». И мне выпал шанс впервые в жизни взять на себя ответственность за этот процесс.

Игра в виноватых

В Вашингтоне принято снимать скальпы, едва дела начинают идти не так, как хотелось бы. По правде говоря, не существует однозначного ответа на вопрос, чье бездействие привело к проблемам, которые я описал выше. Пытаясь, с переменным успехом, исправить эти проблемы, я пришел к выводу, что в каждом случае к происходящему причастны, независимо друг от друга, сразу несколько институтов, и никто из них – ни военные ведомства, ни Объединенный комитет начальников штабов, ни заместитель министра по закупкам, ни ревизоры – не имел определяющего влияния на остальных. Боевые командиры говорили о выводе войск из Ирака на протяжении 2005 и 2006 годов. Если следовать этой логике, зачем гражданским и военным руководителям министерства изымать из бюджета средства на приобретение нового бронированного автомобиля? Ведь война предположительно скоро закончится? ВВС никогда не нравилась идея беспилотных самолетов, так с какой стати вкладывать немалые средства в программу БПЛА за счет других программ? Никто не предвидел огромного потока тяжелораненых пехотинцев и морпехов, а также многократных командировок в Ирак и Афганистан, обернувшихся многочисленными физическими и душевными травмами самих солдат и членов их семей. Госпиталь имени Уолтера Рида предполагалось закрыть в ходе проведения реформы армейского здравоохранения. Так зачем тратить деньги на содержание госпиталя, на удобства для амбулаторных пациентов или на дополнительный административный персонал?

Злого умысла в пренебрежении нашими войсками и их благополучием не было и не могло быть. Зато имелась токсичная комбинация некорректных предположений о длительности и характере войны, закостенелой бюрократии, бюджетных решений, принятых в отрыве от реальной ситуации на фронтах, сосредоточенности военных ведомств на рутинном составлении бюджета и яростных схватках за каждый лишний доллар на планирование грядущих войн; Белый дом не осознавал насущных потребностей наших войск в зонах боевых действий и не желал слушать «горстку горлопанов» из конгресса, которые перечисляли эти потребности; сам же конгресс по большому счету настолько зациклился на политических аспектах войны в Ираке, что то ли отмахивался, то ли просто малодушничал, когда ему показывали суровую реальность войны, которую вела страна. Вообще политический климат

в Вашингтоне, стараниями нескольких специальных комиссий, инспекций и аудиторских проверок, на фоне общей жажды скандалов, способствовал усугублению бюрократической робости и осторожности чиновников. В итоге сформировалась тяжеловесная и склонная к «зависаниям» система, полная антитеза той быстроте, гибкости и инновациям, которые требовались для поддержки наших войск на передовой.

На мой взгляд, если уж мы заговорили о вине, то ее следует возложить на тех руководителей, которые отнюдь не кричали на каждом углу о необходимости поддержать наши войска за рубежом, и на тех, кто имел возможность действовать, но не действовал.

К первой группе отнесу региональные командования и боевых командиров, глав военных служб и начальников штабов тех родов войск, что оказались в «группе риска», председателя Объединенного комитета начальников штабов и его заместителей, гражданских руководителей всех уровней в министерстве обороны, а также политиков из комитетов по делам вооруженных сил обеих палат конгресса.

Вторую группу составляют прежде всего министры обороны и их заместители. Только они обладали властью игнорировать все организационные границы и бюджетные разногласия – и начать действовать. Только они, приняв на себя ответственность, могли устранить риски для физических лиц и организаций. Только они могли росчерком пера уничтожить самые нелепые бюрократические препоны и барьеры, препятствующие перенаправлению бюджетных средств. Министр Рамсфелд с успехом осуществил нечто подобное, когда создал Организацию двойного подчинения по предотвращению воздействия самодельных взрывных устройств. Но он оставил без внимания другие вопросы, которые я посчитал критически важными. В некоторых случаях я потерпел поражение – в частности, по реформе системы ухода за ранеными, особенно в части предоставления административной и финансовой поддержки сверх положенной тем, кто носит форму, и изменения устаревшей, нарочито сложной и непрозрачной системы установления инвалидности. Уверен, что не оправдал надежд и в чем-то еще.

Министр Рамсфелд однажды сказал: «На войну идешь с той армией, какая у тебя есть». Известная фраза – и абсолютно верная. Но я хотел бы добавить: шевелись, черт подери, и создавай армию, которая тебе нужна. Именно за это мы воевали с Пентагоном.

Глава 5
Сложный мир за пределами Ирака

Ни один президент, даже во время войны, не может позволить себе роскошь сосредоточиться на одной-единственной проблеме. И Буш-43 не стал исключением. В последние два года работы его администрации мы, продолжая вести две масштабные войны, столкнулись с серьезными международными проблемами, связанными с Россией, Сирией, Ираном, Израилем, Пакистаном, Китаем, Северной Кореей, НАТО, Восточной Европой, Грузией, а также с морским пиратством. Эти проблемы в совокупности требовали от президента и его старших советников по национальной безопасности столько же, если не больше, внимания, сколько отнимали войны в Ираке и Афганистане. Причем некоторые из них вызвали существенные разногласия в правительстве.

С тех пор как в 1993 году я покинул пост директора ЦРУ, мир кардинально изменился. Тогда Соединенные Штаты разгромили армию Саддама Хусейна – четвертую по численности на планете – менее чем за сто часов в ходе войны в Персидском заливе. Восточная Европа освободилась, Германия объединилась, Советский Союз недавно распался, а Китай скрывал амбиции, фокусируясь на экономическом росте и развитии торговли. Победив в «холодной войне», Соединенные Штаты возвышались на мировой арене в гордом одиночестве – единственная уцелевшая сверхдержава, политический, военный и экономический колосс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.